

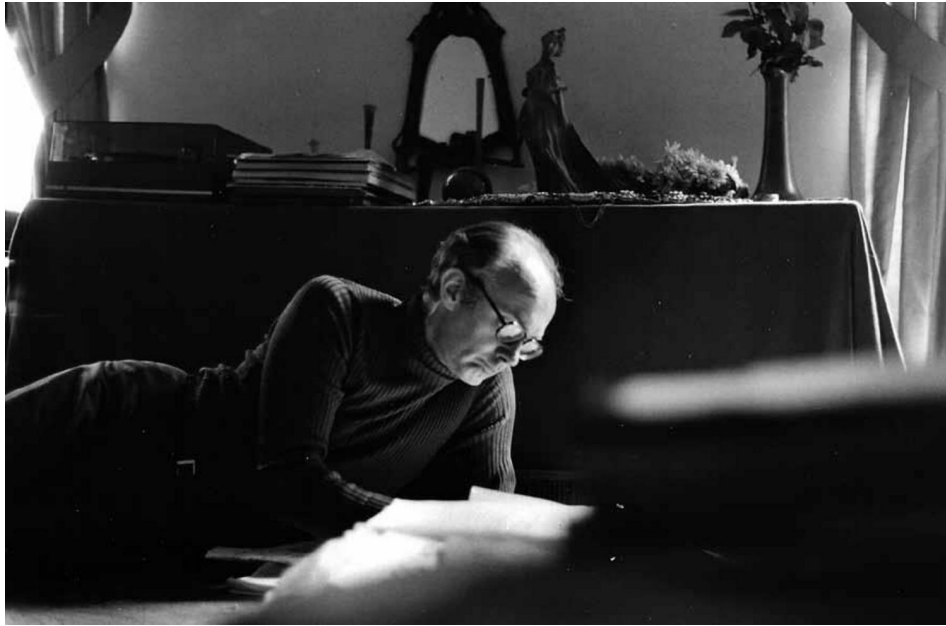
НОВАЯ ПОЛЬША 4/2018

Выпуск изображений

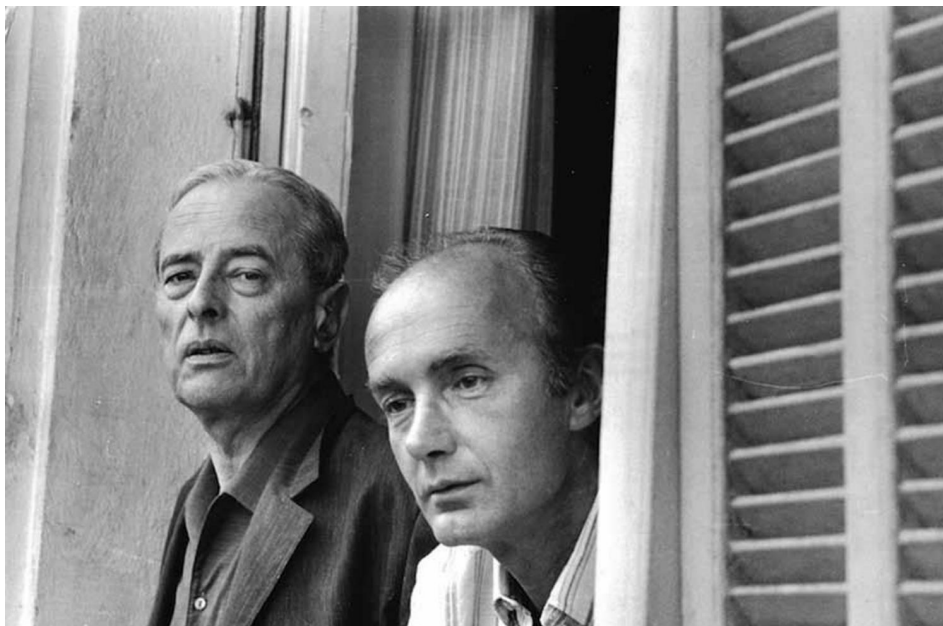

Эссеист и критик. Эмигрант. Неофициальный посол польской литературы в Париже и в мире. Войцех Карпиньский о

Константы Еленьском: «в моем понимании, это блестящий польский писатель, один из величайших, с какими свела меня судьба. Польский язык, который я слышу в его текстах, — это язык, встречающийся очень редко, впрочем, он и раньше был редкостью. Для рождения такого языка необходимо несколько стечений обстоятельств. Нужен человек, чья семья происходила бы с Кресов, человек, который осел бы в Центральной Польше, который впитал бы эту шляхетскую или помещичью речь и подчинил ее дисциплине интеллекта и восприимчивости. А подобных феноменов в польской литературе не так много» (НП, 4/2018). На фото: Константы Еленьский, 1980 г.

Войцех Карпиньский: «Что я хочу сказать, говоря, что в моем понимании это великий писатель? Он умел передать мерцание реальности при помощи образов, которые, являясь прозой, звучат, как поэзия и служат затем языком взаимопонимания, познания реальности. Для меня эссе Константы Еленьского, публиковавшиеся, главным образом, в парижской «Культуре» и собранные воедино с большим запозданием (впервые в книге «Стечения обстоятельств») являются памятником польской письменности» (НП, 4/2018). На фото: Константы Еленьский, 1970 г.

Войцех Карпиньский: «Константы Еленьский также являлся человеком-организацией, точнее несколькими организациями. Он вращался в мире Леонор Фини, в мире Конгресса за свободу культуры, вращался в мире своих друзей по всему миру и вращался — для нас это самое главное — в польском мире. В польском мире Еленьский был великим послом польской культуры, а точнее, ряда писателей, которых он по-настоящему ценил — для французов, англичан, итальянцев, немцев. Это он добился того, что «Фердыдурке» вышел по-французски. Это ему Чеслав Милош обязан французским изданием своего великолепного поэтического сборника. Таких должников у Константы Еленьского много» (НП, 4/2018). На фото: Витольд Гомбрович и Константы Еленьский, 1968 г.

Содержание

1. Антология равнодушных
2. Из антологии «Пора расплеваться»
3. Рок-фестиваль в Яроцине
4. Проснись!
5. Хроника (некоторых) текущих событий
6. Экономическая жизнь
7. Мой
8. Выписки из культурной периодики
9. Разбойничьи книги и города (Ч. 3)
10. Культурная хроника
11. Ежи Гедройц — читатель и издатель русской литературы (Ч.4)
12. Механизм диктатуры
13. Слово от переводчика
14. Экстаз и ремесло

Антология неравнодушных

Антология называется «Пора расплеваться». Собственно, именно это и происходит. Сборник подготовили Павел Качмарский и Марта Коронкевич, а выпущена книга издательством «Бюро литереаке» в 2016 году. В антологию вошли тексты одиннадцати авторов, а ее название взято из стихотворения Конрада Гуры, в котором сказано: «ЕГО СЛЮНА ЗАЛИВАЕТ КРАЯ ГУБ: // народ, стой, раз-два. / Пора расплеваться». Этой слюны там и в самом деле много. В стихотворении «В шаге от них» читаем: «Я пробрался через липкий от ежевики овраг, отлил. Подошел ближе, и пафос / не позволил мне сплюнуть».

Далее идет подборка стихотворений Щепана Копыта, которого я бы назвал поэтическим бунтарем до мозга костей. Так или иначе, он уже давно обратил на себя мое внимание. Недавно я наткнулся на свои заметки на полях его книги стихов «бух» (издательство Воеводской публичной библиотеки и Центра продвижения культуры, Познань, 2011) — этот сборник и прилагающийся к нему диск, музыку к которому Копыт написал совместно с Петром Ковальским, нужно воспринимать как единое целое, и его восприятие, как мне кажется, должно происходить в два этапа: прочитав стихи, стоит послушать запись, увенчанную инструменталом, давшим название всему проекту (заметим, что название книги двусмысленно — это не только «бух» как звук, но еще и «книга» по-немецки). При этом сразу обращает на себя внимание тот факт, что музыка во многом смягчает резкую эмоциональность печатного текста — в особенности это чувствуется во время прослушивания финальной композиции. Для Копыта важно слуховое восприятие его лирики, что дополнительно акцентируется превращением заключительных строк в тэг:

	имеющий
уши да услышит что говорят ангелы	каждый
предсказуемый строим пьедесталы	маленький
шаг для человека огромный шаг для поэзии	

Этот прием во многом напоминает эксперименты футуристов, к примеру, из таких книг, как «Ночь — день» или «Змей, Орфей и Эвридика» (обе — 1922) Титуса Чижевского. Графический символ выступает здесь неотъемлемой частью произведения — вдобавок здесь его функция заявлена уже в названии.

Слушать ангелов — их язык, а не пение — это и в самом деле сделать «маленький шаг для человека огромный шаг для поэзии», что, будучи отсылкой к известным словам Нила Армстронга, позволяет сравнить человечество с поэзией. Но пока что мы слушаем людей, от которых узнаем, что «закон умирает и умирает государство / умирает пресса и целый инвентарь понятий» («закон»). Эти стихи — их чтение и восприятие — выражают нынешний кризис цивилизации, где, как в стихотворении «archeology», «наша этика держится на нефти», а «наша эпопея это экранная эпоха / столь же загадочная как хрусталь в серванте». При этом кризис здесь нужно понимать двояко: с одной стороны это коллапс, с другой — шанс на перелом, на новый поворот. Бесспорно одно: эти тексты — форма протеста в отношении нынешнего состояния человеческого бытия, равно как и — а возможно, в первую очередь — в отношении манеры писать и говорить о нем. Именно так это выглядит в стихотворении «кризис»:

нет никакого кризиса
это нормальное состояние капитализма (...)
мы выходим глупые из научных центров
мы выходим глухие с концертов
мы выходим слепые из кинотеатров

нагие

Где же выход? Не проще ли закурить «нелегальную самокрутку», которая защитит «от безумия и неизлечимой ненависти» («закон»?). Нет, конечно, ведь это уже не жест бунта, а жест отказа. Диагноз положения вещей, представленный в этих стихах, безусловно, отражает настроения широких социальных кругов. Смелость Копыта заключается прежде всего в том, что он — после того, как литература годами дистанцировалась от вопросов общественной жизни — ломает сопротивление, создаваемое социальной проблематикой и называет вещи своими именами. Наконец (и в этом ценность поэзии Копыта), в умении подобрать для описания этих явлений соответствующий язык, использующий, как в стихотворении «шум машин диоды для глаз», рекламные штампы и обнажающий ловушки доминирующего дискурса: «бродит призрак транссексуализма». Разумеется — бродит он по Европе, как же иначе...

Я не собираюсь разбирать здесь всю антологию (хотя она того стоит — в конце концов, мы имеем дело с предпринятой то ли самими поэтами, то ли, скорее, составителями книги, сопроводившими каждую подборку критическим очерком,

попыткой создать некое художественное сообщество, своего рода островок чуткости), я лишь хочу объявить о ее существовании. К этим стихам стоит внимательно приглядеться еще и потому, что они в массе своей выражают несогласие авторов с явлением, условно называемым Системой. Эти тексты являются также свидетельством вырождения или дегенерации общественной ткани, попыткой если не вылечить это состояние, то хотя бы вслух объявить о диагнозе. Но тут возникает вопрос: будет ли этот голос услышан? Поэзия всё больше становится нишевым явлением, а широкую публику завоевывает при помощи музыкальных носителей (раньше это делал Светлицкий, теперь с успехом делает Копыт), однако при этом продолжает быть потребляемой довольно узким кругом людей. Думаю, сегодня поэтическая книга «Три залпа» Броневского, Станде и Вандурского не вызвала бы широкого отклика, как в те годы. Так что, видимо, права Илона Витковская, саркастически констатируя в стихотворении «граненый кружок» горькую и грустную правду:

лодка затонула у берегов Лампедузы.
мы смеялись: Лодзь^[1] затонула? город?
мы тут смеемся, они там умирают.

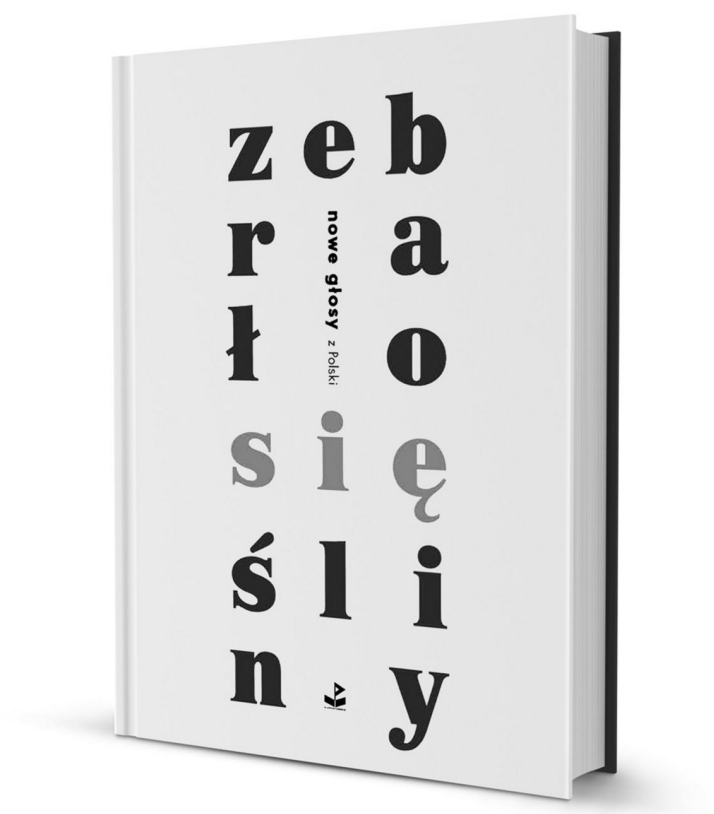
так что теперь? не смеяться?
не будем смеяться, они все равно умрут.

В самом деле, когда мы готовы лопнуть от обжорства или начинаем заботиться о фигуре (сезон отпусков не за горами!), десятки тысяч людей в Африке умирают от голода. Что же теперь, отказаться от утренних пробежек? Вот именно. А с другой стороны... Думаю, что стихи Баранчака все-таки сделали свое дело. Еще ждет своего исследователя явление, которое мне когда-то посчастливилось наблюдать: во время «карнавала Солидарности» издавалось множество профсоюзных бюллетеней (и это вовсе не были «журналы для интеллигенции»), зачастую на разрозненных листках, набранных кое-как — однако бюллетени эти не контролировались цензурой, и поэтому пользовались необыкновенной популярностью, а многие из них, немного ни к селу, ни к городу, печатали стихи — и самыми публикующимися авторами были Баранчак и Крыницкий, эти поэты считались очень сложными, и всё же, всё же...

1. В польском языке слово «лодка» («łódź») и название города Лодзь (Łódź) пишутся и произносятся одинаково — Примеч. пер.

Из антологии «Пора расплеваться»

Перевод Игоря Белова

Конрад Гура
Текст на заказ

Ее воздух изваян резцом — это Россия^[1].
Во взгляде таится растущий на свалке репейник — это Россия.
Слякоть, олени, скрежет огня в колосьях пшеницы — это
Россия.
Турбогенератор в котельной — это Россия.
Ноябрь на далекой пузатой Луне — это Россия.
Альбом с пауками на заседании Думы — это Россия.
Трепет, зависший в воздухе после жары — это Россия.
Заикаться, когда момент упущен — это Россия.

Фазан, та курица из турбокомпрессора — это Россия.
Еж с двумя детенышами — это стопудово Россия.

Еж с двумя детенышами — это стопудово мир без России.
Фазан, та курица из турбокомпрессора — это мир без России.
Заикаться, когда момент упущен — это мир без России.
Трепет, зависший в воздухе после жары — это мир без России.
Альбом с пауками на заседании Думы — это мир без России.
Ноябрь на далекой пузатой Луне — это мир без России.
Турбогенератор в котельной — это мир без России.
Слякоть, олени, скрежет огня в колосьях пшеницы — это мир без России.
Во взгляде таится растущий на свалке репейник — это мир без России.
Его воздух изваян резцом — это мир без России.

Кира Петрек
манифест

вступи к какою-нибудь организацию
которая укрепит в тебе готовность к новым вызовам
найди себе прекрасного учителя
делай несколько дел одновременно
стань волонтером
поддерживай контакты с более проворными друзьями
тренируй выносливость силу и упорство
испытывай оргазм

Шимон Домагала-Якуч
Эй истинный поляк
(я еврей говорю тебе попрощайся со своим орлом)

Твой патриотизм булыжник брошенный в сердце конституции
сны влажные от крови немца еврея украинца гея
сны ясные от пылающих сквотов и консульств
Речь Посполитую запятнали твои ласки
патриотизм влажные сны ясные
Речь Посполитая на панели обделенная ласками
ты хватаешь ее зубами раздираешь корявые струпья
не даешь страстаться ржавеющим узникам
твое Государство бледнеет слабеет
Бог это Элохим он положит тебя на весы патриот
и найдет тебя легковесным

Якоб Манштайн
Поэта одолевают сомнения

утром явилась полиция, а в квартире бардак.
я говорю: то, что случилось, вовсе не должно было случиться,
и прикидываюсь невидимкой.

это явно срабатывает, так как они начинают меня искать
в шкафу, под кроватью и в тумбочке.

наконец один из них смотрит мне прямо в глаза,
интересуясь, знаю ли я, что они ищут;

я знаю, что они ищут меня, поэтому говорю, что не знаю,
в ответ он хватает дубинку и стучит мне по лбу,
словно требуя чтобы ему скорее открыли

спрашивает: *что это?* я отвечаю, что это кровь.
спрашивает: *что это?* и показывает нечто, чего я не вижу,
поскольку глаза мои полностью залиты кровью.

говорит, что это запрещенный культ себя любимого
и что мне кранты

мне кранты, потому что у меня бардак,
отвечаю я, а слова вязнут в горле, как камни,
и не выдавить из себя даже песка.

это крутая метафора, говорит он и запикивает меня в
автомобиль.
теперь мы все невидимы

Камила Яняк
королева

королева трудящейся польши, верни мне пожалуйста деньги,
верни
машину, ибо я заработала на нее уже сто раз, и квартиру,
поскольку я борюсь с терроризмом, скупая товары с пометкой
«огнеопасно»

королева бедных и больных, мы бедные и больные, мы будем
бедными и больными в каждом твоём воплощении, ибо ты
суровая мать,
поэтому отдай мне только то, чего я лишилась, подавая
милостыню.

королева спазмов и просьб, они у меня пустяковые, глупые и
бездуховные,
ибо вместо увлечения бурями реформации реформации
реформации
мне нужен покой и здоровая матка для моего будущего ребенка.

королева польши на прослушке, верни мне эти несколько минут в метро,
когда мне нужно на турникете пропикать, чтобы войти, выйти, пройти —
гражданка, пройдемте с нами, ваше пиканье было недостаточно громким.

королева грабежей и карьерных взлетов, это руки мои, что в детстве украли
пару злотых у бабушки, так за что же мне этот ежемесячный, ежегодный
наезд на мои скромные нору, матрас и носки?

дева денежная, королева алчная, верни мне бег времени вместе с восходом и закатом, днем и ночью, верни мне времена года, заberi
желтый офисный свет, в котором всё, везде и всегда одинаково

и эта рутина растянута на всю жизнь. и верни мне пространство
со свежим воздухом, королева духоты, императрица смрада, летних и зимних трамваев, утренних и вечерних автобусов,
дева достославная

с голограммой в руке, благославенна ты между девами, так что заberi у меня этот город, эту страну — вы позвольте, без меня, дорогая сударыня, вдруг мой грех был недостаточно мерзок?

Zebrato się śliny. Nowe głosy z Polski, Biuro Literackie, Stronie Śląskie
2016

-
1. Стихотворение снабжено авторским комментарием, адресованным будущим возможным переводчикам: «При переводе этого текста на какой-либо иностранный язык, прошу переводить слова «Польша» и «мир без Польши» с использованием местного эквивалента; к примеру, в случае перевода на шведский как «Швеция» и «мир без Швеции». Тибетцам, курдам, баскам и т.д., а также лицам без гражданства, анархистам и пр. предоставляю полную свободу выбора».

Томаш Тоборек

Рок-фестиваль в Яроцине

Оазис свободы или клапан безопасности?

Фестиваль в Яроцине. Фото: East News [галерея]

Фестиваль в Яроцине. Фото: East News

В своей статье я сосредотачиваюсь на тех моментах, в которых активность молодежи, создававшей рок-фестиваль в Яроцине, сталкивалась с общественно-политическими реалиями ПНР. Начало восьмидесятых годов не было первой такой конфронтацией. Достаточно вспомнить перипетии джазовых музыкантов, творчество которых в сороковые и в первой половине пятидесятых годов было неприемлемо для коммунистических властей. Начало рок-н-рольного бума на рубеже пятидесятых и шестидесятых также носило бурный

характер, и лишь через несколько лет его удалось обуздать^[1]. Так что в семидесятые годы уже не было и речи о каком-либо бунте и противостоянии.

Ситуация изменилась, лишь когда до Польши докатилась панк-революция и связанная с ней новая волна в музыке.

Панковский бунт против мелкобуржуазного стиля жизни и господствующих общественных норм нарастал в Польше в специфических условиях. Бунт против потребительства и обогащения в серой действительности коммунистического государства, без сомнения, не был чем-то естественным.

Поэтому самым сильным элементом тогдашнего противостояния было сопротивление системе, хотя и редко называемое своим именем.

Первый рок-фестиваль в Яроцине был организован в 1980 году. Для города это не было абсолютно новым мероприятием, ведь с 1970 года там проходили «Великопольские ритмы молодых» — мероприятие, придуманное местным правлением Союза социалистической польской молодежи (ССПМ). В 1980 году создатели «Ритмов» обратились к организаторам фестивалей «Музыка молодого поколения» (ММП) с предложением, чтобы очередной такой фестиваль состоялся именно в Яроцине. Таким образом, из двух «безопасных» мероприятий возник фестиваль, радикально отличавшийся от них своим характером^[2].

Уже первый рок-фестиваль вызвал немалый интерес. В Яроцин приехало 30 журналистов и 3 тысячи фанатов. В организации мероприятия участвовали: Администрация города и гмины, Отдел культуры и искусства воеводской администрации в Калише, Познанское джазовое общество, Яроцинский дом культуры, а также городское Правление ССПМ. На сцене амфитеатра играли звезды ММП, а в Яроцинском доме культуры проходили конкурсные концерты за приз «Золотой хамелеон». Именно здесь представляла свое творчество новая волна польских музыкантов, которые со временем вытеснили с большой сцены уже известных звезд.

Тогда было отмечено выступление первой панк-группы под названием «Nocne Szczury» («Ночные крысы»). Уже тогда дало о себе знать некоторое расхождение между тем, что писала пресса, и ожиданиями организаторов и публики. Концерт «Ночных крыс», например, журналисты сочли недоразумением, однако это не меняет того, что из 57 исполнителей, подавших заявки на конкурс, группа оказалась в числе пятнадцати, утвержденных жюри для участия в фестивале. Создатели «Яроцина», видимо, отчетливо ощущали, что польской музыке нужна свежая кровь, и вели мероприятие в том направлении, которого ожидала публика, а

не журналисты.

На участие во втором фестивале в 1981 году заявки подало в два раза больше групп (107). В Яроцинском доме культуры тогда дебютировали: ансамбль TSA, Мунек Стащик со своим первым коллективом Орозуся, а также группа Brak с Земовитом Космовским. Стоит отметить, что охрана порядка во время этого фестиваля была организована, в частности, местной «Солидарностью».

Насколько в этот первый год в конкурсе не выступали, в большинстве своем, очень уж бунтарские группы^[3], настолько в последующие годы фестиваль всё более радикализировался. В то время в стране начинала распространяться слава о том, что где-то в Польше есть место, в котором группы могут представлять свое творчество, не боясь вмешательства цензуры. Растущий круг посвященных стал считать Яроцин своим фестивалем и своим местом, добавим — местом, собиравшим всё более бескомпромиссных, ищущих авторов. Во время следующего фестиваля — в 1982 году — это было уже очень заметно. Именно тогда на яроцинской сцене дебютировала одна из важнейших групп польского рока — «Dezerter», тогда еще под названием, взятым у советских ракет, «SS 20». Группа тогда шокировала не только названием, но и текстами:

Polen Über Alles

Снова на улицах тихо и чисто
Снова на дно залегли анархисты
Снова приговор выносится на раз
Снова в глазах слезоточивый газ

Polen, Polen über alles
С народом Партия, с Партией народ
Вместе дружно к светлым вершинам
Вот завершим мы свой поход
И каждому будет своя машина

Когда начнется третья мировая
Атомная война большая
Кто накормит, кто напоит
Великой армии героев?

На фестиваль 1982 года приехало 6 тысяч фанатов, а кроме них ряд групп, игравших панк и новую волну. Именно благодаря им мероприятие радикально изменило свое лицо. Будущее фестиваля тогда стало также более определенным. Организаторы подчеркивали, что это исключительно

безопасное мероприятие, лишая противников фестиваля аргументов. В тот момент они ограничились требованием воспитательного воздействия на собравшуюся молодежь. Эта идея оказалась головоломной, если учесть, какая молодежь приезжала в Яроцин, и то, что роль воспитателя отводилась ССПМ. Духовная пропасть, разделявшая две эти среды, была столь огромна, что трудно говорить о каком-либо их влиянии друг на друга.

Высший момент развития яроцинского фестиваля пришелся на 1984–1985 годы. Тогда заявки на конкурс подали соответственно 327 и 436 групп. В 1984 году у организаторов возникли проблемы с выбором лучшего, и было выбрано целых 8 лауреатов — группы Jaguar, Kat, Moskwa, Ostatnie Takie Trio, Piersi, Prowokacja, Rendez-Vous и Siekiera. Все упомянутые коллективы потом появились на польской сцене, а такие группы как Siekiera или Moskwa стали легендарными. В те годы дебютировал и ряд других важных ансамблей: Armia, Sedes, Abaddon, Kultura, Madame, Fort BS, Variete, Made in Poland. В наступление шли панк-группы, хотя в польских реалиях их образ и послание часто отличались от оригинала.

В то время на фестивале началась также евангелизационная акция, предпринятая католической церковью^[4]. Священники, в частности, организовали в костёле св. Ежи мессу за умерших музыкантов. Молодежи помогали местные францисканцы, обеспечивая приют, опеку и питание. В Яроцин приезжало много иногородних священнослужителей. Устраивались ночные бдения в костёле, лекции, показы фильмов.

Вышеупомянутые мессы приобрели очень торжественный характер, а во время службы играли известные музыканты — например, органистом был Юзеф Скшек. Бунтующая молодежь воспринимала эту акцию удивительно позитивно.

После отличных фестивалей 1984–1985 годов у Яроцина уже была собственная публика и собственная идеология. В фестивальном буклете 1985 года мы читаем: «Мы никогда не победим (впрочем, в искусстве речь ведь не об этом), и всегда часть людей будет враждебно относиться к нашей музыке, но мы никогда и не проиграем, потому что всегда будут артисты, которых нельзя купить ни за какие деньги или заставить свернуть со своего пути»^[5].

Фестиваль уже тогда настолько изменил свой характер, что на нем практически не было места телевизионным звездам. Когда на фестиваль в 1985 году приехала группа «Republika», ее освистали и забросали огрызками. Лучше всего публика принимала то, что было выражением искреннего и очень радикального бунта. Нужно, однако, добавить, что в тот период это стало всё чаще проявляться в виде нетерпимости по

отношению к некоторым исполнителям. Она вытекала, в частности, из всё более явного разделения на поклонников разных жанров музыки, относившихся друг к другу с нарастающей неприязнью.

Несмотря на заметные положительные изменения в настроении властей и СМИ в отношении фестиваля, за это мероприятие постоянно шла закулисная борьба. На заседаниях бюро городского комитета ПОРП в Яроцине, еще в декабре 1980 года, начальник милиции однозначно просил «принять постановление, обязывающее организаторов прекратить мероприятия такого рода в Яроцине». К счастью, нашлись и защитники мероприятия, голоса которых перевесили. Мариан Шурыгайло, директор Яроцинского дома культуры, заявил, что «на мероприятии, посвященном 25-летию Яроцинского станкостроительного завода, организованном в Доме культуры, поведение участников было гораздо худшим, чем у фестивальной молодежи. Он также выдвинул аргумент, что в городе практически не бывает культурных мероприятий, а в местном театре за трехлетний период было продано в индивидуальном порядке три билета»^[6].

Наибольшие опасения за будущее фестиваля появились после введения военного положения. В 1982 году калишский воевода подписал согласие на его организацию только 30 июля. Вопрос, было ли это его самостоятельным решением или директивой из центра, к сожалению, остается без ответа. Вероятнее всего, власти считались с риском дальнейшего ухудшения своего образа в глазах молодого поколения.

Организация последующих мероприятий также не обходилась без эмоций. Лишь с 1986 года судьба фестиваля стала более определенной. Однако, с другой стороны, это было следствием начала интенсивного негласного наблюдения во время мероприятия и большего контроля над ним. Подготовка к фестивалю стала, к примеру, предметом заседания бюро яроцинского комитета ПОРП. В специальной встрече с участием городских властей и председателя местной организации ССПМ принял участие также глава УВД округа. Его заявление: «Наши власти очень серьезно подошли в этом году к нашему мероприятию» — свидетельствует о том, что тогда начался новый этап в деятельности аппарата безопасности по отношению к фестивалю^[7]. О том, что к т.н. оперативному обеспечению мероприятия было более серьезное отношение, свидетельствует передача его воеводскому УВД в Калише^[8]. Год спустя фестиваль впервые был организован согласно указаниям Министерства культуры и искусства по вопросу правил организации фестивалей. Организаторы подчеркивали, что у них «имеются все тексты исполняемых на фестивале

произведений, цензурированных индивидуально»^[9].

Для развития обозначенной темы цензуры здесь недостаточно места. Можно лишь сказать, что формально в отношении «Яроцина» она появилась в 1986 году, однако, при помощи различных приемов ее удавалось обходить. К ним относилась, например, сдача в цензуру иных текстов, нежели те, что в результате исполнялись, или ослабление рвения цензоров большим количеством алкоголя. Следует также помнить, что тексты должны были оцениваться во время многочасовых (в том числе и ночных) концертов. На практике, цензоры почти всегда заканчивали свою работу через несколько часов после начала мероприятия.

В 1987 году была разработана также «программа идейно-воспитательной работы». Ее элементом было, к примеру, выступление группы «Sztynny Pal Azji» («Жёсткий Кол Азии») на яроцинской мебельной фабрике, которое сочли «примером интеграции местной среды с рок-культурой»^[10].

Гостем мероприятия в 1987 году был министр Александр Квасьневский, который якобы подчеркивал, что является сторонником фестиваля. Его визит вызвал немалую сенсацию, так как на стадионе он был первым в истории фестиваля молодым человеком в костюме^[11].

После 1989 года начался постепенный закат фестиваля. Еще в конце восьмидесятых яроцинское мероприятие стало терять свое значение. Также всё сильнее давали о себе знать негативные явления — разделение на нетерпимые субкультуры, агрессия либо фрустрация панковской среды, бунтовавшей против коммерциализации фестиваля. Последний раз он состоялся в 1994 году. Уже в первый день дошло до побоища на улицах города, что решило судьбу мероприятия.

Польская молодежь в начале восьмидесятых не интересовалась тем, что могли предложить ей власти. Официальные государственные молодежные организации были практически мертвыми, оставаясь, в первую очередь, объектом насмешек молодого поколения. Если организация ССПМ летом 1980 года могла предложить лишь участие в «Молодежной акции «Жатва», легко понять, что это принесло результат прямо противоположный ожидаемому. Я, однако, не акцентирую здесь роль молодежных организаций, конкурировавших с государственными — таких как Независимый союз студентов. Ведь они не были тем местом, где могли реализовать свои интересы бунтующие фанаты яроцинской музыки. Здесь проявлялась специфика яроцинского фестиваля. Бунт против господствовавших в стране общественно-политических отношений, ненависть к системе были также связаны с

отрицанием политики вообще. Так что группы избегали высказывать какие-либо политические симпатии, чтобы не быть обвиненными в «продаже своей музыки на службу идеологии». Не случайно этот круг артистов сам для себя использовал определение «третий оборот», в отличие от сильно политизированного творчества «второго оборота» (самиздата). Характерно, к примеру, то, что фестивальная публика отвергала творчество бардов «Солидарности». Представленная выше характеристика фестиваля должна стать исходной точкой для ответа на вопрос, в какой степени яроцинский фестиваль играл для молодых польских любителей рока роль т.н. клапана безопасности. Для понимания этой темы нужно сразу сделать некоторые замечания относительно понимания характера рок-музыки и того, чего ожидала от нее молодежь. С начала восьмидесятых годов мы наблюдали в Польше явление своего рода моды на молодежную музыку, которое было заметно и в СМИ. Именно тогда началась карьера таких ансамблей как «Oddział Zamknięty», «Lady Pank», «Republika» или «Lombard». В карьере этих несомненных звезд польской сцены также были эпизоды, связанные с борьбой против цензуры, а публика на их концертах воспринимала некоторые тексты как политические аллюзии. Во время концертов группы «Perfect» публика изменяла тексты песен и вместо «Хотим быть собой» пела «Хотим бить ЗОМО»^[12], а у коллектива «Maanam» были огромные проблемы после отказа выступить на концерте, прославлявшем дружбу с Советским Союзом. Упомянутые группы не следует, однако, ставить в один ряд с исполнителями, важными для фестиваля в Яроцине. Эти «телевизионные» группы яроцинская публика считала недостаточно аутентичными и в лучшем случае игнорировала их. Ведь на яроцинский фестиваль приезжали ансамбли, представлявшие направление, которое на Западе называли независимой сценой, либо — кажется, менее точно — альтернативной музыкой. Так что яроцинские исполнители оставались в оппозиции не только к ПНР-овской действительности, или к т.н. миру взрослых. Они в равной степени бунтовали против художественного порабощения и конъюнктурности авторов. В таком случае напрашивается вопрос: можно ли говорить о клапане безопасности, если артисты не соглашались ни на какие компромиссы — как идеологические, так и художественные? По моему убеждению — нет. В то же время кажется, что теория клапана намного более уместна в случае упомянутых «телевизионных» звезд, исходя из более легкого характера их творчества, а также сознательных действий руководства, желавшего предоставить молодежи развлечение с весьма конкретной целью. Другой причиной, по которой трудно принять теорию клапана,

является характер яроцинской публики, а также узкий круг любителей этой музыки. Да — интерес СМИ, проявлявшийся в поисках скандалов и курьёзов, привел к тому, что о фестивале слышали по всей стране. Однако это не отменяет того факта, что Яроцин не был мероприятием для широкого круга слушателей, а до определенного момента оставался фестивалем для посвященных.

В высказываниях тогдашних руководителей появляется тезис о том, что в Яроцине разрешалось так сильно раздвинуть границы свободы из-за его провинциального характера. Его точность, однако, спорна. Ведь в то же самое время в центре Варшавы проходил фестиваль «Róbrege», где выступали яроцинские группы. Таких мероприятий, на которых встречались любители этой музыки, было значительно больше. Думаю, что более убедительным является тезис о недооценке властями всей этой публики. Экстравагантно выглядевшие молодые люди часто считались обычными чудаками, которые не слишком интересовались политикой, а значит и не казались серьезной угрозой. Не случайно наибольший интерес у госбезопасности во время фестиваля вызывали представители евангелизационных групп либо Движения альтернативного общества^[13]. Ведь их отличала высокая степень организованности и опыт деятельности в масштабе всей страны. Приведенные выше тезисы подтверждает мнение Казимежа Жигульского — министра культуры в 1982–1986 годах, который так говорил о фестивале: «В то время, когда я был министром, «Яроцин» не относился к числу самых важных вопросов. [...] Он не был тем местом, где можно было ожидать каких-то существенных, в смысле всего общества, событий»^[14].

С этим последним утверждением трудно не согласиться. Несомненно, подавляющее большинство общества не знало, что такое «Яроцин», и не понимало его. Это определялось характером приезжавших туда исполнителей и публики — не такой, как большинство их сверстников.

Часто считается, что важнейшим мотивом того бунта была традиционная, поколенческая оппозиция миру взрослых. Я абсолютно не согласен с этим. Думаю, что значительная часть этой среды проявляла бóльшую зрелость по сравнению со сверстниками, критикуя их за бездумный стиль жизни. Некоторые шокирующим образом нападали на всеобъемлющую ложь и конформизм. Панк-группа WC в своей песне «Ванная» пела:

Лицемеры, фетишисты
Отстой!
Убивать их всех!

Поколение конформистов
Отстой!
Убивать их всех! [...]
Дискотека, блядотека
Отстой!
Убивать их всех!

Такая оценка собственного поколения, может быть, слишком радикальна и утрирована, однако она свидетельствует о вполне сознательном отрицании определенных моделей. Но руководство рассматривало эту сознательную инаковость яроцинской молодежи как своего рода чудачество. Наверное, поэтому, повторяюсь я, описываемая среда не казалась ему опасной.

С отмеченным выше явлением увязывается еще один аргумент против теории клапана. Им является послание, лившееся с яроцинской сцены, и различные способы реагирования на действительность. Весьма радикальный способ, которым группа WC артикулировала свое сопротивление, не был характерен для всех участников фестиваля. Если мы говорим о бунте, то имеем в виду естественную, спонтанную реакцию на окружающую нас действительность. В случае реалий ПНР эту действительность олицетворяли грязь, серость, ложь, чувство безнадежности. Реакцией на эти явления часто было контрастировавшее с ним и удивительно позитивное послание, подчеркивавшее ощущение некоего сообщества и даже братства или любви. Возможно, поэтому группы, предлагавшие позитивное послание, обладали большей харизмой, чем ансамбли, полностью принимавшие «ортодоксальную» панковскую идеологию со всем ее нигилизмом. В репертуаре группы «Dezserter» была песня «Нужно просто хотеть»:

Хочу о любви сказать тебе что-то
Про ненависть ты всё давно узнал
Любовь оружием стать тебе может
Но если только ты захочешь сам

Это определенно не было типичным текстом для панк-группы. Здесь трудно шире развивать эту тему, но если мы ищем феномен Яроцина, то, по моему мнению, нужно идти и в этом направлении. Итак, формой реакции на печальную действительность должна была стать бескомпромиссность, способность не поддаваться унынию и не отказываться от идеалов. Другая легенда Яроцина — группа «Армия» — в песне «Брось это» пела:

В тумане своих мыслей
на месте ты стоишь
твой дух всё ниже, ниже, и ты как будто спишь
а им того и надо
неверия и лжи
тогда рабом ты станешь
таким же, как они
брось это...

Выходит, группы как бы давали рецепт — как вести себя в коммунистической действительности, как избежать порабощения и остаться собой. Стоит добавить, что функционеры ГБ, наблюдавшие за фестивальной молодежью, совершенно не обращали внимания на эту проблему. Тогда как яроцинские ансамбли формировали взгляды молодых людей. Одновременно музыканты и публика вместе образовывали группу, которая оставалась абсолютно устойчивой к фальши и лицемерию, вездесущим в коммунистической реальности. Может быть, тогдашние власти думали о Яроцине как способе канализировать интересы молодежи. Однако недооценка направления, в котором двигались эти интересы, свидетельствует о полном отсутствии воображения. В конце мне бы хотелось затронуть еще один важный аспект всего этого явления. Вполне очевидно, что, несмотря на все пробелы и недосмотры, тогдашняя система радикально ограничивала активность молодежи, свободу высказываний или просто осуществление их надежд. Однако иногда, парадоксально, это удавалось использовать для того, чтобы реализовать именно эти цели. Яроцинское мероприятие, в чисто организационном аспекте, в определенном смысле воспользовалось теми реалиями. Ведь если было принято решение об организации фестиваля, то местные руководители чувствовали себя ответственными за его подготовку. Секретарь ПОРП в Яроцине Ян Яйор подчеркивал, что не задумывался над политическим звучанием мероприятия, а думал лишь о том, «чтобы как-то показать этот Яроцин»^[15]. Чувствовали свою обязанность сотрудничать с организаторами, к примеру, директора предприятий или формирования Гражданской обороны, которые в рамках учений помогали поддерживать порядок. Директора предприятий помогали в строительстве сцены, конструкций и т.п. Туалеты были выстроены из блоков, переданных одним из предприятий под видом брака. Когда понадобилось 300 метров оцинкованной трубы для подачи воды в палаточный лагерь, ее одолжили с согласия директора местного сахарного завода. Здесь не нужно добавлять, что в условиях рыночной экономики затраты на все эти услуги понесли бы организаторы. Тут напрашивается вопрос — не тот,

что сформулирован в заголовке моего реферата. Так это власти использовали яроцинскую публику в своих целях, или наоборот — молодежь использовала парадоксы той системы для создания некоммерческого, бескомпромиссного мероприятия в центре коммунистического блока?

Томаш Тоборек — кандидат исторических наук, руководитель образовательного отдела в лодзинском отделении Института национальной памяти. В 2000 году защитил кандидатскую диссертацию по историческому прессоведению на факультете вспомогательных исторических наук Института истории Лодзинского университета. Соавтор книги «Яроцин в объективе госбезопасности» — о надзоре Службы безопасности за участниками рок-фестиваля. Занимается историей вооруженного антикоммунистического подполья, а также молодежной культурой в ПНР.

Статья из сборника «Пути к свободе в культуре Центральной и Восточной Европы 1956 — 2006». Сборник материалов конференции 5–7 ноября 2006 года в Высшей профессиональной школе «Кадры для Европы» в Познани под редакцией Богуслава Бакулы и Моники Талярчик-Губалы.

Перевод Владимира Окуня

-
1. Tomasz Toborek, Początek big beatu w prasie PRL, «Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej», nr 10, październik 2002, s. 1.
 2. Krzysztof Leśniakowski, Paweł Perzyna, Tomasz Toborek, Jarocin w obiektywie bezpieki, Warszawa 2004, s. 14
 3. В Яроцинском доме культуры свои программы представили 15 групп, в том числе такие важные для польского рока ансамбли как Dżem, Easy Rider, Mietek Blues Band, Cytrus и лауреат Ogród Wyobraźni.
 4. За этой деятельностью внимательно следил 3-й отдел воеводского УВД в Калише. Архив Института национальной памяти в Лодзи (далее AIPN ŁD), WUSW Kal., 0044/12, Plan pracy Wydziału III WUSW w Kaliszu na rok 1985, 24 января 1985 г., к. 57, 64.
 5. Архив Регионального музея в Яроцине (далее AMRJ), 1955, W-17/11, Festywal Muzyków Rockowych Jarocin 1985. Awangarda i promocje, Фестивальный буклет, стр. 3.

6. Государственный архив в Калише (далее AMRJ), Rada Narodowa Miasta i Gminy Jarocin, 27, Protokół nr XX/81 z XX sesji RN MiG Jarocin, 29 декабря 1981, к. 285–286.
7. APK, Komitet Miejsko-Gminny PZPR w Jarocinie, 35/6, Protokół posiedzenia Egzekutywy KMG PZPR w Jarocinie, 24 июля 1986, к. 164–166.
8. AIPN Łd, WUSW Kal., 0044/15, т.5, ч.11, к. 14–15.
9. APK, Rada Narodowa Miasta i Gminy Jarocin, 41/6, Sprawozdanie z organizacji i finansowania Festiwalu Rockowego Jarocin '87, 22 сентября 1987, к. 391–392.
10. [Mak.], Jarocin grzeczny i spokojny, „Gazeta Poznańska”, 7 июля 1987.
11. Jerzy Baczyński, Jacek Mojkowski, Turbacja mas, „Polityka” 1987, №33.
12. ЗОМО — польская силовая структура, занимавшаяся разгоном акций протеста — Примеч. пер.
13. AIPN Łd, WUSW Kal., 0044/12, Plan pracy Wydziału III WUSW w Kaliszu na rok 1986, 28 января 1986 г., к. 73, 77. Движение альтернативного общества (Ruch Społeczeństwa Alternatywnego, RSA) – польская анархистская организация, возникшая в Гданьске в начале 80-х годов XX века – Примеч. пер.
14. Рассказ Казимежа Жигульского от 16 февраля 2004. В собственности автора.
15. Рассказ Яна Яйора от 6 февраля 2004. В собственности автора.

Проснись!

Конец 70-х и 80-е годы XX века были началом формирования в Польше независимой музыкальной сцены. Именно тогда появились главные польские группы, игравшие альтернативную музыку, тогда же музыка в последний раз сформировала целое поколение. Прежде всего это было обусловлено тяжелой политической ситуацией в стране в эпоху военного положения, арестов оппозиции, усиления цензуры, из-за которой количество профессиональных музыкальных записей групп того времени оказалось столь невелико. Самые известные из них, такие, как «Czarna płyta» («Черный альбом») группы Brygada Kryzys или знаменитая «четверка» Dezerter появились благодаря случайному стечению обстоятельств. Другие «редкие птицы», такие, как винил «Król much» («Король мух») группы Kryzys, «Ambicja» («Амбиция») Deadlock или «Wet za wet» («Око за око») быдгощской группы Abbadon, были записаны за границей и изданы во Франции. В Великобритании был выпущен концертный винил Brygada Kryzys, известный как «альбом с Дворцом культуры» (на обложке пластинки был изображен якобы падающий Дворец культуры и науки в Варшаве), а в США «Underground out of Poland» («Андеграунд из Польши»), первый альбом группы Dezerter. В связи с явным дефицитом записей новой музыкой, которые было очень трудно достать, важнейшим явлением, сформировавшим альтернативную культуру тех лет, стали музыкальные фестивали, самым крупным и главным из которых был фестиваль в Яроцине. Когда слушаешь архивные записи, сделанные на микшерной консоли, и другие музыкальные свидетельства того времени, выпущенные спустя много лет, становится понятно, что независимая музыка того времени была очень разнообразной и интересной, несмотря на технические недостатки и отсутствие должных навыков у многих ее творцов.

Панк-революция началась одновременно с появлением The Ramones в США в 1976 году и Sex Pistols в Великобритании в 1977-м и быстро добралась до Польши. Характерной чертой ее начального этапа был бунт против системы, неунифицированная манера одеваться, отсылающая к эпохе хиппи, но уже с появлением на берегах Вислы альбомов The Exploited, GBH, Discharge, Crass, а также Joy Division и Боба Марли среда панк-рокеров идеологически радикализировалась и стала вдохновляться разными новыми стилями, результатом чего

стали, к примеру, первые альбомы регги. Считавшийся первым польским панком Лешек Даницкий, известный под псевдонимом Валек Дзедзей, пел в 1977 году на улицах Варшавы песни протеста в стиле Боба Дилана, вдохновленные панк-роком.

Я не маленький
Я не умный
Я не глупый
Я не состою в ССMe^[1]
Я не состою в КЗРe^[2]
Я не состою в партии
Я блядь не хожу строю

Валек Дзедзей, «Не хожу строю»

Группы Deadlock, Kryzys и Tilt играли смесь панк-рока и «новой волны» с элементами регги, а их тексты скорее были вне-, а не антисистемными. Это была полная экспериментов и поисков авторская музыка, более близкая песням The Clash с альбома «London Calling», нежели Sex Pistols и их «Never Mind The Bollocks».

После распада Deadlock, а также объединения групп Kryzys и Tilt в 1981 году появился коллектив Brygada Kryzys. В группу вошли Роберт Брилевский, Томаш Липинский, басист Иренеуш Веренский, ударник Славомир Слочинский, саксофонист Томаш Свитальский, а также Ярослав Птасинский, игравший на перкуссии. Это была своего рода группа «на черный день», в трудное время возобновляющая деятельность по решению своих лидеров. Первый состав группы сложился в очень тяжелый для рядового поляка момент истории ПНР. Не за горами было brutальное подавление «карнавала Солидарности». Группа успела проехать по Польше с концертным туром в ноябре, записав неавторизованную пластинку «Live», изданную в Великобритании студией «Fresh Records UK» (и известную как «альбом с Дворцом культуры»). 13 декабря было введено военное положение, на улицах городов появились танки, были отключены телефоны, введен комендантский час, оппозиционеров бросили в тюрьму, совершались даже политические убийства. Всё это поставило крест на зарубежных гастролях группы, несмотря на достигнутые договоренности, пришлось также отказаться от выпуска пластинки на югославском лейбле «Jugoton». Группу вычеркнули из списка участников «фестиваля свободы» во дворце спорта «Оливия» в Гданьске (аналог фестиваля в Сопоте, который в 1981 году не состоялся) из-за ее планов относительно сценария собственного выступления

(планировалось начать концерт группы в полной темноте с завывания сирен, после чего на сцену должна была выйти женщина с винтовкой, ведущая за руку ребенка). От концерта в варшавской «Гвардии» музыканты отказались сами, поскольку на афишах название их группы было написано как Brygada K. В 1982 году Януш Ролт сменил Славомира Слоцинского на ударных. Неожиданно появилась возможность записать материал для пластинки — в варшавском районе Вавжишев была открыта новая студия лейбла «Tonpress KAW», и группе Brygada Kruzys предложили эту студию протестировать. Было записано полтора десятка якобы тестовых песен, запись осуществлял Куба Новаковский. После пререканий по поводу дизайна обложки (с нее была убрана буква S, которая у начальников ассоциировалась с нацистской символикой), альбом, благодаря невежеству чиновников, увидел свет. По легенде, подавляющую часть опубликованного тиража в 100 тыс. экземпляров впоследствии утилизировали, пустив на изготовление пуговиц. Сессия оказалась необыкновенно удачной, был записан один из лучших польских рок-альбомов, который трудно отнести к какому-то конкретному музыкальному стилю, соединивший влияние панка с гипнотичностью «новой волны» — сами музыканты называли этот стиль «панкоделия», от слов «панк» и «психоделия». Открывающая альбом композиция «Centrala» («Коммутатор») стала гимном тех времен. В сентябре 1982 года группа решила прекратить свою деятельность по причине ее полной бесперспективности. Брилевский основал группу Izrael, а Липинский реанимировал Tilt.

Еще одной культовой группой, появившейся в 80-х годах, была Dezerter. Существующая до сих пор, она начинала в 1981 году как квартет, в который входили автор текстов Кшиштоф Грабовский — ударные, Роберт «Робаль» Матера — гитарист, Дариуш «Степа» Степновский — бас и Дариуш «Скандал» Хайн — вокал. Поначалу группа носила имя SS-20 (от названия советских баллистических ракет с ядерными боеголовками — польская пресса в то время делала вид, что их не существует). На исполнение политически актуального и жесткого панка группу вдохновил альбом The Vibrators, который Грабовский купил на музыкальной барахолке в Варшаве. Осенью 1982 года вместе с группами TZN Xenna и Deuter музыканты съездили в концертный туре «Рок-Галиция» по южной Польше. Летом того же года группа выступила на фестивале «Яроцин-82». В конце того же года пошли слухи, что публичные выступления SS-20 были запрещены, в связи с чем группе пришлось сменить название.

В 1983 году в студии «Tonpress KAW» группа записала четыре композиции для сингла: «Ku przyszłości» («К будущему»),

«Spytaj milicjanta» («Спроси мента»), «Szara rzeczywistość» («Серая действительность») и «Wojna głupców» («Война дураков»). Тексты песен были пародией на социалистическую действительность. Сначала цензура не предъявляла к ним претензий, однако через какое-то время чиновники потребовали объяснений, которых не получили. Чтобы наказать группу, значительную часть тиража пластинки уничтожили.

В 1984 году группа последний раз выступила на фестивале в Яроцине, курируемом Вальтером Хелстовским. Этот концерт стал легендарным. Причиной тому стал скандал между группой и организаторами. Сначала музыканты не хотели начинать выступление из-за ужасной жары и огромных клубов пыли, которые поднимала в воздух 20-тысячная публика. Дышать было нечем, музыканты просили полить плиты стадиона водой. Просьба не была исполнена, и вскоре — слово за слово — началась перебранка, закончившаяся лишь после угрозы вмешательства отрядов ЗОМО^[3], находившихся в лесу неподалеку. Dezerter сыграли отличный концерт. Музыканты выпустили его на кассете за собственный счет (назвавшись лейблом «Tank Records») под названием «Jeszcze żywy człowiek» («Еще живой человек»), а в 2011 году концерт был издан фирмой «Pasażer» на двойном виниле и cd-диске. В том же году в Польше гастролировала группа DOA. Музыканты Dezerter встретились с канадцами после их концерта в клубе «Remont», а на следующий день пригласили их в клуб «Hybrydy», откуда зарубежные гости вышли с синглом поляков и кассетой с их яроцинским выступлением. Результатом встречи стала выпущенная фирмой «Maximum Rock'n'Roll» в 1987 году в США пластинка «Underground out of Poland» («Андеграунд из Польши»). Тем временем в Польше официально вышел дебютный альбом группы. Он должен был называться «Kolaboracja» («Коллаборация»), но после вмешательства цензуры был выпущен фирмой «Klub Płytowy Razem» под названием «Dezerter» ограниченным тиражом пять тысяч экземпляров. Запись была сделана в измененном составе уже после ухода из группы в 1985 году «Скандала» (вокалистом стал Роберт Матера) и заменой басиста Дарека Степовского на Павла Петровского. Цензура «запикала» некоторые фразы в текстах песен. В обстановке упадка коммунистической системы Dezerter выпустили еще один альбом, который должен был называться «Kolaboracja II», однако, так же как и в случае с первой частью, цензура изменила название на «Dezerter». На альбоме были такие песни, как «Budujesz faszyzm przez nietolerancję» («Своей нетерпимостью ты устанавливаешь фашизм»), из которой цензура вырезала фрагменты куплетов, и «El Salvador» о гражданской войне в Сальвадоре. В своей

первоначальной версии оба альбома были переизданы в 90-х годах лейблом «QQRYQ Productions», за которым стоял Петр «Пета» Вежбицкий, выпускавший в 80-е подпольный панк-роковый журнал «QQRYQ».

Часто отдельные профессионально записанные песни попадали в сборники, представлявшие новую музыку, такие, как «Fala» («Волна») 1984 года и «Jak punk to punk» («Уж если панк, то панк») 1986 года.

В первый вошли песни панк-групп Siekiera, Dezerter, Prowokacja, Abaddon, Tilt и Kryzys, а также композиции коллективов Izrael, Bakshish, Kultura и Rio Ras, исполнявших регги. Заканчивался сборник песней «Swoboda» («Свобода») фолк-музыканта Юзефа Броды. Вплоть до 2009 года, когда был издан альбом «Na wszystkich frontach świata» («На всех фронтах мира»), это было единственное официальное издание ранних песен пулавской группы Siekiera. Группа Prowokacja — лауреат яроцинского фестиваля 1984 года — так и не дождалась выпуска официального альбома. В сборник вошла ее песня «Prawo do życia, czyli kochanej mamusi» («Право на жизнь, или Любимой мамочке»), протестующая против аборт. Dezerter были представлены песнями «Plakat» («Плакат») и «Nie ma zagrożenia» («Опасности нет»), записанными после их нашумевшего сингла и не уступавшими предыдущим работам коллектива — эти композиции метили в политическую систему с той же силой, что и «Серая действительность» или «Спроси мента», будучи антивоенным и антиядерным посланием. Вошедшая в сборник «Jak punk to punk» песня «Кто?» быдгощской группы Abaddon также вышла на их альбоме «Wet za wet» («Око за око») и на неофициальном сингле «Walcz o swoją wolność» («Борись за свою свободу»). В сборнике «Jak punk to punk» со своими записями дебютировали группа Armia с композицией «Na ulice» («На улице»), а также написанными под влиянием книги «Властелин колец» песнями «Jestem drzewo jestem ptak» («Я дерево, я птица») и «Jeżeli» («Если»), группа Rejestracja с композициями «Номер 1125» и «Wszystko można otoczyć mgłą» («Все можно окружить туманом») и группа Process с песней «Stroszek» («Патлы торчком»). Варшавский коллектив TZN Xenn, кроме двух вышедших на сборнике песен — «Gazety mówią» («В газетах пишут») и «Co za świat?» («Что за мир?») — записала еще две композиции для вышедшего в 1986 году сингла: заглавную «Dzieci z brudnej ulicy» («Дети с грязной улицы») и «Ciemny pokój» («Темная комната»). В сборнике также есть несколько песен групп Siekiera: «Ja stoję, ja tańczę, ja walczę» («Я стою, я танцую, я борюсь») и «Ludzie Wschodu» («Люди Востока»), записанные в стиде колдвейв, Dezerter: «Nie

ma nas» («Нас нет») и «Uległość» («Покорность») и Abaddon: «Kto?» и «Wet za wet». Ценность этого альбома обусловлена, в частности, тем, что этих композиций (за исключением «Kto?» группы Abaddon) не было на других польских винилах. Дебютировавшая тогда Armia решительно выделялась своими текстами, выражавшими антисистемные идеи. А песня группы Rejestracja «Numer 1125» (другое название — «Kontrola»), как и их композиция «Wariat» («Безумец»), стала гимном субкультуры панков тех лет, благодаря чему Rejestracja по праву считается легендой польской панк-сцены.

После дебюта в сборнике «Jak punk to punk» Armia в 1988 году записала свой первый альбом «AntiArmia», которому предшествовал сингл «Aguirre» (на его запись группу вдохновил фильм Вернера Херцога «Агирре, гнев божий»). Группа была основана в 1984 году в варшавском клубе «Hybrydy» вокалистом группы Siekiera и художником Томашом Будзыньским, гитаристом групп Brygada Kryzys и Izrael Робертом Брылевским, а также саксофонистом Izrael Славомиром Голашевским. Благодаря таланту Брылевского-аранжировщика и умению Будзыньского писать умные злободневные тексты, а также участию в записях валторниста Кшиштофа «Банана» Банасика, музыка группы Armia была гораздо шире социально-политического контекста тех лет, ей куда ближе были британские New Model Army или Killing Joke, нежели игравшие синтез панка и хардкора The Exploited. Общую картину завершала обложка с явным влиянием этнических мотивов. Группа в измененном составе записывается и концертирует до сих пор. В начале 2018 года фирма «Manufaktura Legenda» выпустила диск «WARSAW PUNK PACT vol. 1 Berlin — Warszawa Tribute EP», на котором были песни «Niewidzialna Armia (Anti-Armia)» («Невидимая армия (Анти-армия)» в исполнении немецкого коллектива Die Firma и «Wolny naród» («Свободный народ») группы Izrael в интерпретации команды Feeling B. На обломках этих немецких групп появилась популярная во всем мире группа Rammstein.

Очень многим группам, игравшим в 80-е годы XX века, так и не удалось записать ни одной пластинки. Спустя годы на основе репетиционных и концертных записей, а также сохранившихся на кассетах демо-версий, были выпущены альбомы торуньской группы Rejestracja — «Zaśpiewajmy poległym żołnierzom» («Споем погибшим солдатам»), пионеров панк-рока Siekiera — «Na wszystkich frontach świata» («На всех фронтах мира»), групп Bikini — «Dokument», WC — «Archiwum» («Архив»), Dzieci Kapitana Klossa — «Syf bałtycki» («Балтийский мусор»), TZN Xenna — «Ciemy pokój» («Темная комната»), Śmierć Kliniczna — «1982-84», «Nienormalny świat» («Ненормальный мир») и Deuter — «Ojczyzna blizna»

(«Родимый шрам»). Нельзя не упомянуть также о группе Zbombardowana laleczka, которую помнят до сих пор благодаря песне «Syneczku» («Сыночек»), исполненной в Яроцине в 1986 году и документальному фильму «Волна» режиссера Петра Лазаркевича. Стоит также вспомнить, что в 80-е появилась одна из важнейших групп следующего десятилетия — Post Regiment. А еще это было время расцвета музыки колдвейв, регги, «новой волны», время таких групп, как Maanam, Kult, T. Love, Klaus Mittfoch, Republika, Bielizna, Sztywny Pal Azji, Moskwa, KSU и многих других.

DEZERTER

Серая действительность

Вы мне не нужны, я хочу быть один,
оставьте меня — отвалите все!
Я знаю, как жить, я сам себе господин,
оставьте меня — отвалите все!

Я совсем другой, я не такой, как вы,
я плевал на ваши глупые идеи и сны.
Серая действительность, ваша действительность
мне до фонаря, отвалите все!

Меня не напугают дубинки патруля.
Идите вы все на хер, отвалите, бля!
Я буду жрать помой, я буду пить бензин,
хочу я жить на воле, хочу я быть один!

Хочу быть один!
Хочу быть один!
Оставьте меня,
отвалите все!
Хочу быть один!
Хочу быть один!
Оставьте меня,
отвалите все!
Хочу быть один!
Хочу быть один!
Оставьте меня,
отвалите все!
Хочу быть один!
Хочу быть один!
Оставьте меня,
отвалите все!

BRYGADA KRYZYS

Хватит спать

Я — всего лишь твой сон.
А ты — мой. Мы все — миражи.
Ты закрываешь глаза.
Что тебе снится, скажи?
Это только сон,
это только сон,
это только сон, сон, сон.
Ты всего лишь спишь.
Ты только бредишь.
Это все твои глюки.
Ад и рай.
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Потеряешь свои сны,
потеряешь свои сны,
потеряешь свои сны,
потеряешь их и ты, и ты.
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Проснись же!
Все на свете меняется,
меняется все на свете,
пылает большой огонь
и дует великий ветер.
Все меняется, меняется,
меняется, меняется, меняется, меняется...
Я — всего лишь твой сон.
А ты — мой. Мы все — миражи.
Ты закрываешь глаза.
Что тебе снится, скажи?
Проснись же!
Проснись же!

Проснись же!
Проснись же!

SIEKIERA **Идет война**

Пока за каждым пуля гонится,
и по ступеням хлещет кровь,
гном влез на рослую покойницу,
не смея скрыть свою любовь.
Взгляни-ка, мама — нам хана,
коль смерть дежурит у ворот.
Идет война, идет война,
резня кровавая идет.

Пока над загнанной кобылой
глумился ящер-крововос,
вдул пролетарий крокодилу,
и слопал обезьяну пес.
Вампир терзает горбуна
среди руин и нечистот.
Грядет война, грядет война,
резня кровавая грядет.

ARMIA **Если**

А если нам не хватит сил
а если нам не хватит сил
останутся с нами море и ветер
останутся с нами море и ветер
придет наше время
придет наше время

А если нам не хватит сил
а если нам не хватит сил
останутся с нами море и ветер
останутся с нами море и ветер
придет наше время
придет наше время

А если нам не хватит сил
а если нам не хватит сил

останутся с нами море и ветер
останутся с нами море и ветер
придет наше время
придет наше время

хой!

REJESTRACJA

Контроль

Контроль за твоими чувствами,
контроль за твоими действиями,
контроль за твоими мыслями,
контроль за твоими мыслями.
Ты — всего лишь номер в картотеке —
запреты, приказы, обязанности.
Так появляется существо,
которым легко манипулировать,
лишенное рефlekса обороны,
лишенное самоконтроля.
Твой номер — 1125.
Эй, 1125, сделай вот это!
Эй, 1125, принеси вон ту деталь!
И крутится, и крутится эта карусель
в любую минуту, в любой ситуации.
Контроль, контроль и еще раз контроль!
Контроль за твоими чувствами.
Контроль за твоими действиями.
Контроль за твоими мыслями.
ТВОЙ НОМЕР — 1125.

TZN XENNA

Темная комната

Темная комната, закрытая комната,
темные стены, черное небо,
мрачные люди, черная планета,
кругом один мрак, не видать ни зги.
И тут кто-то крикнул: «Откройте двери!»,
но не позволили хозяева мрака.
Здесь не бывает дней и ночей —
мы знаем только этот темный мир.

Бывает, проникнет слабый лучик света,
и сразу видно всю грязь в нашей комнате,
но дверь закрывается тут же с грохотом
тяжелым ударом армейского ботинка.

И ты снова ждешь тот слабый лучик света,
и ты снова ждешь тот слабый лучик света.

Вокруг нас
темная комната,
темные стены,
черное небо,
мрачные люди,
черная планета,
кругом один мрак,
не видать ни зги.
И тут кто-то крикнул:
«Откройте двери!»,
но не позволили
хозяева мрака.
Здесь не бывает
дней и ночей –
мы знаем только
этот темный мир.

Перевод Игоря Белова

-
1. ССМ — Союз социалистической молодежи (польск. Związek Młodzieży Socjalistycznej, ZMS), молодежная организация в ПНР. — Здесь и далее примеч. пер.
 2. КЗР — Комитет защиты рабочих (польск. Komitet Obrony Robotników, KOR), правозащитная организация польской оппозиции в 1976–81 годах.
 3. ЗОМО (польск. Zmotoryzowane Odwody Milicji Obywatelskiej – Отряды моторизованной поддержки гражданской милиции) — силовая структура ПНР, предназначавшаяся для охраны общественного порядка, а также борьбы с оппозицией и разгонов акций протеста.

Хроника (некоторых) текущих событий

- «Прошу не забывать, что полонофобия, которую мы наблюдаем за границей, пустила глубокие корни также и в нашей стране, более того, ее истоки в значительной степени находятся здесь, в Польше. В нашей стране по-прежнему немало влиятельных кругов, одержимых полонофобией. (...) Действия программы TVN, а также всё то, что сопровождало марши независимости в предыдущие годы — это откровенная спланированная провокация. Таково мое личное убеждение», — Ярослав Качинский, председатель правящей партии «Право и справедливость». («До жечи», 12-18 фев.)
- «Считаю, что нужно немедленно построить музей “Полокоста”, который бы рассказывал о действиях, направленных на уничтожение поляков как народа», — Марек Кохан, писатель, драматург, университетский преподаватель. («Жечпосполита», 20 фев.)
- «Идет борьба за Польшу, борьба не на жизнь, а на смерть. Все силы брошены на то, чтобы задушить возрождение демократической Польши. (...) Как верно сформулировал премьер (sic! — В.К.) Ярослав Качинский, мы были очень удобной, доходной неоколонией для многих бизнес-воротил. И когда этому был положен конец, мы подверглись яростным нападкам. (...) Большие деньги идут от самых разных фондов, в том числе принадлежащих Джорджу Соросу. И эти фонды вытворяют здесь, что хотят, выстраивают систему влияния, делают наше общество беззащитным. Их цель, которую преследуют многие в ЕС — уничтожение национальных государств, дискредитация христианства, изменение национального состава Польши посредством массового заселения нашей страны мигрантами. (...) Господин Тиммерманс настолько ненавидит Польшу, что я не верю в его способность изменить точку зрения. (...) Сегодня со всей бесцеремонностью насаждается проект Альтиеро Спинелли, итальянского коммуниста, который стремился ликвидировать национальные государства и вообще само понятие нации ради создания безбожной европейской федерации», — Кристина Павлович, депутат Сейма от ПИС. («Сети», 19-25 фев.)
- «Расходы на культуру за последние два года выросли более чем на 20%, превысив в итоге порог в 1% государственного бюджета. (...) Важнейшее направление в деятельности

министерства культуры — это “умножение сущностей”. (...) И никого не волнует, что уже существующие институты зачастую дублируют друг друга. Итак, вот ведущие проекты — Институт солидарности и мужества (...) и Национальный институт наследия. (...) Далее — Национальный институт польского культурного наследия за границей и Национальный фонд охраны исторических памятников (...), Национальный институт архитектуры и урбанистики (...), хотя два месяца назад был создан Национальный институт урбанистики и архитектуры, (...) Центр исследований тоталитаризма им. Витольда Пилецкого, а также Польская королевская опера. (...) Минкульт также активно участвует в строительстве целого ряда музеев (...): истории Польши, “проклятых солдат”, Юзефа Пилсудского (...), Иоанна Павла II (...), Вестерплатте и войны 1939 года (...), памяти сосланных в Сибирь (...), Варшавского гетто, восточных земель бывшей Речи Посполитой (...), дома-музея семьи Пилецких (...), музея жертв массовых казней в Пяснице, рассказывающего о преступлениях гитлеровцев на Поморье. (...) Появляются и новые смелые идеи — к примеру, строительство музея Полокоста на Манхэттене в Нью-Йорке». (Петр Сажинский, «Политика», 28 фев. — 6 марта)

• «Вот уже несколько лет около 60% поляков не в состоянии прочесть за год даже одной книги. (...) В 2017 г. уровень книжного рынка в издательских ценах снизился на 2,1% до 2,32 млрд злотых. (...) Это сразу ударило по книготорговле — в 2017 г. исчезло более 400 книжных магазинов. (...) Сегодня их около 4 тысяч. (...) Начиная с 2009 г. закрылось более 3 тысяч». (Петр Мазуркевич, «Жечпосполита», 21 фев.)

• «На телеканале “TVР История” часто демонстрируются популярные телесериалы времен ПНР. (...) В финальных титрах перечисляются имена актеров и постановщиков. Цензура в это не вмешивается, за одним исключением — как правило, из титров убирают год производства картины. (...) К этой мере прибегают также на “TVР 1”, так что сейчас это распространенная практика на общественном телевидении. 5 февраля канал “TVР” в программе “Телетеатр” показал “Женитьбу” Николая Гоголя. (...) В титрах снова не был указан год записи спектакля, поскольку тот был поставлен в 1976 году. (...) На произведения, созданные после 1989 г., такая цензура не распространяется». (Эугениуш Гуз, «Пшегленд», 5–11 марта)

• «До недавнего времени мы могли вести разговор о Холокосте. Был диалог — он складывался по-разному, но он был. В нем участвовали преподаватели, историки, журналисты. Новая редакция закона об Институте национальной памяти существенно расширила пределы уголовного наказания за ряд высказываний. Теперь такие историки, как Ян Томаш Гросс и Ян Грабовский боятся приезжать в Польшу. Что это такое

вообще? Последний раз мы наблюдали подобное при коммунистах. (...) Если вдруг окажется, что какой-нибудь историк из Польши, Израиля или США арестован в соответствии с нормами нового закона, то для польско-израильских отношений это будет просто трагедия! Самое главное, чтобы в Польше перестали повторять, что, мол, евреи во время Холокоста вели себя пассивно, что они принимали участие в убийствах наравне с немцами и украинцами. Господин Моравецкий — весьма достойный руководитель, а ошибки совершает каждый (...), но в таких нюансах польский премьер-министр все-таки должен разбираться лучше», — Зви Рав-Нер, бывший посол Израиля в Польше. («Жечпосполита», 20 фев.)

• «Как и коммунисты в марте 1968 года, нынешние власть предержащие в Польше вызвали антисемитский скандал умышленно. Им нужно было укрепить свою власть, расширить свой электорат за счет людей крайне правых взглядов. Для этого они и приняли этот несчастный закон об Институте национальной памяти. (...) Когда этот закон обсуждался в Сенате, я голосовал против, потому что он ставит нас в один ряд с Россией и Турцией. (...) Польские власти таким образом еще и внушают обществу мысль, что мы великие, но недооцененные, что вокруг нас одни враги, что мы должны консолидироваться. Этому и служат антисемитская и антиукраинская риторика, равно как и антинемецкая — мы ведь требуем у Германии репараций. Ну, и еще конфликт с США, нашим главным союзником. А премьер-министр Моравецкий во время конференции в Мюнхене повторяет антисемитский бред о том, что евреи тоже виноваты в Холокосте! И сразу после этого возлагает цветы на могиле солдат Свентокшиской бригады Национальных вооруженных сил, известной своим сотрудничеством с немцами. Вот в какой атмосфере пройдет в свободной Польше 50-я годовщина событий марта 1968 года. Это очень удручает. Причем все это вытворяют люди, которые охотно рассказывают о своей принадлежности к “Солидарности”», — вице-маршал Сената Богдан Борусевич, партия «Гражданская платформа». («Польска», 2-4 марта)

• «Премьер-министр Моравецкий произнес злополучную фразу: “Разумеется, не будут наказываться утверждения о том, что поляки принимали участие в Холокосте наравне с евреями, русскими, украинцами, а не только с немцами”. Уже через час слова польского премьера были процитированы израильскими новостными порталами. (...) Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху (...) заявил, что слова главы польского правительства возмутительны». (Бартош Т. Велинский, «Газета wyborcza», 19 фев.)

• «Председатель правящей партии, мягко говоря, пришел в

ярость. (...) В Мюнхене премьер-министр говорил о том, что в Холокосте участвовали не только немцы, но также поляки и евреи. А ведь еще совсем недавно, 25 января в Сейме глава министерства внутренних дел и администрации Йоахим Брудзинский подчеркнул, что Польша была “народом жертв, а не убийц”». (Магдалена Рубай, «Факт», 20 фев.)

• «Уважаемый господин премьер-министр, (...) от имени правительства Речи Посполитой вы почтили в Мюнхене память солдат Свентокшиской бригады Национальных вооруженных сил. (...) Зачем вы возложили венок на могилы военных преступников, польских коллаборационистов, сотрудничавших с Третьим рейхом? (...) Как соотносятся произнесенные вами несколькими часами ранее слова о “еврейских исполнителях” Холокоста с цветами, возложенными на могилы поляков, проливавших еврейскую кровь? (...) Свентокшиская бригада никогда не подчинялась польскому правительству в изгнании. (...) В столкновения с немцами Свентокшиская бригада вступала только изредка. В основном же она занималась “очисткой” Польши от евреев, украинцев, отрядов Батальонов хлопских, Армии людовой, деятелей Польской рабочей партии и советских партизан. Солдаты бригады часто расстреливали пленных, отпуская только немцев», — Ярослав Курский. («Газета wyborcza», 22 фев.)

• «1 марта перед гарнизонным костелом во Вроцлаве, где открылась выставка, посвященная “проклятым солдатам”, члены вроцлавского отделения Союза демократических левых сил зажгли 187 лампадок. По мнению историков, именно столько детей были убиты “проклятыми солдатами”». («Пшеглэнд», 5-11 июня)

• «В субботу в Павлокоме на Подкарпатье прошли траурные мероприятия в память об украинцах, погибших в 1945 г. от рук участников польского подполья. В Павлокоме приехали министр иностранных дел Украины Павло Климкин, посол Украины в Польше Андрий Дешица, многочисленные украинские делегации, в мероприятиях также участвовали представители украинской диаспоры Подкарпатя и греко-католическое духовенство. (...) В мае 2006 г. в присутствии президента Польши Леха Качинского и президента Украины Петра Порошенко были открыты кладбище и памятник убитым», — Матеуш Хмель («Газета wyborcza», 5 марта)

• «Если кто-либо из польских политиков будет по-прежнему требовать от нас запретить чествовать Степана Бандеру и УПА на Украине, мы ответим им: начните с себя. Перестаньте делать героя из Юзефа Пилсудского, который запятнал себя жестоким усмирением украинцев в Галиции, и восхвалять Армию крайову, отряды которой совершали убийства жителей

украинских деревень. 3 марта 1945 года в украинской деревне Павлокома местная польская самооборона и солдаты Армии крайовой под командованием лейтенанта Юзефа Биссы расстреляли 366 украинцев, среди которых были 157 женщин и 59 детей младше 14 лет. И таких деревень были десятки», — министр иностранных дел Украины Павло Климкин.

(«Жечпосполита», 5 марта)

- «“Украина и Польша — это суверенные страны и между ними не может быть отношений ученика и учителя. Польша не может указывать Украине, что ей делать, кого считать героями, а кого нет. Я родился на Украине, но тогда это еще была территория Польши. К моим родителям, которые работали на поляков, относились как к быдлу и хамам”, — так первый президент Украины Леонид Кравчук в присутствии телекамер практически всех украинских телеканалов ответил на вопрос журналиста газеты “Жечипосполита” о том, как улучшить польско-украинские отношения». (Руслан Шошин, «Жечпосполита», 27 фев.)

- «В департаменте по делам иностранцев администрации Мазовецкого воеводства гражданина Украины, в частности, спросили о его отношении к Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА). (...) Чиновники решили, что мужчина не хочет негативно отзываться об этих организациях и отказали ему в праве на постоянное проживание». (Зузанна Буклаха, «Газета wyborча», 22 фев.)

- «К войне “за историческую правду”, которая, напомним, началась отнюдь не с принятия закона об Институте национальной памяти, а с одобрения польским парламентом резолюции о геноциде на Волыни полтора года назад, с энтузиазмом подключились российские интернет-пользователи. Они охотно делятся леденящими кровь историями о преступлениях ОУН-УПА, а также об “ответных акциях” Армии крайовой». (Вячеслав Новиков, «Газета wyborча», 24-25 фев.)

- «Министр иностранных дел Венгрии Петер Сийярто вызвал во вторник посла Украины в связи с уже вторым за этот месяц поджогом Центра венгерской диаспоры в Ужгороде. (...) Тем временем несколько дней назад выяснилось, что за первыми нападениями на венгерский центр в Ужгороде, совершенными 4 февраля, стоят поляки. Агентство внутренней безопасности задержало (...) 22-летнего Томаша С. из Кракова и 25-летнего Адриана М. из города Быдгощ. (...) Оба поляка связаны с пророссийской партией “Фаланга”. (...) С. также входит в состав редакции информационного портала “Фаланги”, главным редактором которого является Бартош Бекер, организатор пророссийских демонстраций в Варшаве. Четыре года назад он

поехал в Донецк, чтобы поддерживать сепаратистов». (Михал Кокот, «Газета wyborcza», 1 марта)

- «Бывший президент Грузии Михаил Саакашвили, возглавлявший антиправительственные протесты на Украине, был в понедельник депортирован в Польшу». («Жечпосполита», 13 фев.)

- «Как показывают результаты новых опросов ЦИОМа относительно отношения поляков к представителям других национальностей, сегодня поляки используют большую неприязнь к украинцам (32%), нежели к евреям (26%)», — Малгожата Свенхович, Кароль Морчак («Ньюсуик Польска», 5-11 марта)

- «По сути, украинцы стали своего рода “евреями Третьей Речи Посполитой”. Они более уязвимы в экономическом смысле, как и евреи в межвоенной Польше. В Варшаве еще полбеды, поскольку в столице есть организации, помогающие украинцам, но в провинции царит вакуум. Там украинец предоставлен самому себе. Впрочем, в больших городах тоже бывает по-разному, разве что в метрополиях над этническим фактором, помноженным на комплекс национального величия, доминирует фактор экономический — во Вроцлаве, Гданьске, Варшаве прошли демонстрации против украинцев, которые якобы отбирают у поляков рабочие места и становятся причиной зарплатного демпинга. (...) Количество нападений на украинцев показывает, что нападают на всех, как на приезжих, так и на местных. Украинцев били за их происхождение в Люблине, но также в Гданьске и Закопане, где оседлого украинского меньшинства практически нет», — Петр Тыма, глава Союза украинцев в Польше. («Газета wyborcza», 24-25 фев.)

- «Произошло нечто ужасное: из-за нескольких фраз, включенных в закон об Институте национальной памяти, в Польше с каждым днем всё больше оживает призрак антисемитизма», — Витольд М. Орловский, ректор академии финансов и бизнеса “Vistula”. («Жечпосполита», 15 фев.)

- «Сегодня можно услышать некоторые выражения, которых не было даже в марте 68-го. Например, слово “пархатые”. В 1968 году это слово не звучало, а нынче его использует право-консервативный публицист Рафал Земкевич. Но есть и еще одна аналогия между 1968 годом и нынешними временами. И она связана не с языком, но с молчанием. Молчанием католической Церкви. Церковь промолчала в 1968 году и точно так же молчит сегодня», — проф. Михал Гловиньский. («Польска», 9-11 марта)

- «В результате антисемитской травли в 1968 г. Польшу покинули ок. 13 тыс. поляков еврейского происхождения. (...) Массовый отъезд евреев из Польши начался в 1968 году и

продолжался, по оценкам историков, примерно до 1971 года. (...)
Каждый вынужденный эмигрант (людей заставляли отказываться от польского гражданства) подвергался тщательному таможенному досмотру. (...) С собой нельзя было брать новые вещи, только ношенные», — вспоминает Юстина Кошарская-Шульц, сотрудница музея истории польских евреев «Полин». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 28 фев.)

• «“Тем, кто был тогда изгнан, а также семьям тех, кто погиб, я хочу сказать: простите нас. Простите Польшу, простите поляков, простите Польшу того времени, совершившую этот позорный поступок”, — сказал президент Дуда во время памятных мероприятий в Варшавском университете, посвященных 50-й годовщине событий марта 68-го. И тут же добавил: “Нынешняя свободная Польша и мое поколение не несут ответственности за случившееся и не должны за него извиняться”. “Глядя на сегодняшнюю Польшу XXI века, я испытываю досаду, понимая, что Речь Посполитая и мы все — и те, кто уехал, и те, кто умер, став жертвой травли в 68-м — понесли огромную потерю, что сегодня вас с нами нет, что вы составляете элиту интеллигенции, но в других странах”, — подчеркнул президент. “Посол Израиля в Польше Анна Азари в ходе своего выступления на Гданьском вокзале в Варшаве (с этого вокзала евреи в 1968 году уезжали в вынужденную эмиграцию) заявила: “Теперь, по прошествии последних полутора месяцев, я знаю, как легко в Польше разбудить и вызвать к жизни демонов антисемитизма — даже когда в стране практически нет евреев”». («Жечпосполита», 9 марта)

• «Институт национальной памяти в Люблине отстранил от исследовательской работы д-ра Адама Пулавского. В его защиту выступили почти 130 польских и зарубежных историков». Адам Пулавский — автор книги «Перед лицом геноцида. Польское правительство в изгнании и его представительство в Польше, Союз вооруженной борьбы и Армия крайова в контексте отправки евреев в лагеря смерти (1941–42)». Пулавский написал «о том, что помощь евреям не была приоритетом для подпольной Польши и польского правительства в изгнании. (...) Летом прошлого года директор лодзинского отделения Института национальной памяти (...) уволил (...) исследователя истории еврейского гетто в Лодзи Павла Споденкевича, а также Милену Пшибыш, занимающуюся историей католической Церкви в ПНР». (Эстера Флейгер, «Газета wyborcza», 27 фев.)

• «Когда благодаря книге “Соседи” Яна Томаша Гросса появился шанс на коллективное покаяние, когда выяснилось, что евреев убивали не два-три поляка, и что эта трагедия затронула многие города и местечки восточной Польши, когда оказалось, что в убийствах евреев принимали участие некоторые отряды польского вооруженного подполья, это был болезненный урок

истории, но польское общество было к нему готово. Президент Александр Квасневский отправился в Едвабне, и это был достойный шаг. Но когда политики поняли, что беречь эту рану невыгодно, по крайней мере, в ближайшей перспективе, то перестали это делать. (...) На долгой дистанции побеждает правда, критическое отношение к истории. Но этот процесс может занять много времени, поскольку элита, находящаяся сейчас у власти, сумела заморозить эту дискуссию», — Жорж Минк, автор книги «Польша в сердце Европы. С 1914 года до наших дней. Политическая история и конфликты памяти». («Жечпосполита», 14 фев.)

- «По мнению Кшиштофа Персака, верхний предел количества жертв “местных помощников оккупанта” может достигать 120 тыс. человек». (Михал Оконский, «Тыгодник повшехны», 9–25 фев.)

- «Представляющая поляков, спасавших евреев от Холокоста, Польская ассоциация Праведников среди народов мира обратилась со специальным призывом к правительствам и политикам Польши и Израиля. “Мы, Праведники, храня в своей памяти правду о тех временах, призываем всех быть сострадательными и рассудительными, внимательными в законотворческой деятельности, (...) честными и независимыми в своих исторических исследованиях (...). Как и у всех людей, среди нашего народа в то время тоже хватало злодеев. Они действовали от собственного имени, не от имени польского государства. Но они были поляками. Их мы тоже боялись”, — говорится в письме». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 27 фев.)

- «Соединенные Штаты опасаются, что кто-нибудь из их граждан может пострадать после вступления в силу закона об Институте национальной памяти. Американцы не понимают шуток, когда речь идет об их гражданах. (...) Ян Томаш Гросс является гражданином США. (...) В записке министерства иностранных дел от 22 января четко сказано, что в случае принятия закона об Институте национальной памяти, Госдепартамент США будет вынужден отреагировать. Об этом (...) заявил Томас Яздгерди. В ходе той встречи он также интересовался следствием в отношении Гросса». (Анджей Станкевич, «Супер експресс», 7 марта)

- «Ни Госдепартамент, ни посольство США в Варшаве никак не отреагировали на эту новость. (...) Портал onet.pl ссылается на записку, подготовленную 20 февраля польскими дипломатами после встречи с ассистентом госсекретаря по делам Европы и Евразии Уэссом Митчеллом, специальным советником вице-президента Майка Пенса по делам Европы и России Молли Монтгомери, а также с Томасом Яздгерди, отвечающим в Госдепартаменте за вопросы Холокоста. На той встрече

американцы предостерегли, что до тех пор, пока в Польше действуют законы, ограничивающие свободу слова и возможность проводить исследования относительно роли поляков в геноциде евреев, ни Дональд Трамп, ни Майк Пенс не примут президента Анджея Дуду и премьер-министра Матеуша Моравецкого. (...) Заместитель министра иностранных дел Бартош Цихоцкий пообещал, что в отношении тех, кто предал огласке содержание конфиденциальной записки о встрече с американскими дипломатами, "будут приняты соответствующие меры"». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 7 марта)

- «Дипломатические контакты с США сохраняются на прежнем уровне, о чем свидетельствует недавний визит вице-министра иностранных дел Марека Магеровского в Вашингтон, заявила вчера пресс-секретарь правительства Иоанна Копцинская. Она, впрочем, не добавила, что Магеровского отправил в США премьер-министр Моравецкий, обеспокоенный запиской от 20 февраля, пришедшей из-за океана. Ни с одним из представителей высшего звена администрации президента Дональда Трампа Магеровскому встретиться не удалось». («Факт», 7 марта)

- «Глава постоянного комитета Совета министров Яцек Сасин (...) подчеркнул, что не подтвердившаяся сенсация, которую целый день обсуждали польские СМИ — это элемент ведущейся против Польши информационной войны». (Мачей Кожушек, «Газета Польска цодзенне», 8 марта)

- «Мне доподлинно известно от владеющих информацией американцев, что ситуация даже хуже, чем в официальных заявлениях. Польское консульство и польских дипломатов игнорируют не только американские чиновники, но и старательно подражающие им дипломаты других стран, в том числе тех, которые мы считаем дружественными. (...) Премьер-министр собирался ехать в США и просил о встрече с вице-президентом Майком Пенсом. (...) Из этого ничего не вышло. (...) Польская делегация во главе с премьер-министром должна была участвовать в конгрессе AIPAC, организации, представляющей самое мощное и влиятельное израильское лобби в США. (...) Все приглашения для польских гостей были отозваны», — проф. Збигнев Левицкий, ученый-американист. («Жечпосполита», 8 марта)

- «Министры стран ЕС обсуждали во вторник состояние законности в Польше — уже в третий раз в таком составе, однако впервые в рамках процедуры, предусмотренной договором о Евросоюзе. Предметом дискуссии стало предложение Европейской комиссии возбудить в отношении Польши процедуру, предусмотренную статьей 7.1, и констатация факта, что законность в нашей стране находится

под угрозой». (из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 28 фев.)

- «Европейский парламент в четверг принял резолюцию, поддерживающую предложение Европейской комиссии о возбуждении в отношении Польши процедуры, предусмотренной статьей 7.1, поскольку законность в Польше находится под угрозой. За принятие резолюции проголосовали 422 депутата Европарламента, против — 147, воздержались 48. (...) В четверг депутаты также избрали Здзислава Краснодембского (ПИС) новым вице-председателем Европарламента. Он занял место Рышарда Чарнецкого (ПИС), который лишился этого поста за то, что назвал депутата Европарламента от “Гражданской платформы” Ружу фон Тун пособницей нацистов». (из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 2 марта)

- «Премьер-министр Матеуш Моравецкий в четверг в Брюсселе вручил председателю Европейской комиссии Жан-Клоду Юнкеру “Белую книгу правосудия”. (...) В последних главах этого документа правительство обращает внимание на вопросы защиты конституционной правосубъектности стран, входящих в ЕС, и их право принимать самостоятельные решения в рамках договоров о Евросоюзе. Польские реформы не только укладываются в эти рамки, но и полностью соблюдают европейские стандарты. Применение в этой ситуации процедуры, предусмотренной статьей 7.1, является злоупотреблением и опасным прецедентом, поскольку создает риск ее необоснованного использования в будущем также в отношении других стран ЕС». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 9 марта)

- «Отрицая достижения собственной посткоммунистической трансформации, а также критикуя европейскую модель либеральной демократии, польское правительство утратило одновременно и собственную мотивацию, и доверие со стороны партнеров по поддержке проевропейских реформ на востоке Европы. (...) Отказ от участия в проведении политики ЕС также ослабил позиции Польши по отношению к восточным соседям. (...) Варшава находится в конфликте с Европейской комиссией, а ее отношения с Германией и США сегодня наихудшие за все последние десять лет. (...) В нынешнем хаосе, воцарившемся в слишком многих сферах, действия польских властей демонстрируют синхронность с действиями и интересами России при одновременном разладе с союзниками по ЕС и НАТО», — Катажина Пелчинская-Наленч. («Жечпосполита», 1 марта)

- «Из 10 тыс. судей только восемнадцать выдвинули свои кандидатуры в орган, который теперь будет состоять не из “представителей судейского сообщества”, как того требует

конституция, а исключительно из “помазанников” правящей партии. Среди этих восемнадцати человек есть судьи с дисциплинарными взысканиями, а у одного из них этих взысканий больше десятка. Есть среди них и судьи, которые годами безуспешно добивались повышения, однако их опыт и компетенция всякий раз получали негативную оценку Национального совета правосудия. Есть судьи, делегированные в министерство юстиции, то бишь подчиняющиеся министру. Есть, наконец, и те, кого впервые выдвинул министр и одновременно прокурор Збигнев Зёбро». (Эва Седлецкая, «Политика», 14–20 фев.)

- «При сопротивлении оппозиции депутаты избрали 15 судей — новых членов Национального совета правосудия». «Через час после голосования в Сейме Малгожата Герсдорф сложила с себя полномочия председателя Национального совета правосудия. Ранее членов Национального совета правосудия избирало судейское сообщество». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 7 марта)

- «Убогий уровень обсуждений в Сейме и Сенате убивает демократию. (...) Все решения принимаются наверху, мнение депутатов не имеет никакого значения. (...) Политбюро решило, все послушно подняли руки. Само поведение депутатов от ПИС — это просто позор. Ими дирижирует руководящая группа, а они ведут себя как стадо», — проф. Анджей Золль, судья, бывший председатель Конституционного трибунала и уполномоченный по правам человека. («Газета выборча», 24–25 фев.)

- «Проф. Адам Стшембош, бывший первый председатель Верховного суда, а также проф. Анджей Золль, бывший председатель Конституционного трибунала (...) в среду взяли слово на правах одних из последних живущих представителей “Солидарности”, занимавшихся реформами судебной системы в ходе совещаний за Круглым столом. (...) “Избрание Сеймом 15 судей в Национальный совет правосудия грубо нарушает нормы основного закона. Формирование нового состава Национального совета правосудия противоречит порядку, закрепленному в конституции”, — написали Стшембош и Золль. И добавили: “Нынешний Национальный совет правосудия не располагает полномочиями, предусмотренными конституцией Речи Посполитой, поэтому все его резолюции по природе своей недействительны”». (Лукаш Возницкий, «Газета выборча», 8 марта)

- «Заместитель министра юстиции Лукаш Плебьяк окончательно исключен из ассоциации судей “Iustitia”. Так решило собрание делегатов». («Жечпосполита», 12 фев.)

- «Вице-председатель Конституционного трибунала не имеет права выносить решений относительно полномочий

спецслужб, поскольку был офицером разведки — с таким заявлением обратился уполномоченный по правам человека». («Газета wyborcza», 17–18 фев.)

- «Все только начинается. Этот год будет решающим. Уже нет ни Конституционного трибунала, ни Верховного суда, ни Национального совета правосудия. Сейчас идет кардинальная реформа системы правосудия, заключающаяся в ликвидации судебной вертикали. Не будет разделения на районные, окружные и апелляционные суды, будут только суды первой и второй инстанции. Говорят, что вот тут и произойдет та самая переаттестация судей. Когда дело дойдет до новой административной классификации, всем судьям придется заново пройти процедуру назначения. Некоторым из них это не удастся», — Игорь Тулея, судья окружного суда в Варшаве. («Газета wyborcza», 17–18 фев.)

- «Их называют “хунвейбинами Зёбро” или “орденом”. “Невозможно понять, что происходит в сегодняшней прокуратуре, ничего не зная об ассоциации «Ad Vocem»», — говорит один из прокуроров. (...) В эту таинственную организацию входит вся верхушка нынешней прокуратуры. (...) Членами организации являются влиятельнейшие директора Национальной прокуратуры (...). В общей сложности около 20–30 человек. (...) Руководство Национальной прокуратуры, состоящее в “Ad Vocem”, получает зарплату, вдвое превышающую жалование президента Польши и почти в два раза — зарплату премьера. Национальный прокурор Богдан Свенчковский получает (данные за ноябрь 2016 г.) 26 175 злотых “брутто”. Его заместителям платят всего на одну тысячу злотых меньше. (...) Еще больше, чем Свенчковский — 29 150 злотых — получает Марек Пасёнек, начальник группы по расследованию смоленской катастрофы (у него самый долгий стаж работы). (...) Дотации на жилье составляют свыше 3 тыс. злотых ежемесячного, необлагаемого налогами дохода. (...) Во втором полугодии 2017 г. (...) на вознаграждения истрачено около 230 тыс. злотых. (...) Самая высокая зарплата составила 15 тыс. злотых». (Эва Иванова, «Газета wyborcza», 3–4 марта)

- «Трое прокуроров, которые вели следствие по делу о ДТП с участием бывшего премьер-министра Беаты Шидло, за два дня до окончания следствия отказалась признавать вину Себастьяна К., водителя “Фиата Сейченко”, как того требовал глава прокуратуры Рафал Бабинский. (...) Прокуроры не соглашались взвалить всю вину за происшествие на водителя “Фиата Сейченко”». («Жечпосполита», 5 марта)

- «В свежем рейтинге “World Justice Project” Польша оказалась на 25 месте из 113 стран, опустившись по сравнению с предыдущим рейтингом на три позиции. В рейтинге фигурирует 21 страна ЕС, и в этой классификации Польша

находится на 14 месте. (...) Рейтинг был составлен осенью 2016 года, так что он не учитывает ни принятых в 2017 году законов о судопроизводстве, ни изменений в системе правосудия, введенных ПИС». (из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 16 фев.)

• «Amnesty International» представила свой отчет за 2017 год. «В документе, озаглавленном “Ситуация с правами человека в мире”, идет речь о 150 странах, в том числе о Польше. (...) Сотни поляков задержаны и обвинены в участии в мирных демонстрациях. Женщинам систематически затрудняется доступ к безопасным средствам контрацепции и легальному прерыванию беременности. В июле Европейская комиссия постановила, что “независимость Конституционного трибунала в значительной степени нарушена, в связи с чем нельзя гарантировать соответствие польского законодательства действующей конституции”, говорится в отчете». (Мария Кручковская, «Газета wyborcza», 24–25 фев.)

• «В шесть утра полицейские задержали Владислава Фрасынюка, активиста оппозиции времен ПНР, надели на него наручники и отвезли в прокуратуру в Олеснице. Там следователь из окружной прокуратуры в Варшаве предъявил ему обвинение в нарушении физической неприкосновенности двух полицейских, находившихся при исполнении обязанностей. После допроса, продолжавшегося десять минут, Фрасынюка освободили. Задержанный воспользовался правом на отказ от дачи показаний. Он также отказался подписывать постановление о предъявлении обвинения и протокол допроса. (...) “Я сказал, что никого не бил, что отказываюсь давать показания и что не буду ничего подписывать. Вспомнил себя много лет назад, когда мне приходилось поступать точно так же”, — рассказал Фрасынюк в эфире “TVN24”». (Михал Коланко, Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 15 фев.)

• «Я не против того, чтобы ПИС управляла Польшей. Программа 500+ замечательная, хотя ее стоило бы скорректировать. За партию Качинского люди проголосовали на демократических выборах не для того, чтобы она нарушала конституцию, а для того, что она управляла страной. ПИС не получал мандата на уничтожение правового государства. И против этого я буду протестовать. (...) С удовольствием бы побеседовал с Ярославом Качинским с глазу на глаз о том, что можно сделать для объединения поляков, постарался бы убедить его, что это наша страна, и избиратель ПИС ничем не лучше того, кто за ПИС не голосует. (...) Мне не хватает в поляках гражданского мужества. Не хватает стремления к диалогу, образованности и уважения к другому человеку. Это фундаменты для строительства благополучного и безопасного общества», — Владислав Фрасынюк. («Жечпосполита», 19 фев.)

- «Несколько десятков человек собрались в субботу перед зданием прокуратуры (...), чтобы вместе с Варшавским революционным хором спеть польский гимн, текст которого переработал поэт Ясь Капелья. Собравшиеся таким образом выразили свой протест в отношении судебного решения, приговорившего поэта к штрафу в размере тысячи злотых с покрытием судебных издержек за использование в гимне слов: “Марш, марш, мигранты, / в Польшу за провиантом...”. (...) На месте присутствовали сотрудники полиции. (...) Они записывали акцию на видео, поэтому не исключено, что люди, принимавшие участие в хэппенинге, также понесут наказание за публичное исполнение запрещенной версии национального гимна». (Патриция Вечоркевич, «Газета выборча», 26 фев.)
- «От нашего внимания ускользают истории менее эффектные, но в действительности не менее опасные, с далеко идущими последствиями. (...) Во-первых, это задержание Владислава Фрасынюка, которого полицейские доставили в прокуратуру. Во-вторых, это приговор Ясю Капеле, публицисту и поэту, за спетую им с тремя другими лицами новую версию польского гимна с альтернативным текстом. (...) Ясь Капелья поет на мотив “Мазурки” Домбровского (политэмигранта своего времени): “Еще Польша не пропала, / и в краю родимом, / перевидевшем немало, / беженцев мы примем. / Марш, марш, мигранты, / в Польшу за провиантом. / Кто б ты ни был родом, / с нашим будь народом”. Эту интерпретацию суд оценил в тысячу злотых штрафа (...). При этом прокуратура полностью проигнорировала информацию об угрозах (в том числе угрозах убийством), которые после презентации не-гимна получал Ясь Капелья». (Роман Куркевич, «Пшеглэнд», 19–25 фев.)
- «Решение министра охраны окружающей среды Яна Шишко о вырубке Беловежской пуци противоречит законодательству Евросоюза, заявил генеральный пресс-секретарь Европейского суда. Вердикт, скорее всего, будет вынесен в апреле». («Жечпосполита», 21 фев.)
- «Польша нарушила законодательство ЕС в области контроля за качеством воздуха, решил в четверг Европейский суд». «Польша не соблюдает нормы относительно качества воздуха, злостно превышая допустимую концентрацию вредной пыли PM10, не борется со смогом — такие аргументы привел трибунал, объявляя свой вердикт по делящемуся вот уже два года спору между Европейской комиссией и Польшей». (Доминика Вантух, «Газета выборча», 23 фев.)
- «Поляки даже не представляют, какое огромное разочарование вызывает Польша у Брюсселя. (...) Казалось, что Варшава станет одним из лидеров Евросоюза. Ее приглашали к обсуждению важнейших решений, с ней считались. Вся совместная политика в отношении Восточной Европы и

постсоветского пространства в действительности разрабатывалась Польшей. А теперь возникает ощущение, что все это было какой-то игрой. И что, возможно, истинное лицо Польши — это ПИС. Поэтому Брюссель подозревает, что Польша — это все-таки не та страна, которая разделяет европейские ценности. А как еще сотрудничать с тем, кто подписал и одобрил договоры и трактаты, а теперь заявляет, что не собирается их соблюдать? Поэтому и идут разговоры о Евросоюзе двух скоростей, где Запад создаст настоящую Европу “для своих”, а на обочине останутся чужаки, с которыми никто не будет считаться. (...) Огромное значение будут иметь следующие выборы. (...) Если Польша снова сделает тот же выбор, придется признать, что Польша вовсе не такая, какой казалась раньше, когда ее принимали в ЕС. И тогда Запад спросит — а есть ли в европейском сообществе место для Польши?», — Энн Эпплбаум. («Газета выборча», 3-4 марта)

- «По последним данным ЦИОМа, 40% поляков поддерживают правительство Матеуша Моравецкого. (...) Противниками нынешнего правительства считают себя 17% поляков (...), нейтралитет демонстрирует каждый третий из нас (34%)».

(«Газета выборча», 20 фев.)

- «Я публично хвалил этот документ (“План Моравецкого”), подчеркивал (...), что это правильная экономическая концепция. (...) Но она не работает. (...) Ничего не изменилось. (...) Вывод: программу премьер-министра Моравецкого невозможно реализовать. (...) Я утверждаю, что среднесрочные структурные цели этой программы недостижимы либо достижимы в очень малой степени. А для меня это означает, что мы не сможем противостоять долгосрочным вызовам. Не сможем использовать наши шансы и избежать опасностей. Только и всего, но этого хватит. А будет еще труднее, поскольку, кроме прочего, ожидается ускорение темпов инфляции», — проф. Ежи Хауснер. («Польша», 26 фев.)

- «За 29 лет в смысле оснащения в армии изменилось немного. 80% оборудования у нас постсоветское, да только это уже практически музейные экспонаты. Некоторые пытаются их реанимировать, но на поле боя они бы провалили экзамен. F-16 — это уже просто как на корове седло, то же самое касается бронетранспортера “Росомаха” и гаубицы “Краб”. (...) Реформа армии привела к деградации войск быстрого реагирования, реформа командного состава потерпела неудачу, никакой модернизации армии нет и в помине, обучение и военная промышленность приходят в упадок. Мы даже боеприпасов не производим. Чем мы будем сражаться, в случае чего? За эти годы у меня сложилось ощущение, что политики сговорились, чтобы у войск быстрого реагирования было доисторическое оснащение, потому что тогда Польша окажется слабой и не

будет готовой к войне», — генерал Тадеуш Скшипчак.
(«Жечпосполита», 17-18 фев.)

• «Численность личного состава армии является военной тайной, и информация о ней не разглашается. Но о масштабе проблемы ярче всего свидетельствует тот факт, что всё больше подразделений обращаются к генеральному командованию с просьбой снизить уровень боевой готовности в связи с уменьшением личного состава более чем на 50%. Такого коллапса в армии уже давно не было. С вооружением ситуация тоже обстоит не лучше, хотя вот уже второй год подряд армия полностью тратит весь свой бюджет. “Парадокс, однако, заключается в том, что при этом не была реализована ни одна из четырех приоритетных задач, связанных с модернизацией, запланированных на тот год”, — говорит Томаш Дмитрук (...), который годами следит за реализацией бюджета министерства обороны». (Юлиуш Цвелюх, «Польска», 31 янв. — 6 фев.)

• «Написана целая книга о подозрительных контактах Мацеревича с россиянами. И этот человек существует в польском политическом пространстве уже много лет. Правительство никогда не интересовалось этой темой. А Мацеревич работает до сих пор — правда, его уже нет в правительстве, однако он остался в руководстве правящей партии. Вмешательство в выборы не обязательно должно происходить во время самих выборов. Практически в каждой европейской стране Россия занимается поддержкой политиков-экстремистов и экстремистской идеологии. Россияне делают это в Германии, во Франции. (...) Если они делают это повсюду, почему же это невозможно у нас, в Польше? Только потому, что это “территория без российского вмешательства”?», — Энн Эпплбаум. («Жечпосполита», 7 марта)

• «За те неполные два года, когда оборонным ведомством руководил Антоний Мацеревич, министерство обороны потратило более 15 млн злотых на покрытие расходов с 800 служебных банковских карт служащих польской армии. В этом призналось министерство обороны под давлением политического скандала, вызванного публикацией в газете “Супер экспресс”. (...) “Эта сумма внушает большую тревогу. Мы готовим письмо в Национальную контрольную палату с просьбой провести проверку этих расходов”, — говорит депутат Мисило (партия “Современная”)), — Изабелла Кацпшак, Гражина Завадка. («Жечпосполита», 5 марта)

• «Индекс потребительского оптимизма поляков за период с 2006 года достиг наивысшей отметки в 104 балла. (...) 52% поляков полагают, что потребление будет расти — и это лучший результат в Европе. Это видно хотя бы по уровню продажи автомобилей, рост которого в этом году оказался

самым интенсивным в Европе». («Жечпосполита», 16 фев.)

- «Нынешний сезон первых причастий будет первым, когда матери не станут отправлять своих дочерей в солярий, чтобы загар контрастировал с белым платьем. В период, предшествующий первым причастиям, владельцы соляриев могут столкнуться с усиленным контролем со стороны Государственной санитарной инспекции, которая за нарушение запрета предоставлять услуги солярия лицам, не достигшим 18 лет, будет иметь право наложить штраф в размере от тысячи до 50 тыс. злотых». (Каролина Ковальская, «Жечпосполита», 16 фев.)

- «С нового года преподаватель Закона Божия сможет одновременно быть классным руководителем». «Решение по этому вопросу принимает директор. Ранее преподаватель основ религии не мог вести воспитательную работу с классом даже на правах заместителя. (...) Благодаря этим изменениям преподаватели основ религии смогут зарабатывать в месяц на несколько сотен злотых больше». (Артур Радван, Клара Клиггер, «Дзенник газета правна», 26 фев.)

- «Наделение преподавателей религии правом на классное руководство означает, что они смогут распространять свое влияние на всех учеников независимо от вероисповедания последних. Это также означает доступ преподавателей религии к документации всех учеников школы. Означает возможность оказания мировоззренческого давления на детей не католического вероисповедания. Наконец, означает передачу воспитательного процесса под контроль епископов», — Павел Борецкий, д-р наук, специалист по законодательству в области вероисповедания, Варшавский университет. («Пшеглэнд», 5-11 марта)

- «Во Всемирный день мигранта и беженца священники зачитывали письмо о святом Станиславе Костке, не обмолвившись ни словом о ситуации, расколовшей польское общество. Такая попытка спрятать голову в песок — это не дипломатия, а отказ от евангельских ценностей», — Богдан Бялек, главный редактор журнала «Характеры». («Жечпосполита», 12 фев.)

- «В рядах епископата сегодня нет харизматичного епископа, который смог бы повести за собой польскую католическую Церковь. Такого, кому хватило бы мужества сопротивляться “рядовому” монаху из Торуни. Похоже, что отец Тадеуш Рыдзык — не провинциал, не профессор, зато ловкий бизнесмен и умелый монах-пиарщик, не подчиняющийся власти епископов — обладает в польской католической Церкви влиянием и властью большими, чем примас и председатель епископата вместе взятые». (Мария Мазурек, «Польска», 16-18 фев.)

• Большой оркестр праздничной помощи Ежи Овсяка снова побил рекорд. «Собрано 126 млн 373 тыс. 804 злотых и 34 гроша. Это на 21 млн больше, чем в прошлом году. (...) В этом году средства собирались на то, чтобы уравнивать шансы на излечение новорожденных, находящихся в неонатологических отделениях. (...) Вот уже во второй раз финал был организован главным образом благодаря “TVN”. “Национальное телевидение от сотрудничества отказалось”, — говорит Овсяк. (...) В этом году финал посмотрели 13 млн человек. (...) Овсяк также прокомментировал подготовленную правительством новую редакцию закона о сборе пожертвований, в соответствии с которой министр внутренних дел и администрации может запретить сбор, если решит, что тот “противоречит основам общественного сосуществования” либо “нарушает важные общественные интересы”. (...) “Грубо говоря, гоп-стоп, — комментирует Овсяк. — Если кто-то собирает пожертвования с нарушениями, надо обращаться в полицию, казначейство, прокуратуру, а не придумывать расплывчатые законы, дающие огромную возможность для самых причудливых интерпретаций”. (...) Против этого закона выступают неправительственные организации». (Павел Косминский, «Газета выбора», 9 марта)

• «Среди польских кабанов свирепствует вирус африканской чумы свиней. Ответственность за эту ситуацию несут в первую очередь чиновники министерства сельского хозяйства и ветеринарной инспекции, а также безалаберные аграрии. Однако страдать в результате будут не они, а живущие в Польше кабаны. Планируется массовый отстрел кабанов, в том числе беременных свиноматок. (...) Почти все очаги африканской чумы свиней появились в результате серьезных ошибок людей, занимающихся разведением свиней, и игнорирования различных процедур. (...) Сначала — непрофессионализм и несоблюдение закона, а теперь массовая резня умных, высокоорганизованных диких млекопитающих (...) с целью отвлечь внимание общества от собственных ошибок. (...) Даже некоторым охотникам не по себе, когда им предлагают 650 злотых за убийство беременной свиноматки», — проф. Анджей Элжановский («Жечпосполита», 27 фев.)

• «Среди предлагаемых изменений в законе об охране животных есть проект новой редакции статьи 34, абзац 1. (...) Он содержит положение, позволяющее пренебречь запретом убивать животное без его предварительного оглушения. (...) Исключения, позволяющие убивать животное без его предварительного оглушения, касаются убоя животного в рамках религиозного обряда. (...) Убой, в ходе которого находящемуся в сознании животному перерезается горло, после чего оно истекает кровью, пока не умрет, является в

высшей степени варварским и причиняет животному невообразимые муки. (...) Время между перерезанием кровеносных сосудов и потерей сознания составляет до 20 секунд у овец, до 25 секунд у свиней, до 2 минут у телят, до 21–22 минут либо больше у домашних птиц и 15 и более минут у рыб», — Войцех Хермелинский, судья Конституционного трибунала в отставке, председатель Государственной избирательной комиссии. («Жечпосполита», 27 фев.)

• «В среду 23 января на ферму в Буково приехали работники скотобойни — фермер Лукаш П. решил продать четырех своих коров на убой. “Три коровы прошли спокойно, — вспоминает фермер. — Затем вывели последнюю. Как только она вышла из коровника, то сразу вырвалась и убежала, снеся ограду — только стальные столбики летали в воздухе. Никто не смог ее догнать. (...) Она была родом с гор. Там она все время свободно ходила по лугам. У меня она всегда ходила на привязи. Ну, а теперь только ее и видели”. В четверг 15 февраля о рыжей корове с гор, которая вырвалась из рук мясников, убежала и теперь бродит где-то на широких берегах Ныского озера, рассказывали все польские и зарубежные СМИ. Целый месяц корова успешно скрывалась и убегала от преследователей. В конце концов ее поймали. Во время перевозки у животного случился разрыв сердца». (по материалам анонимного репортажа, «Польска», 26 фев.)

Экономическая жизнь

Как сообщает Главное статистическое управление, столь значительного роста доходов-брутто средних и крупных фирм, как в 2017-м, не было в течение 6 лет: в прошлом году совокупные доходы фирм с числом работающих 50 и более человек превысили 2,8 млрд злотых, что на 9,3% больше, чем в 2016-м. Это самый большой рост с 2011 года. Проще всего было увеличивать доходы тем, кто вышел на зарубежные рынки, что было ожидаемо с учетом значительного роста экспорта в прошлом году. Денежные поступления росли быстрее номинального ВВП, — пишет в газете «Дзенник. Газета правна» Гжегож Малишевский, экономист банка «Millennium». Однако, как он полагает, не все в равной мере сумели воспользоваться конъюнктурой. Не все также оказались в состоянии сократить издержки, которые росли едва ли не в той же мере, как поступления от продаж. Все издержки возрастали равномерно: дорожало сырье, используемое в производстве, а в особенности строительные материалы, и к тому же повышалась оплата труда. В опубликованных данных официальной статистики обращает на себя внимание важная информация об увеличении инвестиционных расходов фирм. Причем не только общественный сектор наращивал капиталовложения в конце 2017 года, но и для частных фирм это было переломное время в темпе инвестирования.

Еще год назад часть фирм испытывала сомнения, принимать ли на работу сотрудника с Востока. Сегодня предприниматели уже задаются другим вопросом: как бы поскорее это осуществить? Рецепционисты, горничные, даже технические работники сейчас на вес золота, как официанты и бармены, — пишет на страницах газеты «Жечпосполита» Веслав Шлись, председатель правления отеля «Громада» в Кошалине. Вместе с другими отельерами из региона он задумывается над созданием агентства, которое занялось бы привлечением работников с Востока для потребностей гостиничного бизнеса, обеспечивая отелям непосредственный доступ к дефицитной рабочей силе. Отельеры опасаются, что в нынешнем сезоне с рабочими руками будет еще сложнее, поскольку украинцы получают возможность без виз путешествовать по всему Европейскому союзу. Да, конечно, пока только как туристы, в бизнес-целях, или чтобы навестить родню, но многих из них, безусловно, соблазнит работа «по-черному» на Западе, многократно лучше оплачиваемая, чем в Польше. В Германии,

Голландии или Испании украинцы, несомненно, выдают поляков или румын, нелегально устраивающихся на сезонные работы в сельском хозяйстве.

Соседи с Востока уже сегодня не в состоянии заполнить лакуны на польском рынке труда. Предприниматели все чаще привлекают работников из очень отдаленных стран — Непала, Индии, Бангладеш, Китая или Филиппин. В прошлом году бизнесмены подали в офисы департамента по труду свыше 1,8 млн заявлений о желании трудоустроить иностранцев. Среди разрешений на работу, выдаваемых воеводами, резко возросло число мест, в частности, для сварщиков, слесарей, электриков, каменщиков, обойщиков, швей, сотрудников в сфере ИТ и неквалифицированных работников. Почти все работодатели, которые обращаются в посреднические агентства с целью привлечь работников из дальних стран Азии, ранее принимали граждан Украины. Последние очень часто расценивали Польшу как этап для трудоустройства на Западе. Как пишет на страницах «Дзенника. Газеты правной» Магдалена Дерлач-Поплавская из посреднического агентства «Онтос», работники из Азии не столь мобильны, так что работодатели рассчитывают на стабильность их работы.

Желание быть ближе к семье, потеря работы или ухудшение материальной ситуации за границей — вот главные причины, которые до сих пор склоняли польских экономических эмигрантов вернуться на родину. Важный новый стимул возвращения — это привлекательная работа в Польше. Так утверждает в исследовании, проведенном фирмой «Around Brand Consulting», оказавшемся в распоряжении газеты «Жечпосполита». Почти две трети опрошенных указывают, что привлекательное предложение работы в Польше могло бы склонить их к быстрому возвращению в родную страну. На такие предложения польские эмигранты могут рассчитывать все чаще. Большую роль в привлечении поляков из-за границы может сыграть сектор современных бизнес-услуг. По оценке «Around Brand Consulting», работающим в этой области фирмам, принимая во внимание специфику организации трудового процесса — интернациональное окружение, упор на иностранные языки, культуру труда, а также возможности развития зачастую в рамках глобальных структур — есть что предложить полякам.

Как сообщает «Дзенник. Газета правна», эксперты из Института структурных исследований проверили, каким образом вели себя женщины на рынке труда перед принятием программы «500 плюс» и после ее введения. До начала 2016 года, когда дополнительная выплата в 500 злотых на ребенка еще не

осуществлялась, женщины на рынке труда вели себя одинаково, независимо от того, имели они детей или нет. Затем, когда программа начала действовать, показатель профессиональной активности матерей снизился. С середины 2016 года прекратили работать или, будучи безработными, перестали искать работу свыше 50 тыс. женщин. Последние исследования показывают, что этот побочный эффект программы «500 плюс» нарастает. Все больше матерей предпочитают не работать профессионально, получая пособие в 500 злотых. Наиболее пессимистичные прогнозы предусматривали, что выплата пособий на детей оставит дома до 200 тыс. женщин. Но этот сценарий не осуществился. Оказалось, что для части матерей пособие в 500 злотых не столь привлекательно, чтобы из-за него бросать работу. Дополнительные выплаты склоняют оставить работу преимущественно жительниц малых городов и женщин с низким образованием.

Е.Р.

Мой

Ломянки и окрестности

Каждое новое рождение мира нередко выглядит подобно. На сей раз я появился на свет в Раммельсберге^[1], под землей. Осязал холодную скалу. Когда вытаскивали ее наверх, по частям, вцепился в нее. Было темно, стоял грохот, точь-в-точь как позднее. Моему тогда было двадцать пять, он курил возле дома. Я его еще не знал.

Ровно триста километров я проехал на поезде через всю страну, которая показалась мне знакомой. Лежал на добытом свинце и сквозь крышу вагона разглядывал небо. Было тепло, красиво. Всю дорогу меня переполнял ритмичный, однообразный гул. В Хаген прибыли ночью. Мужчины матерились, кто-то мочился на стену вагона. Потом снова стало темно.

Свинец выгрузили в депо и меня вместе с ним. Там я оставался дней десять-двенадцать, пока мы не попали в цех. Грохот был посильнее, чем в поезде, но ритма в нем не чувствовалось. Я ходил среди рабочих, слушал, о чем говорят. Говорили о своих женах, детях, любовницах, о своем доме, болезнях и выпивке. Слегка отлынивали от работы. Некоторые заправлялись из фляжек.

Время от времени по цеху, заложив руки за спину, прохаживался толстобрюхий хозяин завода Гюнтер Квандт. Лысый, с гладким лицом. Когда он вот так прохаживался по цеху в своем темном костюме, живот у него трясся, как пузырь с водой. Многие побаивались Квандта.

Свинец стал уже другим. Красивым, закругленным. Патроны ползли по конвейеру. Я шагал рядом. Остальные тоже шагали, меня там было много. Мы не разговаривали между собой, да и о чем. Шагали, останавливались. Вслушивались в грохот машин и крики. У каждого был свой или своя, и только это его волновало. Мой в это время целовался с девушкой за костелом, он уже давно хотел с ней целоваться. Тонкая талия, на которую он положил ладони, волосы собраны сзади в хвостик, руки дрожат. Мой шепнул ей на ухо, что любит ее, хотя не любил. Прижался к ней и повторил. Надо было уходить, потому что все вышли из костела. И стояли возле старого Плевела, слушали, как он играл на флейте. Горбатый, весь перекошенный Плевел вилял задом в такт мелодии. Кто-то крикнул, что, мол, возле костела не пристало, кто-то еще бросил ему монету. По домам

расходились постепенно. Девушка побежала первой, Мой чуть попозже. Я его тогда не знал.

Через несколько дней в цеху завода «Аккумуляторен фабрик актингезелльшафт-Берлин-Хаген» я сжимал в руке патрон. Парабеллум, калибр девять миллиметров. Весил одиннадцать грамм и хорошо лежал в руке. Так и должно быть, чтоб хорошо лежал, они всегда хорошо лежат.

В это время Мой смотрелся в зеркало. Был довольно-таки красивый. Так о нем и говорили: довольно-таки красивый. Узкие губы, высокий лоб и волосы, как кусок угля. Умел играть на инструментах. На одной из трех фотографий, которые ему сделали за всю жизнь, он сжимает в руках поблескивающую трубу и выглядит так, будто боится, что, если выпустит ее, снимок не выйдет. Сфотографировался он тогда со своим двоюродным братом, сестрой и подружкой сестры. Девушки сидят на плетеном диванчике, а они стоят сзади, выпрямившись, напряженно. Двоюродный брат в мундире. Мой в белой рубашке и пиджаке. С трубой. Подбородок чуть приподнят, лицо серьезное. Смотрит в объектив этим своим чуточку печальным, чуточку безразличным взглядом.

На втором снимке он один. Слегка удивленный. Глаза будто расширены. Волосы зачесаны назад, галстук старательно завязан. Элегантный. Уже не парнишка, но еще и не мужчина. Серьезный, хотя сразу после вспышки прыснул смехом, почему? — сам не знает. Это 1934 год, я его тогда тоже не знал. Третий снимок мне всегда нравился больше всего. Мой с сестрой Иренкой. Она смеющаяся, будто кокетничает с фотографом, но только самую малость, чтоб того не обнадеживать. Он в тяжелой шинели образца 1936 года и в великоватой конфедератке. На сей раз веселый. Не похож на себя с двух предыдущих фотографий, наверно, из-за этой фуражки. Он выше сестры, но все равно удивительно маленький. Наш маленький солдатик — так простилась с ним мать, когда он в последний раз выходил из дому в Квилине. Три фотографии за всю жизнь. В семье их так часто рассматривали, что уголки пообтрепались и обмякли. Ту, на которой он один, Иренка вставила в рамку и держала в шкафу, на полочке с украшениями. Никогда не повесила на стене, на стену ведь вешают фотографии умерших, а он, наверно, жив, надо только подождать, когда вернется. Иногда она вынимала фото и протирала тряпочкой, а в праздник или в его день рождения ставила на стол, чтоб рассказать, что нового в Квилине. Следила, чтоб при нем не расплакаться.

Я думал об этих фотографиях, когда грузили боеприпасы (и меня вместе с ними) на тяжелый гусеничный «Ланд-Вассер-Шлеппер»^[2], по форме напоминающий мыльницу. На палубе, возле абордажной лестницы, которая так никогда и не

пригодилась, сидел рыжий немец со щенком на коленях. Щенок попискивал и вжимался в теплый мундир.

Патрон, который я стискивал в ладони, вместе с девятнадцатью другими лежал в картонной пачке. Двадцать три такие пачки вложили в оцинкованный жестяной короб. Два короба закрыли в деревянном ящике с боковым обозначением. Калибр, форма патрона, символ металла, число патронов в ящике, номер партии, производитель, месяц и год продукции, марка пороха. Все было ясно, но меня это мало интересовало. По разбитой дороге мы ехали на склад, порядочно трясло. Всеми мною. Каждый я сжимал в руке патрон. Некоторые патроны лежали свободно — это те, которые вы позднее выковырнете из стен и осторожно положите под стекло в музеях или спрячете в буфете и, как сокровища, будете показывать внукам. Это те, которые ничего не меняют. Добрались. Пахло табаком и тавотом. Утро позолотило верхушки елей, стоящих по стойке смирно за оградой. Мужчины были молоды, двигались проворно. В разговорах о том, что, мол, сегодняшний завтрак был отвратительный, выгрузили все на слегка заржавевшую тележку. Ящики положили на деревянные брусья, чтоб не отсырели. Невидимые, мы стояли рядом. Никто не обмолвился ни словом. Мой спал далеко отсюда, в Квилине, под тяжелой периной, в толстых кальсонах и старой рубашке, с открытым ртом, поджав к животу ноги. Муха пролетела надо лбом, он прогнал ее спросонья и, охнув, повернулся на другой бок. Тело было горячим, ему снилась война, на которую он должен был вскоре пойти. Он бегал по безымянному полю и стрелял в безымянных людей, к чему приглядывались стоящие в рощице девчата, а среди них та, с которой он не так давно целовался за костелом. Разбудили его звуки флейты. Где-то за окнами, как всегда серединой поля шел Плевел. Медленно, плетясь нога за ногу. Играл он громко, должно быть дул изо всех сил. Мой никогда не знал, нравится ему музыка Плевела или раздражает. Она, наверно, отличалась от той, какую он играл сам. У Плевела мелодия была одна-единственная и непрерывная, без начала и конца, будто он дышал через свою флейту, будто боялся оторвать от нее губы. Мой протер глаза и засопел, а потом поднял голову, прикидывая, это уже сегодня или еще нет. Мысли только начинали приобретать формы, все в нем было разоспавшимся, но в конце концов он посчитал: нет, не сегодня. Завтра. На завтра он пошел на войну, в чем не было ничего особенного, ведь многие шли, и, все-таки, было в этом нечто особенное, потому что пошел он. Взяли его в Четырнадцатый полк пехоты Земли Куявской, а он не знал, хорошо это или плохо. Да и

вообще, он тогда мало что знал. Месяцем раньше Католическое общество молодежи обоого пола в Бычине подарило ему дневничок, в который приятели и подружки вписали свои напутствия, афоризмы и стихи. Уходя в армию, Мой оставил этот дневничок дома, и в первое время сестра записывала в нем свои пожелания или рисовала саму себя с посвящением «для нашего маленького солдатики», пока вместе с другими вещами не отнесла его на чердак и забыла о нем, как забывают о таких дневничках. Он лежал и желтел в сундуке, который открыли спустя долгое время, когда семья обратилась в Красный Крест с просьбой найти без вести пропавшего. Сестра и мать думали, что, может, что-то найдут в дневничке, но, кроме записей от знакомых, обнаружили лишь рисунок трубы, сделанный рукой Моего на последней странице.

Спустя шесть недель после того, как Мой покинул дом, он вновь посетил Квильно. Отец, мать, Иренка и маленький Витусь с этой своей смешной шишкой на голове увидели, как он бодро шагает по дороге. Бежали к нему с поля. У Моего были впавшие щеки и вши по всему телу. Улыбаясь, он сказал, что все в порядке. Что полк направляется из Быдгощи во Влоцлавек, вот я и подумал, зайду-ка. На вопрос матери, хорошо ли его кормят, он только рассмеялся и пожал плечами.

Когда Витусь и родители спали, Ирена подошла к его кровати и схватила за руку.

— Не ходи, — попросила она. — Зачем еще ходить?

В полумраке Мой без слова взглянул на нее. Она слышала его дыхание и тиканье часов.

— Останься, идет война, не найдут тебя, — говорила сестра. — А так — еще не известно. Слышал, что стало с близнецами из Осенцина? Не ходи.

Он погладил ее по голове и улыбнулся, как на фотографии. На другой день попрощался со всеми и пошел.

Возможности поучаствовать в боях ему особо не представилось.

Он шагал вместе с другими в этих своих ботинках, которые страшно жали и которые он проклинал каждое утро, когда протыкал волдыри на ступнях. Двадцатого сентября солдаты рассыпались у деревни Старые Буды. Часть из них искала переправу через Бзуру. Ночью несколько человек перешли реку, и, оказавшись на другом берегу, слышали рев голосов, а спустя несколько часов были уже в плену. Остальные разбежались по Кампиносской пуще. Мой сидел с товарищем под деревом.

Курили и не знали, что делать. Пошли куда глаза глядят и в конечном счете нашли своих. Сколотили отряд, командование принял майор Кунда, потому что никто другой не хотел.

Собирались выдвинуться на Варшаву, но потом решили идти в направлении Модлина. Я в это время сжимал в руке ствол винтовки.

Прояснилось, я видел птицы, дрейфующие где-то высоко в небе, подвешенном над нашими головами. Видел пот на лице немецкого паренька, который совсем не хотел тут быть, но был, потому что так распорядился случай, слепой жребий и отец. Те же из Модлина, наконец-то, направились в сторону столицы. Уставшие, невыспавшиеся, один с расстройством желудка. В Ломянках, выскочив из леса, немцы, как злые духи, набросились на них. И я вместе с ними. Гремело страшно, а потом смолкло, от выстрелов все аж тряслось, но никто не отзывался, лишь немногие кричали. Передергивали затвор, бегали.

Оружие выскальзывало у мужчин из рук, они опускались на колени и ложились на землю, мгновенно замирая, будто это игра такая, будто через секунду они должны будут встать и спросить: ну, и кто выиграл?

Мой стоял на полусогнутых и разбегающимся взглядом таращился то вправо, то влево, изумляясь, что война — это действительно война, а не слезы в глазах матери, поцелуи перевозбужденных девчат и похлопывание дружков по спине. Он увидел лицо товарища, вместе с которым еще несколько часов назад курил, подумывая, где они сегодня будут ночевать. Оно было изуродовано, после того как граната отбросила парня, ударив о толстое дерево. Череп оказался мягким и пластичным, и все теперь было вдавлено внутрь. Один глаз вытек, носа он вообще не разглядел. В широко открытом рту — люди так широко рот не открывают, повторял он себе — виднелся язык, а на нем блестели выбитые зубы.

Мой стоял, не шелохнувшись, и глядел на это лицо, которое уже не было лицом, а я бежал в его сторону с нашей пулей в руке. Он не видел меня, как не видел и молодого, рыжего перепуганного немца, который выстрелил в него, а потом тихо выругался, потому что попал ногой в кротовину.

За секунду до того, как я добежал до него, он обернулся в недоумении и хотел было открыть рот, чтоб сказать то, что говорят в таких случаях: «О, Боже!», «Нет!» или «Блин!», но не открыл, не успел, только глаза у него чуточку изменились, будто кто-то изнутри дотронулся до них пальцем.

Я приложил ладонь с пулей к его щеке и обнял моего маленького солдатика, моего Тадеуша Маркевича, с которым, наконец-то, познакомился, которого ощущал всем своим телом, который становился все легче, будто ускользал от меня сквозь пальцы. Он упал на спину, на поросшую сорняками землю. И глядел на меня удивленно, как и все они. Он уже знал, кто я такой, потому что он уже знал все.

Знал, что умру я вместе с ним на этом поле в Ломянках, чтобы тут же заново родиться, на сей раз на кирпичном заводе в Пустельнике под Варшавой, чтобы познакомиться с Моей,

чтобы обрушиться на нее в ночи, в дождь, вместе со стеной дома, а потом возродиться вновь и вновь. Мой сглотнул слюну, видимо, ему было больно. Размозженный нос и широкая дыра в щеке. Кровь тонкой струйкой вытекала из уха. Он лежал, не шевелясь, рядом с винтовкой, волосы приклеились ко лбу. Мой. Пока еще живой. С пробитой головой. Я смотрел ему в глаза, потому что так надо. Выглядели они почти так, как на той фотографии, где Мой запечатлен один. Будто через минуту, сразу же после вспышки он прыснет смехом.

Дорога

Квильно и окрестности

Читает по прямым, их, кажется, больше всего. Читает по кривым. По исчезающим и тем, резко оборвавшимся. По коротким, динамичным. И по длинным, подходящим к самому ограждению — эти она особенно любит. Дают массу возможностей.

Первое, о чем она думает: кричали ли они. Потом наклоняется и скребет пальцем. Иногда под ногтем остается черный кусочек шины — все зависит от того, сколько прошло времени. Обычно не так много, ведь все старые она помнит.

Смотрит на эти черные следы и досказывает историю поездки, о которой ничего не знает. Иногда представляет себе, что все хорошо кончается. Что машина начинает вращаться волчком и застывает на обочине. Люди плачут, выходят, вытаскивают из нее детей, а потом обнимаются. Смеются, трясаясь на холоде. Потом оставшуюся часть жизни будут отсчитывать с этого момента.

Бывает и так, что машина переворачивается (это те, кривые) или встает поперек дороги. Водитель мчащегося навстречу грузовика не успевает вжать тормоз, и машина из соседнего ряда кувyrкается в воздухе. Люди вываливаются через окна, свисают в объятиях ремней.

Таких случаев масса, но иногда ей удается придумать что-то новенькое. И хотя искушение огромно, она не всегда всех их убивает. Тяжело смотреть на следы и хорошо закончить историю. Боже, я просто уверена, если б ты существовал, ты бы всех нас поубивал в ту же секунду, — мысленно говорит она сама себе.

Бывает, что целыми месяцами не появляется ничего нового. Старые следы постепенно смывает дождь. Евгения не раз думает о тех, что исчезают быстрее всего.

* * *

После утреннего обхода она возвращается домой и выпивает стакан молока. Может, от этого так толстеет, всю жизнь толстела, хотя почти ничего не ест. Еще немного поразмышляет о дорожных происшествиях, которых никогда не было, то есть они были, но другие, а потом готовится к обходу послеобеденному. Она уже знает, куда пойдет и сколько времени займет работа. Иногда берет с собой зонтик. Прочный мешок лежит в кармане, нашитом сбоку юбки.

Она закрывает дом на ключ и подходит к колодцу. Держась за бортик, осторожно наклоняется вниз.

— До свидания! — кричит.

— До свидания, — вежливо отвечает ей темное отражение головы в зеркале воды.

Еще она бросает взгляд на небольшой огород, решая, как все запланировать по возвращении.

И в путь.

* * *

Ежи, кошки, лисы. Иногда косуля. Но чаще всего собаки. Как-то раз был кабан, довольно-таки большой, она волокла его по земле.

Обычно работы много, хоть случается, что три дня подряд возвращается ни с чем. Спокойнее чаще всего бывает в воскресное утро. А иногда и в праздники.

Подниматься на насыпь все труднее, болят ноги и поясница. Совсем недавно сверзилась почти с самого верха. После дождя дело было, поскользнулась — и вот, пожалуйста! Боже, если бы ты существовал, умер бы со смеху, глядя на свою овечку, — рассуждала она, лежа в грязи с задранной юбкой.

Зовут ее Евгения Матушак. В молодости она постоянно слышала, мол, выглядит шикарно. Попочка, бюстик — все на экспорт.

— Геня, тебе бы в фильмах играть или песенки петь где-нибудь в Варшаве! — говорили соседи.

Возвращаясь с очередным бедолагой в мешке, она приходит к выводу, что все-таки жизнь глупая шутка.

* * *

Ее огород — это, может, от силы четыре сотки. Окружен деревянным забором с подгнившим штакетником, держится на честном слове. Везде полно травы и сорняков, когда-то она вырывала, пропалывала, теперь сил на это становится все меньше. Когда-то она делала кресты из палочек, когда-то у нее

еще были какие-то сомнения. Потом все эти кресты она поковыривала из земли и сожгла в печке.

Огород она заполняет, начиная с левого угла дома. И перемещается все время вправо в сторону забора. Она уже заполнила больше половины. Боится, что когда-нибудь не хватит места и придется хоронить зверей со стороны двора, чего бы ей не хотелось, потому что, как она считает, мало приятно лежать под землей, а тем более лежать со стороны двора.

* * *

В Квильне ее называют Святая Евгения. Раньше она думала, что это из-за того, что ухаживала за старой Богной, которая только и знала, что рассказывала про святых и дьяволов. Богна, когда еще могла ходить, каждый день бегала на кладбище, на могилу своего старого дружка, только уже не помнила, где он лежит.

— Плевел, нигде не могу тебя найти, — говорила она себе ночью, а то и днем.

Позднее ходить уже не могла, и Евгения присматривала за ней, вот и думала, что из-за этого. Что, мол, жертвует собой ради чужого человека. Святая Евгения. Однако, скорее всего дело было в зверье.

Для ребят, что толкуются возле магазина, это сплошное развлечение. Кричат ей вслед, подсмеиваются. Евгения улыбается, иногда машет. Но ни разу не обменялась с ними ни словом.

* * *

Вечером, когда уже все сделано, она читает найденные газеты или — чаще всего зимой, когда жалко свечи — лежит в кровати и впотьмах придумывает имена для последних принесенных животных. Каждое получает свое имя, и пока что она ни разу не повторилась, хотя становится все труднее. Уже использовала всех Бальтазаров, Кшесимиров и Зороастров. Одного из последних назвала Боживуем. Это был маленький ежик. Потом ей не раз казалось, что Боживуй для ежика — не совсем то. Но, по крайней мере, имена не повторяются, а это для нее самое главное.

* * *

Иногда она просыпается в ночи и вслух повторяет себе, что не всегда жила одна. Не всегда была Святой Евгенией и не всегда у

нее был такой огород.

Теперь она просыпается чаще прежнего. Зато память становится хуже. Ехали они из Иновроцлава, Адаś поступил в очень хороший лицей. Они легкомысленно пообещали ему, что купят компьютер. Не верили, что поступит, а он поступил, а у них на компьютер денег не было, да и вообще не было.

И она начала его осторожно подготавливать, мол, скорее всего, он этот компьютер не получит, а он сразу все понял — вот тебе и наосторожничала.

— Обещали, — повторял мальчик раз за разом. — Обещали.

— Адаś, пойми...

Впереди идущую машину занесло вправо, и она врезалась в дерево. Отскочила, перевернулась. Звук такой, будто в голове что-то взорвалось.

Времени, чтоб увернуться, чтоб что-то сделать, не оказалось совсем. Только кювет и темнота.

Потом уже была только Святая Евгения — кем еще можно быть после такого звука, такого кювета и такой темноты?

* * *

Страшненькая была. Рыжая и вылинявшая. Что-то у нее с одним глазом было, постоянно гноился.

Евгения называла ее Рыжухой, да и то не всегда. Иногда звала просто: «Эй». Сучка реагировала на каждое имя, можно было крикнуть, например, «Щецин» или «варенье» — ей без разницы. Чутьочку глуповата, но Евгения ее любила.

Рыжуха ходила за ней повсюду, хотя редко получала что-нибудь съестное. Спустя какое-то время Евгения стала кормить ее регулярно — знала, что та не отвяжется, что будет сопровождать ее теперь всегда.

Уже тогда Евгения ходила на дорогу. Сначала рассматривала только те следы, что оставила их машина. Придумала десяток разных способов, как выйти из этого живым и невредимым, выйти всем, а не только ей. В машине, которая ехала перед ними и врезалась в дерево, находилось два человека. Оба остались живы. Женщина вышла фактически в целости и сохранности, мужчину парализовало. Евгения тогда о них очень много думала и каждый день молила Бога, чтоб отдал ей Адаśа и Януша. Мечтала о том, чтоб они все-таки остались живы, пусть даже парализованы. Чтоб у нее были хоть такие. Потом и дальше ходила. Видела другие следы, и как-то сами по себе приходили мысли. Теперь она бы уже не смогла равнодушно пройти мимо следа шины на асфальте, обратить на них внимание стало рефлексом. Это как беременная женщина, которая видит одних беременных. И уже не может

перестать их видеть. А она не может перестать видеть следы. Так она ходила раз в неделю, а то и два. Как-то вечером Рыжуха увидела птичку, птичка летела низко, Рыжуха залаяла и бросилась за ней, налетела машина, даже остановилась. Вышел молодой человек в очках, был очень взволнован. Извинялся, удивился, что она на обочине с собакой. Она забрала Рыжуху, на руках отнесла домой и закопала в огороде. Та была первой. Вторым был кот, которого спустя несколько дней Евгения нашла на том же месте. Черный с белой полоской на спине. Его так расплющило, что она не могла на это смотреть. Назвала его Веславом, даже не знает, почему. Потом начала ходить каждый день.

* * *

— Хорошо, что вы у меня есть, — говорит она иногда, садясь на прогнившую лавочку. — Только вы меня понимаете. Она все чаще не выходит на дорогу: устала, ноги пухнут. Каждый вечер солнце долго стоит над горизонтом, будто не может решиться: заходить или нет. Где-то в кустах ветер шелестит старыми читанными-перечитанными газетами. Евгения сидит с закрытыми глазами и слушает. У нее скоплено четыреста злотых. Когда почувствует себя плохо, но так, по-настоящему плохо, тогда пойдет к парням возле магазина и скажет, что ей от них нужно. Лопата есть, новенькая. За четыреста злотых сделают, глазом не моргнут. Лишь бы ей места хватило, только об этом она беспокоится. Мало приятного лежать под землей, а тем более лежать со стороны двора.

Визит

Варшава и окрестности

Среда, начало октября. Темно. Анджей встает, кривится от боли. Массирует коленку. Хромая, идет босым на кухню. Булькает кипяток, из радио сочится бархатный голос ведущего, фамилию его он не помнит, потом что-то говорят о погоде, день обещает быть хорошим. Анджей слушает, режет ржаную булочку, вынимает сосиски. Вода кипит, а колено болеть не перестает. Он пытается вспомнить, не ел ли он случайно сосисок вчера, но вчера исчезает в его голове так же, как уже исчезла масса дней. Может, и ел, неважно. Эти сегодняшние он будет помнить. Сначала таблетки: не две, а четыре, хоть врач предупреждал: побочное действие, галлюцинации могут появиться,

головокружения, но две не помогают, никогда не помогали, поэтому четыре. На минуту он застывает над упаковкой, потом проглатывает еще одну, неважно, ничего не случится, и так ведь об этом сразу забудет. Потом садится за стол, по привычке начинает молиться, вдруг перестает. Осторожно берет в рот кусочек сосиски, а я отвожу взгляд. На сей раз меня двое. Первый я, со шрамом на лбу, спускается с трансформаторной будки и шепчет второму, ожидающему, с руками в карманах старой фуфайки.

— Жрет.

Второй кивает бритой головой. Мы смотрим друг на друга, я Первый и я Второй, потом идем вдоль жилого дома, не торопясь. Нам некуда торопиться.

Четыре метра далее Анджей сжимает артритичные пальцы на держателе, в котором стоит его любимая белая кружка с большим ушком. Подносит к лицу этот подарок дочери, вдыхает аромат зеленого чая, тихо отхлебывает, щурит глаза. Хороший.

После завтрака поднимается, кряхтя, опираясь на стол, смотрит в окно. Взял он таблетки или не взял? Открывает упаковку, пересчитывает, но результат ни о чем ему не говорит.

Проклинает себя, закрывает упаковку, поворачивается к умывальнику. Протягивает руку к моющему средству для посуды и тут же ее отдергивает.

Кто-то стучит в дверь.

Анджей бледнеет, перед глазами встают сцены из «Уголовной хроники», он смотрел почти все выпуски, значит, кражи, избиения, увечья, убийства. Нет, Анджей не откроет, дверь будет закрыта, он до нее не дотронется, зато дрожат плечи под черной, усеянной перхотью, рубашкой поло.

Не откроет.

Быстро в комнату! Кресло с мягкой спинкой и пушистыми подлокотниками заключает его тело в объятия. Кресло уютное, чувствуешь себя тут в безопасности. Снова стук, на этот раз сильнее, громче, нетерпеливей. Воры или убийцы, это наверняка воры или убийцы, столько раз показывали по ящику, столько раз он обещал себе купить новые замки, хорошие, надежные, от воров и убийц. Он представлял себе этот момент. Дыши, дыши ровней, говорит он себе. Дышит.

А, может, не убийцы? Наверно, почтальон или разносчик рекламы. Соседка? Сосед? Может, дворник? Убийцы в это время не ходят.

Он встает, придерживаясь за дверной косяк, потому что голова кружится, потому что вся комната плывет. Взял он эти таблетки или не взял? Кажется, взял. Идет. Открывает. Бело-золотистый шар света в дверях растет, в нем проступают

лица, Анджей чувствует, как дрожат у него колени, все-таки дрожат, какой стыд. Ни почтальона, ни соседки за дверью нет.

— Первый, — говорит один из них.

— Второй, — представляется его товарищ.

— Слушаю, — это его голос.

— А вы нам не представитесь?

— Слушаю вас. — Дверная ручка выскальзывает из рук. Анджей откашливается, тяжело дышит и произносит: — Я? Анджей.

— Пан Анджей, вы ведь знали, что мы придем.

Это их он всегда боялся, таких, как они. Таких, что в подворотне стоят. Таких, что пристают возле магазина. Но этих он никогда не видел. С этими что-то не так. Их тут не должно быть.

Первый входит в комнату.

— Закройте за нами.

Анджей тяжело дышит, голова опадает, что-то тут не так, а вообще, стучался кто-то или ему послышалось? Он мыл посуду или сидел в кресле? Таблетки взял? Понятия не имеет. Эти двое стоят, молча смотрят на него, все, как в фильме из ящика, или как в театре, в такие вещи Анджей не верит.

ПЕРВЫЙ

Заварите нам чаю.

АНДЖЕЙ

Вам с сахаром?

ВТОРОЙ

Нет, мы без сахара. А вы садитесь. Вот сюда.

ПЕРВЫЙ

Вы помните тот вечер, правда?

ВТОРОЙ

Помнит, помнит.

ПЕРВЫЙ

Вы боитесь?

АНДЖЕЙ

Я взял таблетки? Боже мой, я умру сегодня, правда?

ВТОРОЙ

Зависит.

АНДЖЕЙ

От чего? И почему вы лежите на ковре? Не удобнее было бы ... есть же диван, можно сесть...

ПЕРВЫЙ

Все нормально. Вы меняете тему, не стоит. Расскажите о том вечере, ну, вы знаете, о каком. Начинайте, пожалуйста.

АНДЖЕЙ

Это обязательно?

ВТОРОЙ

(вытаскивая из кармана фуфайки косяк, такой, какой курят возле магазина, в переходе, на остановке, всегда, когда он там

проходит)

Да, обязательно.

АНДЖЕЙ

Мне тогда было тридцать два года...

ПЕРВЫЙ

Тридцать один.

АНДЖЕЙ

Возможно. Да, мне тогда был тридцать один год. Мы с ребятами, с Миреком и Липким, работали на стройке, по тринадцать часов в сутки, дождь лил, не переставая, и от ношения кирпичей кожа слезала с рук. Однажды вечером, мы, как обычно, пошли... но это обязательно?

ВТОРОЙ

(прикуривая косяк)

Да, обязательно.

АНДЖЕЙ

Мы пошли развлекаться в депо, в Квильне, как в каждое воскресенье. Эту девчонку я увидел, когда мы уже выходили. Пьяный был, ребята тоже. Снасильничали мы ее на стогу, возле дома, в котором еще горели свечи, потом оказалось, что это ее родной дом был. Когда силы вернулись, мы еще по разу, хотя уже тогда я как бы трезвел и мне как бы меньше хотелось. Боже... мужики, я действительно...

ПЕРВЫЙ

Что, действительно?

АНДЖЕЙ

Я действительно неплохой человек, я всю жизнь был порядочным, не грубым, каждый подтвердит, а тогда — не знаю, пьянство, безумие какое-то. Будто кто-то меня заставил, толкал туда.

ПЕРВЫЙ

Продолжайте.

АНДЖЕЙ

Девчонка эта, она повесилась. Возле стога высокий тополь рос. На ветке качели, простые такие, бревно на веревках, садишься на него верхом, у нас, в Скибине, тоже такие когда-то были. И на тех качелях. Наверно, влезла на стог, обмотала веревку вокруг шеи... Мы тогда шли к Липкому на вино, к его родителям, он говорил, что еще не совсем созрело, но пить можно. И мы пили, в молчании, нам вообще уже тогда было не до веселья, хотя еще никто не знал... Господи Иисусе Христе. Потом говорили, что она была страшно влюблена в какого-то парня, он на войну пошел, Тадеушем звали, и что люди не раз видели, как она с ним после литургии за костелом целовалась и ждала его, потому что верила, что он вернется с войны, хотя уже столько лет прошло, но... Может, если б он, этот Тадеуш, не погиб, то б и мы не... Блин, Господи Иисусе Христе. Я бы все,

чтоб только... Мужики, что теперь?

(Анджей подносит кулак ко рту и кусает его вставной челюстью, по руке расходится боль).

Нет, никакой это не театр... все происходит на самом деле.

Ответа он не слышит, зато встает Второй. Угловатая фигура возвышается над ним, съезжившимся.

— Убейте меня, и пусть уже все закончится, — просит Анджей.

— Ха! — взрывается Первый, в огромном капюшоне, посреди комнаты, лицо кривится в усмешке. — Каждый бы так хотел. Второй трет языком зубы, Анджей это слышит: это как ногтем по дереву.

Взял он эти таблетки? Тяжело дышит.

Второй поднимает глаза, долго молчит.

— Ясно, — отзывается наконец. — Каждый бы так хотел.

— А что бы вы, пан Анджей, сделали сейчас, когда уже все знаете? Что бы вы сделали, появись вы там снова? Как бы повернув время вспять? — Первый прикуривает погасший косяк и вставляет его в зубы.

— Я бы этого не сделал.

— Я спрашиваю, — он задерживает дым в легких и выпускает его понемногу, через нос, двумя струйками, — что бы вы сделали, а не чего бы вы не сделали.

Анджей отнимает руки от лица и смотрит прямо перед собой.

Он вываливается из гудящего депо. Вино парит над головой, ударяется об стену и превращается в кляксу. Клякса напоминает Анджею девушку. Девушка возникает из напряженного пространства так, будто умеет проникать через оболочку воздушного шарика. В платице, в красных туфлях. Высовывать носа не хочет, она тут одна, осматривается, поеживается.

Похотливый взгляд Липкого пожирает ее, срывает одежду, прижимает к стене. Анджей подбегает, хватая ее за руку, идем. Пойдешь домой.

— Ах вот как, думаешь, ты бы спас ее, — задумчиво цедит Первый, после чего он и Анджей переводят взгляд на Второго, который уже приклеился языком к столешнице старого буфета. Первое движение ленивое, вялое. Дальнейшие — все быстрее. Рука Второго поправляет спадающий на лицо капюшон, а язык продолжает лизать.

— Что он делает? Что ты дела..., — Анджей смотрит на шероховатый язык, на буфет и на дыры в нем. Через них просвечивают обои.

Он подтягивает ноги к подбородку, обнимает их.

— О, блин, твою мать, Иисусе Христе, мужики, я взял таблетки? Слышит тихий треск коленных суставов. Это Первый встал, идет в сторону Второго, идет медленно. Вот уже оба наклоняются, слизывают все, что у него еще не отобрано:

буфет, ковер, обои и фотографию Агатки, вчера, позавчера, детство, фамилию, адрес и то слово, которое говорят, когда уже перебор.

— Кончайте уже, — говорит он наконец.

Взгляд Первого отрывается от пола, перемещается по комнате и останавливается на фигуре Анджея.

— Что?

Анджей тяжело дышит, закрывает глаза и дышит, однако, есть еще что-то, за что он держится.

— Вы были у Липкого. У Мирека. Их уже давно нет в живых.

Липкий умер от инфаркта, Мирек — от рака. Ну, ладно, мужики, кончайте уже, кончайте с этим.

Лицо Второго постепенно искривляется.

— Вы действительно так считаете? — говорит он, поглядывая на Анджея. Он тяжело опирается на полку с фотографиями и со склеенной бээфом вазочкой-памяткой. Тяжело вздыхает и добавляет: — Они были не наши.

— Наш — только вы, — добавляет Первый.

А потом лижут дальше. Все больше обоев видно за мебелью, мебели уже почти не осталось, языки работают ритмично, шорк-шорк, а под узорчатой бумагой что-то вздувается, обои набухают, слышен треск, трещина бежит сверху через всю стену, наискось. Под всем этим что-то есть, что-то, что ждало его с самого начала, теперь он уже знает, уже припоминает. Анджей хочет спросить, что это такое. Но сидит неподвижно и не спрашивает.

Первый уже вскрывает пол. Под панелями блестит смятая трава. Между стеблями травы темное стекло от разбитой только что бутылки. Анджей не хочет этого видеть.

— Убейте меня уже, всеми святыми заклинаю, — шепчет он, подходя к Первому. Коленка ноет, но уже меньше, и все остальное тоже меньше болит. Выпрямляются пальцы.

— Вы уже знаете, что это так не работает.

Анджей поворачивается — глаза видят лучше, и тело стало подвижнее — поворачивается и идет к дверям, как всегда хочет бежать и как всегда не бежит, поскольку дверей уже нет, нет квартиры. Неоткуда убежать.

Наконец, обои набухают и разрываются. Слышно музыку.

Анджей хорошо ее знает, не раз слушал. Теперь он все припоминает: и ту ночь, и как приходили к нему эти двое.

Я поднимаю обе свои головы. Прячу языки в рот. Комнаты уже нет, есть депо, есть музыка, шум в голове, есть также стена и пятно от вина.

Анджей пьян и хочет девушку.

— Я спрашиваю, — слышит он далекий, приглушенный голос Первого, — что бы вы сделали, а не чего бы вы не сделали.

Девушка возникает из напряженного пространства так, будто

умеет проникать через оболочку воздушного шарика. В платице, в красных туфлях. Высовывать носа не хочет, она тут одна, осматривается, поеживается.

Похотливый взгляд Липкого пожирает ее, срывает одежду, прижимает к стене. Анждею тридцать два... нет, тридцать один год, и он с ребятами, Миреком и Липким, работает на стройке, по тринадцать часов в сутки, без конца льет дождь, и от ношения кирпичей у Анджея слезает кожа с рук.

Он стоит перед входом в депо и смотрит на девушку. Волосы в хвостик и маленькое веснушчатое личико, по нему трудно сказать, сколько ей лет. Двадцать? Тридцать? Худенькая, на трезвую голову была бы слишком худа, но сейчас голова нетрезвая, сейчас все равно, как всегда в субботу, Анджей продолжает смотреть. Мирек толкает его локтем.

— Ничего из себя, — его слова смешаны с дымом и алкоголем. В голове у Анджея все кружится, кажется, что сейчас случится что-то важное, что он не в первый раз стоит возле депо и смотрит на эту девушку. Такие мысли приходят человеку в голову по-пьяному, но приходят и другие, и на этих других он сосредотачивается.

Вот они двинулись, все вместе, Липкий впереди, руки уже в карманах, он будет наглый и вульгарный, захочет застигнуть ее врасплох, этого попавшего в ловушку худенького испуганного зверька.

Анджей думает: может, подбежать к девушке первым, схватить ее за руку, налететь на нее первым, потому что первый — это все-таки первый. Сказал бы ей, мол, красивая и не пошла бы с ним, с ними, прогуляться, тут ведь шумно, это не место для них.

Мог бы подбежать, схватить за руку и спросить, что она тут делает одна, какого черта пришла, это не место для нее.

Мог бы подбежать, схватить за руку и сказать, чтоб катилась отсюда, потому что он — не человек, в таком состоянии никто не человек, а Мирек и Липкий — уж наверняка, а потому пусть валит к себе домой и хорошенько запрет дверь.

Мог бы даже подбежать, схватить за руку и предложить проводить ее до этого чертова ее дома, только проводить, ничего больше, ей богу, потому что тут нет ничего хорошего для нее, только наоборот.

Вот он идет и все еще не знает, что сделает, идет за Липким и Миреком, идет медленно, а чувство, что это уже случилось, снова наваливается на него, и в голове звучат неразборчиво слова «...я спрашиваю...» и «... что бы вы сделали...», и тут же голос Липкого, обещание, что сегодня забава будет, как никогда, что предыдущие субботы не в счет, у каждого может случиться осечка, впрочем, и девушек было мало. В голове все шумит. Музыка гудит. Девушка смотрит на них, на него, и

улыбается, чуть-чуть несмело, чуть-чуть растерянно. Анджей встряхивается, перестает слушать голоса в голове. Улыбается. Идет быстрее. Подбегает к девушке и хватает ее за руку.

Рассказ из книги «Следы»

Перевод Ольги Лободзинской

Якуб Малецкий (родился в 1982 г.) – польский писатель, работающий в жанре научной фантастики и социально-психологической прозы. Книга „Следы” (издательство „Sine Qua Non”, 2016) номинировалась на литературную премию „Нике”.

1. Раммельсберг — гора в Нижней Саксонии, где разработка богатых металлами рудников (серебро, медь, свинец) велась еще более 1000 лет назад. — Здесь и далее примеч. пер.
2. Немецкий транспортный тягач-амфибия времен Второй мировой войны.

Выписки из культурной периодики

В статье под заголовком «Марты», опубликованной на страницах «Политики» (№ 10/2018), Марцин Колодзейчик делится воспоминаниями участника и свидетеля событий, связанных со студенческим бунтом в Польше 50 лет назад. Этот бунт, если быть точным, начался с демонстрации после того, как цензура сняла со сцены «Дзяды» Мицкевича в постановке Казимежа Деймека — спектакль, подготовленный, между прочим, в рамках празднования... пятидесятилетия Октябрьской революции: «Последнее представление «Дзядов» давали в театре «Народовы» 30 января 1968 года. Сразу же после спектакля началась студенческая демонстрация — «Независимость без цензуры», «Хотим культуру без цензуры». Протесты организовали так называемые командосы — группа студентов, в которую входили, в частности, Адам Михник, Яцек Куронь, Генрик Шляйфер, Барбара Торунчик, Северин Блюмштайн, Ян Литынский, Александр Перский. Группа известна была тем, что неожиданно появлялась на университетских торжествах и конференциях, чтобы, вызвав открытую дискуссию, обнажать ложь и несостоятельность официальной партийной пропаганды. Милиция разогнала манифестантов, избивала дубинками, 35 человек арестовали».

Я принимал участие в этой демонстрации. А несколько дней назад встретился, спустя 50 лет, с приехавшим из Нью-Йорка другом, отсидевшим после манифестации, как и я, два месяца. Сегодня он — профессор физики. Мы много рассуждали о наших собственных судьбах и судьбах наших товарищей. Если бы нам тогда кто-то сказал, кем через полвека станет Адам Михник, сегодня шеф «Газеты выборчей», или Барбара Торунчик, выпускающая свой ежеквартальный журнал «Зешиты литерацке», не говоря уже о собственных наших жизненных путях, то мы не только бы ему не поверили, но даже, возможно, сочли опасным безумцем или провокатором, а вероятно, сатириком со слишком сильным воображением. Причем одни продолжали свои поиски той самой «независимости без цензуры» в условиях «реального социализма», укрепленного всего через несколько месяцев вторжением войск Варшавского пакта в Чехословакию и подавлением «Пражской весны», другие — в эмиграции, в

которую их вытолкнуло антисемитское воинство. Так или иначе, но тогдашние демонстрации были тем, что сформировало позиции нашего поколения как формации. Но также и самим фактом наглядно показало ложность вбиваемого нам в те времена в сознание чело­веко­нена­вист­ни­че­ско­го тезиса о существовании неоспоримых законов истории.

Но читаю дальше: «8 марта в полдень во дворе Варшавского университета начался организованный студентами сход в защиту гражданских прав и за восстановление в университете отчисленных по политическим причинам товарищей. (...) В какой-то момент (...) во двор въехало несколько автобусов с надписью «экскурсионный». Вышли мужчины в штатском — как потом оказалось, сотрудники Моторизованной поддержки гражданской милиции ЗОМО и Добровольного резерва гражданской милиции ОРМО, а также так называемый рабочий актив; они набрасывались на людей, выхватывали из толпы и увозили. А во второй половине дня прибыли уже регулярные силы ЗОМО во всей экипировке для умиротворения — те уже били всех без разбора». Как известно, из-за этого «умиротворения» через всю страну прокатился долгосрочный шквал протестов, причем не только студенческих.

В статье Колодзейчика рассказывается о судьбе одного из участников тех событий, тогда студента-политехника, Кшиштофа Топольского, осужденного на полтора года тюрьмы, которого вынудили, вместе со всей семьей, к эмиграции: «Семейство Топольских встретилось в Стокгольме в декабре 1969 года. Оттуда поехали в Канаду. Кшиштоф занялся автомобильным бизнесом, заработал миллионы, организовал помощь для «Солидарности» в Польше, но это уже тема для отдельной повести. В Польшу его пригласили в 1988 году — как ни в чем не бывало, пришел атташе из консульства в Торонто с приглашением. Это был первый знак, что времена изменились и что он для властей уже не еврей-сионист, а бизнесмен польского происхождения. Запомнил, каким образом несколькими годами позже был представлен вице-премьером Генриком Горышевским на одном из заводов, где должен был вести дела: «Прошу любить и жаловать, председатель Топольской, другая вера, другая порода, другая религия... а думает...» Кшиштоф Топольской возвратился в Польшу на постоянное место жительства в 1990 году. Причиной была женщина, ставшая затем женой, большая любовь. О возврате польского гражданства никогда никого не просил: «Я не буду просить о чем-то, что мне не разрешили вывезти. Предложение о восстановлении в гражданстве поступило от

президента Квасневского». А на вопрос, кем себя чувствует сейчас, Кшиштоф Топольской отвечает: «Я поляк еврейского происхождения, и вопрос моего происхождения для меня — дело чести».

Невозможно очистить и изолировать студенческий бунт 1968 года от мощного, позорного контекста, который составляла антисемитская кампания — наглядная не только в средствах массовой информации, но проявившаяся и во множестве индивидуальных выступлений и высказываний. И эту кампанию нельзя из Марта-68 устранить, как и редуцировать то, что она стала причиной исхода польских евреев. На это обращает внимание Петр Пазиньский в интересной статье «След следа» на страницах «Тыгодника повшехного» (№ 11/2018): Историки и публицисты обоснованно указывают на сходства студенческого Марта и студенческих волнений во Франции, Италии или ФРГ. Словом, на контркультурное измерение Марта. В этом много правды. И здесь, и там выступило со своим словом поколение людей, родившихся уже после войны, ставших двадцатилетними и стихийно бунтующих против социальной и политической действительности, которую расценивали как угнетательскую и лицемерную. И здесь, и там бастовали, спорили, писали воззвания, дрались с полицией, предлагали новое общественное устройство. Конечно, масштабы репрессий были несопоставимы: на Западе выступления не завершились измеряемыми в годах приговорами для «предводителей» и «закоперщиков», как это происходило в Польше или в Чехословакии. В Париже или Лондоне не выступали против мощной чужой империи — скорее уж, в антиколониальном жесте, ликвидировали империю как таковую. Даже одно это отличает «парижский май» от унылого, завязшего в зиме «варшавского марта». Но есть еще разница демографических процессов. Если во второй половине 60-х годов охваченные волнениями Рим, Париж или Лондон уже переставали быть, вследствие приезда эмигрантов из бывших колоний, этнически однородными городами, то Речь Посполитая, лишенная восточных окраин и евреев, окончательно перестала быть мультикультурной страной. Март пришелся на середину чрезвычайно важного десятилетия 1965–1975, когда взростала и формировалась новая Польша: мононациональная и гегемонистская «Польша Ковальского», в которой все одинаковы. (...) Преимущества такого положения вещей (государства одного народа и одной религии, расположенного в границах Королевства Пястов, полагаемых естественными и «современными») пропагандировали, независимо друг от друга, первый секретарь ПОРП Эдвард Герек и примас кардинал

Вышинский. Это поразительное единомыслие, основанное на убеждении, что в гомогенности сила, — тоже наследие Марта, сопутствующее польской политике и общественной жизни по сей день и даже набирающее силу по мере того, как образ «Речи Посполитой многих народов» перемещается в чулан, а его место все чаще занимает закрытое национальное государство».

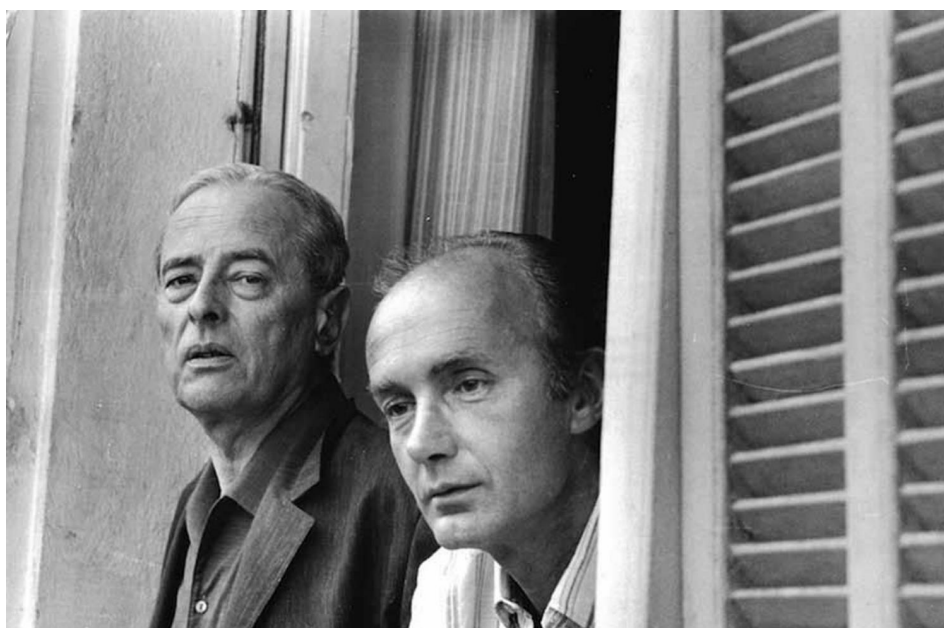
Все это имело и имеет сейчас свои следствия, выражением которых становится язык пропаганды, определенный профессором Михалом Гловинским как «мартовская болтовня». Здесь обязателен раздел на своих и чужих, поскольку «свойскость» в польском ее издании часто основывается на демонстрации мартирологических сюжетов. Об этом пишет в указанном выше номере «Политики» Петр Осенка в очерке «Мартовская пропаганда»: «Разоблачению скрытых врагов сопутствовала демонстративная забота о добром имени Польши. Мартовская пропаганда нападала на достижения польских философов и социологов, указывая, что те концентрируются на правах и свободах отдельной личности — «индивидуализме и эгоизме» и недооценивают «силу национального духа». «Космополит лишен патриотических чувств», — разоблачала пресса. Целью сионистского заговора должна была стать профанация национальной мартирологии и уничтожение памяти о героическом прошлом. (...) Мартовская пропаганда представляла собой доказательство прочности определенных ментальных клише, оживающих в различные периоды. Обозначала также огромные усилия со стороны властей предержащих для собственной легитимизации посредством обращения к господствующим в обществе ресентиментам. Борьба с «сионистом» отнюдь не была лишь идеологическим ритуалом, а напротив: ленивая, безликая пропаганда гомулковского периода приобретает в ходе этой кампании неожиданную прыть. Рискну выдвинуть тезис, что для многих людей — даже тех, кто давно уже избавился от иллюзий относительно действительного характера строя, — перспектива чего-то вроде национальной революции представлялась соблазнительной. Март 1968 года — это не только большая чистка, но и огромный, совершенно спонтанный приток новых членов в ПОРП. «Антисемитские лозунги, прикрываемые под разными масками, но объединенные своим популистским и антиинтеллигентским содержанием, попадали в изувеченные слои общественного сознания намного эффективнее в сопровождении патриотической риторики», — писала историк Кристина Керстен».

Предыдущий мой обзор завершался цитатой из интервью, которое дал газете «Жечпосполита» председатель Национального движения и одновременно депутат Сейма Роберт Винницкий, убеждавший, что в нынешней атмосфере «рекрутинговая машина» его партии идет полным ходом и привлекает массу молодых адептов. Действительно, с этими машинами что-то не «в порядке», они работают, скорее, «для порядка»: советник президента Анджея Дуды профессор Зыбертович изобрел недавно нечто под названием МНБ, что расшифровывается как Машина Нарративной Безопасности. Конечно, самое главное — это конструирование этих нарративов. Один из знакомых, который по случаю 50-летия Марта прибыл на соответствующие торжества, заверил, что никто сегодня «не использует осознанно» антисемитской терминологии. Что ж — порядок слов в предложении важен. Я бы сказал, что «осознанно не использует».

Войцех Карпиньский

Разбойничьи книги и города (Ч. 3)

Из архива Второй программы Польского
радио

Витольд Гомбрович и Константы Еленьский, 1968 г.

Константы Еленьский, 1970 г.

Константы Еленьский, 1980 г.

Теперь расскажу о книге, которую очень хотел бы написать — мысленно я уже давно ее готовлю. Быть может, она никогда и не будет создана, но мне кажется, что эта книга — как бы ни сложилась ее судьба — по сути находит отражение во всем, что я пишу... О политической мысли, об искусстве, о людях, о пейзажах. В моих мыслях эта книга имеет название и содержание. Название — «Следы», биография Константы Еленьского. Это должны быть именно следы, отражения человека необыкновенного и одновременно пожелавшего держаться в тени, человека, который сам о себе говорил, что он луна, а не солнце. Солнца в его жизни случались разные, но было, пожалуй, одно подлинное. Это знаменитая итальянская художница, великая любовь Константы Еленьского — Леонор Фини. Но не только она. Еще одним таким солнцем, объектом восхищения являлся Витольд Гомбрович. О нем — в другом тоне, шутливым — Константы Еленьский, которому Гомбрович обязан бесконечно многим, говорил, что их переписка напоминает послания Наполеона-Гомбровича своим маршалам. Короткие фразы, приказы: тут действовать, там атаковать, это сделать, продолжать наступление. Именно Константы Еленьский был тем, кто сражался за «Фердыдурке» и другие тексты. Гомбровича нельзя назвать человеком, склонным выражать благодарность, но он написал, что все издания его произведений следовало бы снабдить штемпелем «Благодаря Еленьскому». Гомбрович отблагодарил Константы Еленьского иначе: для французского издания «Дневника» он написал короткий текст, портрет Константы Еленьского, и это лучший его портрет из всех, какие я знаю. Этот портрет наконец вошел также в польское издание. Могло бы показаться, что Гомбрович — совсем не подходящий автор для создания подобного портрета, ведь он, интересуясь, прежде всего, собой и своим творчеством, в сущности, мало что знал о Еленьском... Но оказывается, сумел разглядеть также и его, он говорил о Константы Еленьском, как о человеке, являвшем собой воплощенную легкость, словно бы текущем в согласии со своим руслом, не пенящемся, как река перед дамбой. Закончил он так: «мы с ним оба как солдаты в окопах — и легкомысленные и трагические». На первый взгляд, это сравнение Еленьского с солдатом выглядит странным, я понял его лишь в самом конце его жизни, по сути, в последнюю нашу встречу, когда он был уже очень болен, но никогда о своей болезни не говорил. Еленьский вышел в гостиную, где я его ждал, он шел медленно, держась очень прямо — в самом деле, как солдат. И точно так же, держась прямо, как солдат, легкомысленный и трагический, проводил меня к двери. Я понял, что большие писатели, воспринимающие мир в иных категориях, чем мы, видящие его иначе, умеют определить вещи так, что

определения эти навсегда врезаются в память, настолько они точны.

Пожалуй, следует сказать несколько слов о Еленьском — кем был этот «человек-луна», как он сам себя называл. Думаю, не только луна: в моем понимании, это блестящий польский писатель, один из величайших, с какими свела меня судьба. Польский язык, который я слышу в его текстах, — это язык, встречающийся очень редко, впрочем, он и раньше был редкостью. Для рождения такого языка необходимо несколько стечений обстоятельств. Нужен человек, чья семья происходила бы с Кресов, человек, который осел бы в Центральной Польше, который впитал бы эту шляхетскую или помещичью речь и подчинил ее дисциплине интеллекта и восприимчивости. А подобных феноменов в польской литературе не так много. Можно вспомнить Ярослава Ивашкевича, но это немного другой случай. Разумеется, среди писателей, представляющих — как я это называю — мощное течение польского языка, Ивашкевич занимает важное место, но главное место принадлежит Витольду Гомбровичу. Почетное же место среди великих писателей, недооцененных как писатели, принадлежит Константы Еленьскому.

Что я хочу сказать, говоря, что в моем понимании это великий писатель? Он умел передать мерцание реальности при помощи образов, которые, являясь прозой, звучат, как поэзия и служат затем языком взаимопонимания, познания реальности. Для меня эссе Константы Еленьского, публиковавшиеся, главным образом, в парижской «Культуре» и собранные воедино с большим запозданием (впервые в книге «Стечения обстоятельств») являются памятником польской письменности. Подобный памятник польской письменности — письма Константы Еленьского к Юзефу Чапскому, печатавшиеся в журнале «Зешиты литерацке». Эти письма относятся — что немаловажно — к 1950–60-м годам. В то время Константы Еленьский был более открыт, чем позднее, и, возможно, поэтому позволял себе более свободно, а тем самым более точно называть вещи, действительно его интересовавшие.

Теперь вернемся к книге, которую я хотел бы написать. Биография — вообще жанр сложный. Я имею в виду биографии Нового времени, поскольку в древности несколько биографий было создано и останется в истории — жизнеописания Плутарха, духовная биография Сократа, написанная Платоном, но прежде всего — четыре версии одной биографии, написанные, по словам Ницше, «плохим языком». Они и в

самом деле написаны языком очень неправильным, вот идут двое, присоединяется третий, день клонится к вечеру, а те говорят: «Останься с нами», но это образцы высокие, незабываемые и недостижимые. Если говорить о Новом времени, я, в сущности, знаю только две биографии, которые могли бы послужить образцом для книги о Константы Еленьском, и которые при этом не могут механически служить образцом, поскольку следует всякий раз создавать себе собственные модели.

Первая такая биография, одновременно оригинальная и образцовая, — книга, которую Джеймс Босуэлл, английский, а точнее шотландский писатель, написал о своем Мастере, считавшемся в то время крупнейшим английским писателем — Сэмюэле Джонсоне. Босуэлл всю жизнь вел дневник, которым затем воспользовался. Он написал биографию, в которой Сэмюэл Джонсон предстает действительно живым человеком. Порой англосаксы уверяют меня, что они знают и ценят какую-то книгу Джонсона, но я не слишком им верю. По-моему, Джонсон существует только в отражении, в этом портрете, нарисованном Босуэллом. Это пример необычный и не поддающийся воспроизведению. Следует еще добавить, что Босуэлл вывел себя весьма забавным персонажем, а ведь не каждый захочет и сможет превратить себя в литературного героя. Это было необходимо, чтобы изобразить встречу двух личностей.

Вторая биография, которая меня ослепила, а услышал я о ней впервые именно от Константы Еленьского, это книга, также написанная англичанином — «The Quest for Corvo» — «Поиски Корво» — Симонса. Это история о том, как повествователь, автор биографии, сначала находит какие-то документы, относящиеся к писателю, чья фамилия ничего ему не говорит, а затем все ближе знакомится с его творчеством. Он пишет разным людям, порой получает ответы, в которых об этой фигуре говорится с возмущением, порой его наводят на ложный след, порой удается раздобыть новые документы. Эта книга — описание конструирования личности, но такой прием нельзя механически копировать.

Думаю, что книга о Константы Еленьском, безусловно являвшемся — такими словами не стоит бросаться — самым потрясающим человеком, которого мне довелось встретить в жизни, так вот, эта книга может и не воплотиться в конкретном произведении под названием «Следы», осязаемом предмете, книге, заключенной в обложку, но, возможно, эти следы отражаются в каждой книге, которую я писал и которую

напишу — свет то ли лунный, то ли солнечный, в любом случае, свет, который источала эта необыкновенная фигура.

Константы Еленьский также являлся человеком-организацией, точнее несколькими организациями. Он вращался в мире Леонор Фини, в мире Конгресса за свободу культуры, вращался в мире своих друзей по всему миру и вращался — для нас это самое главное — в польском мире. В польском мире Еленьский был великим послом польской культуры, а точнее, ряда писателей, которых он по-настоящему ценил — для французов, англичан, итальянцев, немцев. Это он добился того, что «Фердыдурке» вышел по-французски. Это ему Чеслав Милош обязан французским изданием своего великолепного поэтического сборника. Таких должников у Константы Еленьского много. Одной из важнейших вещей, совершенных Константином Еленьским, стала антология польской поэзии на французском языке. Он готовил ее следующим образом: сначала сам переводил стихотворение, получалась так называемая «рыба», которую он затем отдавал тому французскому поэту, которого считал созвучным автору. Следует, однако, заметить, что, возможно, лучшие переводы в этой книге — это те, о которых французские поэты говорили: «Оставь, как есть, это совершенно». Таковы, например, конгениальные переводы Бялошевского или Милоша. Антология польской поэзии Еленьского — подлинный памятник, который он воздвиг польской поэзии, а также самому себе.

Нужно еще добавить, что литература была лишь одним из элементов его деятельности. Я уж не говорю здесь о его занятиях, связанных со стипендиями и дотациями, но страстью всей жизни Еленьского являлась живопись. Ян Лебенштейн обязан ему очень многим. Еленьский написал книгу о Яне Лебенштейне; написал книгу о Леонор Фини — по-французски. Его отношения с Чапским также представляют интерес, поскольку это две личности одновременно схожие и различные, схожим и различным образом воспринимавшие изобразительное искусство.

*

Одна из тем, возникающая, будто филигрань, в текстах, которые меня увлекают, и в текстах, которые я пишу — проблема изменения и верности; эта проблема лучше всего, вероятно, сформулирована в прекрасном и таинственном подзаголовке автобиографии Фридриха Ницше — «Ессе Номо»

(«Как становятся сами собою»): как человек становится тем, кто он есть.

Что это значит — что человек меняется и остается себе верным? Разумеется, однозначного ответа не существует. Я считаю, что ответить на этот, имеющий фундаментальное значение, вопрос можно, рассказав несколько историй, открывающих в европейской культуре эпоху Нового времени. Я считаю, что каждое поколение должно рассказывать себе эти истории на том уровне, который нам доступен — лучше или хуже. Это важный способ извлекать уроки из прошлого опыта.

Если бы я создавал музей современности или писал историю современности, то начал бы с двух автопортретов, которые, с моей точки зрения, стоят у истоков нашей эпохи. У входа в этот музей с одной стороны находился бы портрет Фридриха Ницше, его фотография периода безумия — одно из выразительнейших изображений человеческого лица. С другой стороны — портрет Винсента Ван Гога. В случае Ницше автопортретами являются его философские произведения, но для меня это, прежде всего, его жизнь, то есть его автобиография и письма. В случае Ван Гога — это живописные автопортреты; как известно, он написал их много, но также и картины, в которых я вижу автопортрет — пейзажи, портреты людей, портреты домов, а еще его поразительные письма, прежде всего письма к брату. В своем брате художник видел человека другого и одновременно неизъяснимо близкого, порой он поучал его, и эти поучения были адресованы также ему самому, Винсенту Ван Гогу.

Он и Ницше — две символические фигуры, которые, с моей точки зрения, наилучшим образом иллюстрируют историю сознания конца XIX и начала XX века. В этих фигурах европейское сознание познает себя, буквально. Когда я задумываюсь об этих творцах и пытаюсь писать о них, а также о нескольких других, о которых я сейчас скажу, то лейтмотивом, филигранью, моего текста оказывается стихотворение Гете «Блаженная тоска», начинающееся со слов: «Только мудрым, больше никому / Не говорите, толпы освистают»^[1], а заканчивается строфой, которая звучит примерно так — я приведу ее в парафразе Юзефа Чапского, для которого эти слова имели фундаментальное значение — *„пока не постигнешь что погибнуть, значит измениться, ты лишь печальный гость на земле с ее мраком»*.

Искусство изменения — искусство трудное и, пожалуй, в современной культуре элемент изменения имеет огромное

значение. Как уже было сказано, эти два художника стоят, как мне кажется, у истоков осознания этого опыта в Новое время. Фридрих Ницше и Винсент Ван Гог словно бы готовят тот загадочный катаклизм, беду и очищение, каким стала в области политики Первая мировая война и ее по сей день ощущаемые последствия. Мы до сих пор не в состоянии до конца осмыслить, чем на самом деле явилась Первая мировая война, но по-прежнему живем в тени этого события, как век XIX жил в тени Французской революции. Можно подумать, что случившееся в Европе в 1989–1991 годах подвело в этом смысле черту, но сегодня мы видим, что — далеко не окончательно, проблемы остаются, требуют решения, то есть определения.

Творчество Ницше и Ван Гога позже нашло отражение в произведениях других художников, которые меня интересуют. И, что характерно, каждый из них оставил после себя письма, необыкновенно важные, своего рода автобиографии. Таким художником является Томас Манн, для которого чтение Ницше было потрясением. По его собственным словам, он поздно, примерно в возрасте двадцати лет, проснулся эротически, и одновременно проснулся интеллектуально, прочитав Шопенгауэра и прочитав Ницше. Манн всю жизнь спорил с Ницше. Он, Томас Манн — человек, изгнанный из гитлеровской Германии, Германии, которая пыталась присвоить Ницше в качестве своего идеолога — видел в Ницше неоднозначного идеолога современности. Когда в 1947 году Томас Манн приехал в Европу, пока еще не в Германию, а в Швейцарию, то приветствовал Европу лекцией для международного Пен-клуба, лекцией, которая носила название «Философия Ницше в свете нашего опыта». Он до конца своих дней возвращался к этой проблеме, именно к этому лейтмотиву «смерти и преображения». В письмах Томаса Манна можно найти много интересных замечаний на эту тему, в его творчестве — также. Можно сказать, что этого он касается в двух самых известных своих рассказах, «Тонио Крёгер» и «Смерть в Венеции» — как человек становится тем, кем является. Его роман — «Волшебная гора» — буквально об этом, о духовных приключениях человека, находящегося между двумя фигурами, двумя искушениями, двумя идеологами. Он не выбирает никого из них. Позиция автора нам неизвестна, поскольку Ганс Касторп отправляется на поля сражений Первой мировой войны, но это именно история нравственных подступов к Первой мировой войне и подступов к пониманию, чем она явилась.

Другой подобный гений изменения, гений самопознания и понимания, что всегда существует небольшой зазор между

самопознанием и тем, кем ты являешься в данный момент — великий австрийский поэт, прозаик, эссеист Гуго фон Гофмансталь. Эта фигура меня очень привлекает и хочу подчеркнуть, что Гофмансталем в какой-то мере заразил меня Юзеф Чапский; не потому, что он был знатоком его произведений — просто Чапский, по своему обыкновению, нашел в австрийском поэте, если воспользоваться ницшеанской терминологией, «удобоваримую пищу». Он прочитал стихотворение Гуго фон Гофмансталя «*Manche freilich...*» («Умирать иным»^[2]) — это стихотворение о том, что одни оказываются на корабле у штурвала, видят птиц в вышине, а другие в трюме на тяжелых веслах, но тень одних падает на других, и две эти судьбы неразрывно связаны друг с другом. Заканчивает фон Гофмансталь словами, что участь человека больше стройной вспышки или узкой лиры краткосрочной жизни. Это было девизом Юзефа Чапского. В 1949 году, в начале своего сотрудничества с «Культурой», в прекрасном и значимом эссе, озаглавленном «Я», он поставил проблему: «Как следует писать о мире?» и рассказал о реакции двух людей, которым он доверял, на его книгу «На бесчеловечной земле». Первый — это Адольф Бохеньский, человек величайшего интеллекта и величайшего мужества, погибший под Анконой в 1944 году; прочитав эссе, написанные Чапским на фронте в Италии, Бохеньский очень горячо, как только он один умел, похвалил его, но добавил: «... но зачем ты писал о своем тифе? Кому интересно, что у тебя был тиф?» Второй реакцией был взгляд Даниэля Галеви — блестящего французского интеллектуала, старшего друга Чапского, который, прочитав «На бесчеловечной земле», сделал всего одну оговорку: это очень интересно, но «... вы слишком мало пишете о себе. Читатель хочет знать, с кем имеет дело, кто говорит с ним». Напомню, что Гомбрович в самом начале «Дневнике» дает критикам совет: нужно писать так, чтобы было понятно, блондин писал или брюнет, то есть писать всем собой, чтобы читатель понимал, кто говорит и с какой позиции.

Смысл судьбы «больше этой жизни стройной вспышки или узкой лиры» — эти слова можно воспринимать как девиз всех, так сказать, «художников изменения», если воспользоваться этим определением. Об изменении Гуго фон Гофмансталя было известно особенно много. Будущий гений, он начал в шестнадцать лет, к восемнадцати достиг совершенства. В двадцатидвухлетнем возрасте он и написал это стихотворение, которое словно бы подводит итог знаниям о человеке и одновременно открывает важные области незнания. Именно тогда Гофмансталь пережил кризис; тогда он умер как лирик.

Вся его дальнейшая жизнь, а прожил он пятьдесят пять лет, была попыткой понять, как можно говорить о мире, где так трудно говорить. В 1902 году он написал «Письмо лорда Чэндоса», являющееся своего рода манифестом современного искусства, но также и чем-то большим — это манифест классического искусства Нового времени, манифест искусства, осознающего место человека в мире пошатнувшихся знаков. Мне кажется (в книгу «Герб изгнания» я включил небольшое эссе на эту тему), что можно обозначить своего рода тайное течение польской литературы, течение необычайно мне близкое, которое можно было бы назвать «под знаком Гофмансталя»: я бы отнес к нему Герлинга-Грудзинского, Чапского, Еленьского, а также — по-своему — Стемповского, и еще, в определенном смысле, Гомбровича, хотя он, вероятно, Гофмансталя не читал, — и, наконец, Милоша. Замечу, что, к своему изумлению, в письмах Константы Еленьского к Милошу, опубликованных в журнале «Зешиты Литерацке», я обнаружил следующую фразу... как порой обнаруживаешь в одном предложении все, о чем давно думал. Еленьский пишет Милошу: «... я считаю, что вы двое — Гомбрович и ты — это два полюса польской литературы и объединяет вас Гуго фон Гофмансталь с его „Письмом лорда Чэндоса”».

*Записала в 1996 году Ивона Смолька, расшифровка Богумилы
Пшондки.*

Перевод Ирины Адельгейм

-
1. Пер. Б. Бериева.
 2. Пер. В. Куприянова.

Культурная хроника

Приговор для Яся Капели. Поэт и публицист журнала «Крытыка політычна» в июле 2015 года разместил на своем канале в «YouTube» фильм, в котором спел измененный польский гимн. Переделанный фрагмент звучал: «Марш, марш, мигранты, / в Польшу за провиантом. / Кто б ты ни был родом, с нашим будь народом». Ясь Капелья выразил таким образом «желание помочь жертвам военных конфликтов». Фильм очень быстро собрал свыше 200 тыс. просмотров, а автор получил штраф в размере 500 злотых за «пренебрежительное отношение к польскому народу». Осужденный опротестовал приговор. В результате окружной суд Варшава-Прага в середине февраля за изменение слов «Мазурки Домбровского» согласно действующему праву присудил Капелле тысячу злотых штрафа и обязал покрыть процессуальные издержки. Фельетонист «Газеты wyborczej» заметил тогда, что варшавский суд расценил слово «беженец» как пренебрежительное. Написал также: «Сегодня в Польше идет борьба за символы. Будут ли орел, бело-красный флаг и «мазурка Домбровского» принадлежать нам всем — как символы зрелого сообщества, члены которого в состоянии договориться друг с другом? Или станут угнетающими знаками давления, приватизированными экстремистами, националистами и функционерами власти, которая сама имеет проблемы с законом? И ставка в этой борьбе не только символическая».

Поляки приветствуют беженцев

Еще Польша не пропала,
и в краю родимом,
перевидевшем немало,
беженцев мы примем.

Марш, марш, мигранты,
в Польшу за провиантом.
Кто б ты ни был родом,
с нашим будь народом.

Там, за Вислой, там, за Вартой,
ваше счастье, люди!
По примеру Бонапарта

чужаков мы любим.

Как Чарнецкий двинул в Познань,
вы хоть на корыте
ради нашей общей пользы
морем к нам плывите.

Что отец там молвит Басе
вечером за чаем?
«Чу! Приплывших на баркасе
беженцев встречаем!»

Ясь Капеля

Перевод Игоря Белова

24 февраля перед зданием Прокуратуры Польши на Краковском предместье в Варшаве, неподалеку от памятника Адаму Мицкевичу, состоялась акция протеста против осуждения Яся Капели, организованная Журналистским союзом, Студенческим антифашистским комитетом и Варшавским Революционным хором «Варшавянка». Собравшиеся спели гимн в версии Капели, а Северин Блюмштайн, журналист, деятель антикоммунистической оппозиции ПНР, председатель Журналистского союза, напомнил: «Польский гимн написал беженец. Самое главное послание этого гимна — мечта о возвращении на родину. Ясь Капеля, изменив слова гимна, обращался к его значению и смыслу. Он никого не оскорбил, нечего не высмеял. Впрочем, приговор не за то, — он осужден за то, что гимн в его варианте говорит: беженцы, приезжайте в Польшу, а этого власть не простит».

28 февраля в Президентском дворце прошла инаугурация в седьмой раз проводимой акции «Народное чтение». Президентская чета предлагает для чтения на протяжении всего 2018 года — года 100-летия обретения Польшей независимости — собрание из 44 текстов, составивших «Антологию Независимости». Кульминацией акции, запланированной на 8 сентября, станет чтение «Кануна весны» Стефана Жеромского. По мнению президента, Жеромский показывает в своем романе 1925 года Польшу «многих контрастов».

— Пусть это будет чтение, которое увлечет нас и не только напомнит нам историю, не только расскажет о польском духе тех времен, но, возможно, окажется также вдохновляющим для нашей современности, — сказал Анджей Дуда.

Супруга президента представила «Антологию Независимости».

— Это прекрасная, всеохватывающая картина нашей культуры и национальной литературы: от «Богородицы» через шедевры старопольских писателей, романтизм, позитивизм, «Молодую Польшу», литературу Второй Речи Посполитой, — наконец, творчество военных и послевоенных лет до современности, — отметила Агата Корнхаузер-Дуда.

Только два здравствующих литератора удостоились чести быть включенными в «Антологию Независимости». Первый — убеленный сединами Ярослав Марек Рымкевич (р. 1935), поэт, драматург и эссеист с солидным творческим багажом и одновременно вполне определенным политическим обликом (апологет «перемен к лучшему», автор нашумевшего стихотворения «К Ярославу Качинскому»). В антологию включен фрагмент его книги «Польские разговоры летом 1983-го». Второй избранный автор — католический поэт и публицист правых еженедельников Войцех Венцель (р. 1972), о котором литературный критик Михал Табачинский написал: «Войцех Венцель — наиболее известный, наиболее противоречивый и наиболее радикальный представитель молодой религиозной поэзии. Он ровно настолько же хороший поэт, как и неукротимый идеолог». В антологию включено его стихотворение «Эпигония». Президент Дуда, присуждая Венцелю в 2017 году звание «Заслуженный деятель в области развития польского языка», в частности, сказал: «Что же для меня как не специалиста и не лингвиста необычайно интересно? С одной стороны, эти стихи часто довольно трудные в том значении, что это как раз язык необычайно богатый, такой сильный, можно даже сказать, что в каком-то смысле замысловатый в плане содержания». Президент высказался также об эссеистике поэта: «Войцех Венцель не боится писать о Боге, вере, традиции, морали — и его часто за это критикуют». Имеет смысл напомнить, что, в связи с присуждением Венцелю президентом Польши отличия за заслуги перед польским языком, Совет польского языка опубликовал *votum separatum*, указав, что политически ангажированные публицистические тексты Войцеха Венцеля противоречат идее этики слова: «Употребляемый в них язык не объединяет, а разделяет,

проникнут пренебрежением в отношении думающих иначе, чем автор».

Театр «Народовы» в Варшаве поставил «Уланов» (премьера 10 марта) — «серьезную комедию в трех актах» Ярослава Марека Рымкевича, написанную 44 года назад.

— Возвышенность и святость в этой пьесе насыщены мартирологией и страданием, — сказал поставивший «Уланов» Петр Цепляк. — Я работаю с выдающимся произведением Ярослава Марека Рымкевича, созданным в 1974 году, и вот в чем парадокс: сейчас, как мне кажется, Рымкевич думает иначе и, наверное, этой пьесы так бы не написал.

Рецензии на спектакль — сплошь хвалебные, что должно порадовать автора, но порадовало ли, уверенности нет. «Уланы» — это бескомпромиссное сведение счетов с польским романтизмом. Мария Янион называла пьесу даже «„комедийным синтезом романтизма”», — напоминает в рецензии, опубликованной в газете «Жечпосполита», Ян Бонча-Шабловский. — Рымкевич разделяется с польскими мифами. Делает это в форме пародии, литературной игры, в которой можно усмотреть гротескное продолжение «Дам и гусаров» Александра Фредро».

Витольд Мрозек в «Газете wyborчей» замечает: «Пьесы Рымкевича — это отчасти пастиши Гомбровича и Ружевича, с другой стороны, они беспощадно высмеивают романтические клише. Это также едкий, язвительный юмор. Острый, хлесткий, неприличный, но через минуту преобразующийся в поэтическую легкость и абстракцию. (...) «Уланы — это ядовитая насмешка над мессианской мифологией, романтической картиной мужского, геройского сообщества».

«Безудержная комедия, иногда переходящая в фарс, иногда роскошно непристойная, но при этом насквозь поэтичная. Кривое зеркало нашего векового позерства, насмешка над Польшей как «мессией наций», шутливая, но с подкладкой более серьезного подтекста полемика с самыми великими: Мицкевичем, Фредро, Выспянским, — утверждает Яцек Вакар на портале Onet. pl (культура). — Представление безумно смешное, некоторые сцены и фразы публики горячо приветствует бурными аплодисментами. Однако в финале (ином, чем в оригинале) смех застревает в горле. Все

заканчивается в одно мгновение: мир застывает, и от ступора трудно освободиться».

Автор не прибыл на премьеру. Причин мы не знаем. Возникает, однако, предположение, что старый поэт из Милянвека не очень хочет помнить о молодом Рымкевиче — насмешнике и разрушителе национальных мифов.

2 марта жюри премии им. Рышарда Капуцинского (за литературный репортаж), под председательством Петра Мицнера, в составе: Дорота Данелевич, Магдалена Гроховская, Мариуш Калиновский и Катажина Новак — определило десять лучших репортажей 2017 года. Среди них четыре книги зарубежных авторов и шесть польских. Отечественные названия — это «Сендлер. В укрытии» Анны Биконт, «Петербург. Город сна» Иоанны Чечотт, «Не позорит» Ольги Гиткевич, «Познань. Город греха» Марцина Концкого, «Малое преступление. Польские концентрационные лагеря» Марека Луцины, а также «Священное право. Истории людей и домов на фоне реприватизации» Ивоны Шпали и Малгожаты Зубик. Пять книг, вышедших в финал, мы узнаем в апреле; лауреата премии назовут в мае, во время Варшавской книжной ярмарки.

А 4 марта, в 86-ю годовщину со дня рождения Рышарда Капуцинского, капитул Переводческой премии отметил выдающихся переводчиков польской литературы и книг Капуцинского, а также популяризаторов Польши и польской культуры в своих странах. Лауреатами стали Благовеста Лингорская-Начевская из Болгарии и Андерс Бодегард из Швеции.

Польская писательница Иоанна Батор и ее немецкая переводчица Эстер Кински получают в нынешнем году премию им. Германа Гессе, присуждаемую за литературные достижения международного значения. Жюри этого престижного конкурса выделило два связанных между собой романа Батор — «Песочная гора» и «Хмурдалия». В решении указывается на «поэтический, а одновременно иронично-отстраненный язык» польской писательницы, который «в переводе Кински образует самостоятельный языковой космос».

5 марта Фонд им. Збигнева Херберта назвал имя лауреата международной литературной премии им. Збигнева Херберта 2018 года. Им стала Нуаля Ни Хомхнайл (р. 1952), ирландская поэтесса, пишущая на гэльском языке. «Мы выбрали поэтессу смелую, осуществляющую перелом как в локальном, ирландском масштабе, так и на международной арене. Поэтессу, которая помогает возродиться родному языку», — заявил Эдвард Хирш, председатель жюри премии нынешнего года.

Члены Польского Пен-клуба провели 5 марта выборы председателя. Им вновь стал Адам Поморский — социолог, историк идей, кандидат гуманитарных наук (степень присуждена за труд «Анна Ахматова — «Путем вся земля». Поэзия. Проза. Драматургия»), эссеист и литературный переводчик. Он переводит поэзию и прозу с английского, белорусского, немецкого, русского и украинского языков. Издал несколько книг, среди которых, в частности, «Скептик в аду. Из идейной истории русской литературы» (2004). С 1999 по 2010 год был вице-председателем Польского Пен-клуба, а с 2010-го стал председателем.

В полувековую годовщину Марта-68 — годовщину студенческих протестов в связи со снятием с репертуара «Дзядов» Мицкевича в «Театре народовом», годовщину антисемитской истерии, результатом которой стала эмиграция около 13 тыс. поляков еврейского происхождения, — об атмосфере тех лет напомнили новые книжные публикации, театральные спектакли, выставки.

Музей истории польских евреев ПОЛИН подготовил программу «Чужой в доме. Вокруг Марта-68», посвященную памяти о событиях, причинах и последствиях антисемитской кампании. Проект включает, в частности, временную экспозицию, цикл дискуссий, театральные спектакли, образовательные и научные программы. Временная экспозиция, открытая 9 марта, возвращает к драматическим событиям полувековой давности, объединяет исторические материалы с рассказами свидетелей.

— Многие польские евреи тогда ощутили себя отчужденными, выталкиваемыми из своей страны, — сказал профессор Дариуш

Столя, директор музея ПОЛИН. – Я всегда привожу слова одного из эмигрантов, который на вопрос, почему он уехал из страны, ответил: «Я уехал из Польши потому, что это была единственная страна, в которой я не мог быть поляком». Они стали чужими, не имели права на родину, хотя здесь родились, знали польскую культуру, много лет работали на благо этой страны.

Центральный пункт выставки — инсталляция, напоминающая о том, как выглядел зал вокзала «Варшава-Гданьская», откуда пятьдесят лет назад евреи уезжали из Польши. Экспозиция будет работать до 24 сентября.

1 марта Совет Варшавы назвал трех новых почетных граждан столицы. Звание присуждено людям, имеющим большие заслуги перед сообществом польских евреев. Это Халина Биренбаум, польско-израильская писательница и поэтесса, Кристина Будницкая, вице-председатель Объединения «Дети Холокоста», и Мариан Турский, историк, журналист еженедельника «Политика», вице-председатель Объединения «Еврейский исторический институт в Польше», председатель Совета Музея истории польских евреев ПОЛИН.

Лауреатами премии им. Збигнева Цибульского за 2017 год, присуждаемой молодым актерам, выделяющимся сильной индивидуальностью, стал Давид Огородник (торжественная церемония вручения премии состоялась в кинотеатре «Электроник» в Варшаве). В фильме «Тихая ночь» Петра Домалевского актер сыграл роль эмигранта Адама, приезжающего из Голландии в Польшу на Рождество. Ранее Огородник уже был номинирован за роли в фильмах «Последняя семья» Яна П. Матушинского и «Хочется жить» Мацея Пепшицы. В следующем году на экраны кинотеатров выйдет картина «Темно, почти ночь» режиссера Бориса Ланкоша на основе романа Иоанны Батор с участием Огородника. Специальное отличие присуждено троекратно номинированной на премию им. Збигнева Цибульского актрисе Юлии Киёвской («В темноте», «Любовь», «Соединенные штаты любви»).

15 марта, в первую годовщину смерти Войцеха Млынарского, в столичном Музее литературы открыта выставка «Пане, панове:

Млынарский», посвященная памяти знаменитого автора песенных текстов и поэта. Среди представленных предметов, в частности, его письменный стол, пишущая машинка, которой, по его словам, он «никогда не изменял с компьютером», и американская армейская куртка. «Папа не признавал никакой другой верхней одежды в любое время года, — рассказывала Агата Млынарская. — Он считал, что это голос свободы. Первую поношенную армейскую куртку привез в 70-е годы из первой поездки в Америку». На выставке показаны рукописи и машинописные тексты, фотографии из семейного архива. Демонстрируются «Алмазный микрофон» — премия Польского радио и премия за литературное творчество, врученная в 1987 году на XXIV Фестивале польской песни в Ополе. Выставку можно посмотреть до 31 мая.

А в варшавском театре «Атенеум» 16–23 марта прошел фестиваль «Млынарский в „Атенеуме“ — конфронтации». 19 марта Артур Андрус провел гала-концерт «Млынарский в „Атенеуме“», после концерта состоялось торжество по поводу присвоения «Нижней сцене» Театра «Атенеум» имени Войцеха Млынарского.

Прощания

20 февраля в Варшаве в возрасте 61 года умерла Агнешка Котулянка, актриса театра и кино. Она выступала на подмостках варшавских театров, снялась более чем в десятке фильмов, таких, в частности, как «Надзор» и «Большая медведица», а также в телевизионных сериалах. Наибольшую популярность принесла актрисе роль Кристины Любич, жены Павла Любича, в сериале «Клан» (1997–2013).

4 марта в Варшаве умерла Гражина Станишевская — актриса, известная прежде всего по роли Дануси Юрандувны в «Крестоносцах» Александра Форда. Другие известные фильмы с ее участием — это, например, «Покушение» Ежи Пассендорфера, «Наброски углем» Антония Бохдзевича, знаменитый «Пепел и алмаз» Анджея Вайды. После съемок в «Крестоносцах» она играла, главным образом, в театре. Последней ее картиной стала «Лава. Повесть о «Дзядях» Адама Мицкевича» Тадеуша Конвицкого (1989). В частной жизни —

жена известного хирурга, профессора Войцеха Нощыка. Актрисе был 81 год.

6 марта в возрасте 79 лет в Лодзи скончался Петр Янчерский, автор песенных текстов, актер, сценарист и режиссер. Был вокалистом легендарных групп «Небеско-чарни» и «Но то цо», исполняя такие, например, хиты, как «Эти девчонки из Ополя», «А я люблю парады», «За тем красным цветком».

7 марта в возрасте 82 лет умер Ежи Мильян, один из наиболее известных в мире польских джазовых музыкантов, виброфонист, композитор, аранжировщик и дирижер. Играл, в частности, в секстете Кшиштофа Комеды, в ансамблях Анджея Курылевича, Яна «Птахи» Врублевского и Войцеха Кароляка, руководил также собственным трио. В течение семнадцати лет руководил Оркестром легкой музыки Польского радио и телевидения в Катовице. В 2004 году Ежи Мильян был награжден Командорским крестом ордена Возрождения Польши.

Ежи Гедройц — читатель и издатель русской литературы (Ч.4)

Юзеф Чапский и Ежи Гедройц, Берлин 1950 г.

«Письма Ежи Гедройца — кладезь информации о многих его нереализованных издательских и околоиздательских проектах, связанных с русской литературой. Очень интересно освещает эта переписка историю планировавшейся Редактором «советской серии», которая, очевидно, была задумана как предприятие значительно более серьезное, нежели краткосрочный «Архив революции» (1964–1967)». Из копий нескольких писем Редактора к Юзефу Чапскому, вероятно, относящихся к 1963 году^[1], мы узнаем о проекте и обстоятельствах, которые заставили Гедройца предпринять первые шаги на пути к его реализации. Серия, очевидно, являлась частью плана распространения правды о лагерях:

«Сегодня главное — возможно более мощно и решительно поднять проблему советских лагерей, [это важно] с точки зрения воздействия на общественное мнение, как Запада (уменьшение привлекательности Советского Союза, ускорение эволюции отдельных коммунистических партий), так и в «нейтральных» странах, а также в самом Советском Союзе. Речь идет о масштабной акции. Отдельных статей или

выступлений мало. Даже самые крупные периодические издания имеют ограниченный спектр действия, кроме того, всегда есть ограничения, связанные с характером издания: статьи в „Фигаро Литерер” не находят, например, отклика в левой прессе и т.д. Наиболее эффективным средством был бы процесс — вроде процесса Руссе^[2] десятилетней давности. В таких случаях всегда вскрывается масса фактов, кроме того, процесс позволяет удерживать напряжение общественного мнения на протяжении недель и даже месяцев, задействовать и прессу, и радио, и телевидение».

Роль Института в этих грандиозных планах представлялась Гедройцу следующим образом:

«Сегодня очевидно, что шаги Хрущева в области десталинизации свидетельствуют не о либерализации системы, а о внутренних играх. Публикация в „Новом мире” рассказа о лагерях^[3] не есть симптом развития подобного рода литературы. Как раз наоборот, известно, что редакции советских периодических изданий завалены гораздо более сенсационным материалом, печатать который не разрешают. Впрочем, в знак предостережения для интеллигенции, что это никакая не либерализация, одновременно с публикацией рассказа в „Новом мире” имели место репрессии в области живописи и т.д.

Поскольку все „новинки” попадают в Советский Союз через Польшу, будь то американская литература или джаз (на Советский Союз приходится более 50% всего экспорта польских книг и более 40% экспорта журналов. Это официальные данные), следует подумать об издании серии наиболее выдающихся произведений, поднимающих проблему лагерей и сталинских преступлений, тем более, что эта литература совершенно не известна даже в Польше. Польша, которая в этой области первой получила максимальную свободу в отношениях с Западом, — более или менее *au courant* литературы периода после 1956 г. Однако большинство книг о лагерях вышло в период 1949–53 гг. Речь о следующих текстах: „L'accusé” [„Обвиняемый”] А.Вайсберга, „L’Affaire Taulaev” [„Дело Тулаева”] В.Сержа, „11 ans dans les bagnes soviétiques” [„11 лет в советских тюрьмах”] Э.Липпер, „Workuta” [„Воркута”] Й.Шольмера, „La révolution trahie” [„Преданная революция”] Л.Троцкого, только что написанная и переданная в издательство Коллинза книга Й.Бергера, „I was Stalin’s Agent” [„Я был агентом Сталина”] ген. В.Г. Кривицкого, „Технология власти” Авторханова.

Стоимость издания такой серии тиражом 2 тыс. экз., считая только затраты на печать и перевод (7 франков за страницу машинописи) составила бы около 40 000 долларов. Авторские права, вероятно, удалось бы раздобыть бесплатно или за символические деньги. Такую серию могла бы издать и распространять „Культура”, которая [в] этой области не только обладает большим опытом, но и достигла определенных успехов.

Сумма огромная. Самый простой выход — получить ее от какого-нибудь американского фонда. Тут есть дополнительное преимущество — это были бы «открытые» деньги, то есть мы исключили бы инсинуации, что это акция, финансируемая разведкой или организациями «холодновоенного» характера (вроде „Свободной Европы”)[4].

В письме к Чапскому, написанном примерно в то же время, мы находим также упоминания о другой издательской идее Редактора, которая должна была осуществляться параллельно с изданием «советской серии»:

«Следует составить подробную библиографию всех книг о лагерях и сталинских преступлениях, вышедших на Западе после последней войны. Речь идет не об обычном библиографическом списке, а о библиографии аннотированной, то есть включающей и набор стандартных библиографических данных, и краткие аннотации, и информацию об авторах с указанием времени пребывания в тюрьме, лагере и т.д. Машинопись такой библиографии нужно выслать в Союз советских писателей, сопроводив ее письменным призыванием опубликовать эти книги на русском языке во имя борьбы и т.д., и т.п. Письмо должна подписать организация, которой руководит Руссе^[5] и т.д.

В библиографии следует учесть не только западные издательства, но и издательства отдельных эмигрантских сообществ. Можно помимо Союза советских писателей направить аналогичные письма в союзы писателей советских республик (Украина, Литва, балтийские страны, азиатские республики и т.д.), сопроводив их библиографией, касающейся того или иного народа.

Поскольку абсолютно очевидно, что такое воззвание останется без ответа, следует практически одновременно опубликовать библиографию на польском и русском языках. На польском, потому что Польша — главный канал через который можно воздействовать на Россию.

О том, что эти проекты были друг с другом связаны и относятся к одному периоду, свидетельствует письмо Герлинга-Грудзинского к Гедройцу конца 1962 года, из которого мы узнаем о первоначальном плане действий и дальнейших изменениях, которые уже учтены в процитированной выше переписке с Чапским. Письмо это также позволяет увидеть, как модифицировал Редактор поступавшие извне предложения в интересах своей концепции:

«Я говорил с Силоне^[6]. Он внимательно выслушал Вашу идею, счел ее верной как принцип использования Солженицына, но выдвинул встречное предложение, немного другое, которое считает более разумным с прагматической точки зрения [...] По его мнению, парижское отделение Конгресса [за свободу культуры]^[7] должно создать небольшую комиссию (Еленьский, Вайсберг, Чапский, Ват и т.д.), которая подготовила бы подробную библиографию всех изданных на Западе книг о лагерях. Речь идет не об обычном перечне, а о библиографии аннотированной, содержащей краткие описания всех позиций (кто автор, в каком лагере или какой тюрьме находился, когда и за что был осужден, что составляет главную ценность его повествования и т.д.). Составление такой библиографии преследовало бы двоякую цель: она может быть издана отдельной брошюрой по-французски, по-итальянски, по-английски, по-немецки и, конечно, по-польски и по-русски в Библиотеке «Культуры»; разумеется, все издания, кроме польско-русского, в Библиотеке «Культуры» вышли бы усилиями соответствующих отделений Конгресса, не исключено также, что Конгресс дал бы деньги и на Ваше польско-русское издание. Во-вторых, такая библиография сразу же после ее составления (то есть в рукописи) должна быть направлена в Союз советских писателей через как будто бы существующую в Париже Ассоциацию писателей в защиту культуры (Руссе, Вильфос, Шпербер) вместе с письмом, призывающим к изданию этих книг на русском языке и подписанным всякого рода светилами „извне” (Рассел, Силоне, Мадарьяга, Ясперс и др.). В прессе следовало бы придать огласке только само письмо, а библиографию свести к простому перечню книг и авторов. Я так понимаю, что если этот проект Вас убедит, Вы подбросите его Еленьскому, поскольку технически и финансово он превышает наши возможности.

Списки „лагерных и антисталинских” книг, которые предполагается издать по-польски и по-русски. [...] Что касается меня, на первое место я бы поставил книгу Вайсберга и добавил книгу Бубер-Нойман «Под двумя диктаторами» и

книгу Йозефа Шольмера «Воркута» (которой сам я не знаю, но Силоне ее высоко оценил)»^[8].

Задуманная Гедройцем и Силоне библиография так и не была создана, большинство книг, которые Редактор планировал напечатать в „советской серии”, Институт также не издал. Две из них вышли в рамках „Архива революции”: открывавшая серию книга Вальтера Г. Кривицкого «Я был агентом Сталина» (1964) и завершавшая ее «Wielka czystka» [«Большая чистка»] (1967) — такое название получили в польском переводе знаменитые воспоминания Александра Вайсберга-Цыбульского «Hexensabbat. Russland im Schmelzetiegel der Sauberungen» [«Ведьмин шабаш. Россия в горниле чисток»]. Средства, благодаря которым удалось опубликовать десять позиций серии, обеспечил американский друг Гедройца Джеймс Бернхем, один из главных организаторов Конгресса за свободу культуры^[9].

Среди нереализованных издательских планов Редактора, связанных с русской литературой, следует упомянуть антологию русского эссе, которая должна была выйти под редакцией Яна Гоцлицкого^[10]. Из Цюриха, куда он уехал в шестидесятые годы и где работал в университете, Гоцлицкий обратился в 1969 году к Гедройцу с предложением издать сборник, который составили бы тексты Бердяева, Розанова, Шестова, Мережковского, Трубецкого и Соловьева. Редактор предлагал включить в антологию также послереволюционных авторов. Вдохновленный положительной реакцией Гедройца, который просил корреспондента проконсультироваться по этому вопросу с Михайловым, Гоцлицкий подготовил новый проект двухтомного издания, охватывавшего уже семнадцать авторов^[11]. Он был уверен в правильности составленного списка и считал, что сборник готов к печати. Гоцлицкий решительно писал Редактору:

«Я считаю, что последний вариант — безусловно лучший, поскольку за ним стоит глубокое знание материала. Конечно, антология в данной форме является также отражением моих личных вкусов, что естественно, раз я ее составитель [...] Я не очень доверяю всякого рода консультациям и т.д., поскольку людей, сведущих в этих вопросах, очень немного, а среди польской эмиграции я их не вижу вовсе (кто, например, разбирается в русском формализме или в акмеизме?) [...] Убежден, что такая книга сыграла бы весьма благотворную роль в польско-русских культурных связях» (30 апреля 1969 года).

Ознакомившись с новой концепцией сборника, Гедройц немедленно обратился к Михаилу Геллеру с просьбой высказать свое мнение:

«Прилагаю проект Гоцлицкого, буду признателен за замечания и предложения» (5 мая 1969 года).

Из дальнейшей переписки Редактора с цюрихским ученым ясно лишь, что со временем проект разросся до трехтомника^[12], количество текстов все увеличивалось, но в результате — по не вполне понятным причинам — издание осуществлено так и не было.

Подобная судьба постигла компендиум по русской философии, который должен был подготовить для Института Войцех Скальмовский. В 1972 году в письме к нему Гедройц излагает свое видение будущего издания:

«Идея подобного компендиума по русской философии, адресованного польским читателям, очень меня привлекает. Невежество в данной области огромное, при этом в молодом или среднем поколении растет интерес к России. Мне видится скорее книга, и я готов ждать, пока Ваши занятия позволят Вам найти для нее время. Думаю, в этом случае лучше, чтобы она вышла под Вашей фамилией, а не под псевдонимом. Потребуются ли Вам в связи с этим какие-либо книги? Если да, пожалуйста, дайте мне список, и я попытаюсь все раздобыть. Самую полную библиографию рус[ских] книг, вышедших в эмиграции, содержит каталог книжного магазина „Нейманис“. Если у Вас его нет, я охотно пришлю. У меня есть определенные — довольно большие — возможности для издания русских книг» (19 октября 1972 года).

По-прежнему мало что известно об издательстве — отличном от Литературного института — создание которого Редактор всерьез обдумывал с начала шестидесятых годов. В 1960 году в письме к Осадчуку он пишет:

«Дошли ли до Вас какие-то отголоски нашего русского номера? На меня произвели большое впечатление события на похоронах Пастернака, поскольку это прекрасное подтверждение правильности избранной нами тактики. К сожалению, глупый Запад не желает это понимать. Сейчас идеальный момент для моей *idée fixe* — создания большого восточноевропейского издательского дома. Такой путь может дать прекрасные результаты»^[13].

Через несколько лет Гедройц вернулся к этой идее, которая в связи с происходящим в России приобретала все более конкретные формы. В 1974 году он объяснял Милошу необходимость организации литературного издательства, которое публиковало бы книги на русском языке — в пользу этого проекта говорила политическая ситуация в России и возникшая в результате конъюнктура на книги, которой стоило бы воспользоваться:

« [...] брожение в среде молодых интеллигентов нарастает. Свобода, с которой они говорят и критикуют, поразительна. Больше, чем в Польше. [...] Они увлекаются эмигрантской литературой тридцатых годов, которую нельзя достать ни за какие деньги. Лучшее доказательство того, что русские ничего не делают — привезенный мне «Реквием» Ахматовой с предложением издать его здесь. [...] Идолы молодежи — Пастернак, Ахматова и Солженицын. На могиле Пастернака всегда свежие цветы, чуть ли не паломничество. [...] В Италии сейчас несколько советских стипендиатов. [...] Они рвутся к книгам. Которые я здесь с трудом достаю. Во-первых, сложно, во-вторых, очень дорого, а у меня нет денег. [...] Какой отсюда вывод? Следует организовать, и как можно скорее, русскоязычное литературное издательство, которое займется перепечаткой важнейших текстов русской эми[грации], произведений, востребованных в России (Мандельштам, Хлебников, Цветаева и т.д.), а также изданием переводов мировой литературы, которые могут сыграть роль катализатора. [...] Я разговаривал со Шпербером. [...] Он очень загорелся. В апреле он на несколько месяцев летит в США и взялся прощупать кое-каких людей и кое-какие организации. Он рассчитывает, в первую очередь, на профсоюзы, среди лидеров которых много русских евреев, а с ними Шпербер ладит. [...] Только умоляю: не говори об этом ни русским во главе со Струве, ни Вату. Начнутся сплетни, националистические игры и т.д. Сами они уже ни на что не способны и никогда не согласятся с тем, что единственным каналом в Россию является Польша»^[14].

Гедройц, который в это время „выбил” грант на „Архив революции”, не питал особых иллюзий по поводу возможностей Шпербера и, как оказалось, справедливо. О том, что в шестидесятые годы были предприняты другие шаги в связи с проектом Редактора, нам пока ничего не известно^[15].

Самым крупным успехом „Культуры” в области взаимоотношений с восточными соседями Польши Гедройц считал инициативу составления «Заявления по украинскому

вопросу» (см. т. 2, с. 305–331), которое — подписанное ведущими русскими диссидентами Амальриком, Буковским, Горбаневской, Некрасовым и Максимовым^[16] — журнал опубликовал в мае 1977 года. С целью улучшения польско-русско-украинских отношений Гедройц планировал также создать специальный компактный научный центр, который бы сосредоточил свои усилия на объективной оценке истории. В марте 1975 года Редактор писал Милошу:

«Я наблюдаю такое нарастание невежества в том, что касается польско-русско-украинских отношений, что этим следовало бы заняться. Я мечтаю создать группу из нескольких человек в Гарварде. Там ведь существуют Украинский научный институт, Центр российских исследований. Они могли бы выделить штатную единицу для русского или украинского историка. Хуже с поляком: кто будет платить? Единственный возможный кандидат — Юзеф Левандовский^[17] из Швеции. Этой идеей загорелся Солженицын, а также Бжезинский. Я нажимаю на них, как могу»^[18].

В августе Редактор делился своей идеей со Скальмовским, который к тому времени уже предложил заменить Левандовского другим кандидатом:

«Как Вы знаете, постоянно занимаясь русскими и украинскими проблемами, я давно подумываю о создании польско-русско-украинской группы историков с целью объективного исследования взаимоотношений данных стран, которые в них во всех чудовищно искажены. Лучший пример — „Из-под глыб” Солженицына, а ведь это писалось с самыми благими намерениями и несомненной симпатией к Польше. Участники группы должны обладать высоким научным уровнем, самостоятельность, как это часто бывает в эмиграции, тут исключена. Вне всяких сомнений, лучшая точка — Гарвард, где имеется большой центр русистики, руководителем которого является Адам Улам. Там есть также Украинский институт [...], созданный на немалые средства [...], собранные американскими и канадскими украинцами. Шансов открыть там польский центр нет ни малейших, поскольку в смысле готовности жертвовать польская эмиграция — это вам не украинская [...]. Таким образом, единственный выход — чтобы штатную единицу под польского историка выделил Украинский институт» (2 августа 1975 года).

Идею Гедройца „неожиданно более чем доброжелательно” воспринял директор Украинского института в Гарварде Омелян Прицак, который хотел объединить этот проект с

продвижением своей организации. Редактор предлагал Скальмовскому поехать в Гарвард в качестве представителя «Культуры» и одновременно в роли кандидата на место польского исследователя. Предполагалось, что заодно он проконсультируется со Збигневом Бжезинским, который с самого начала поддерживал данную инициативу. Ответ Скальмовского, очевидно, был негативным, поскольку в очередном письме Редактора мы читаем:

«Ваше последнее письмо меня чрезвычайно расстроило, [...] я так надеялся и по-прежнему хотел бы надеяться на возможность Вашей поездки в США. Вопрос создания этой группы историков я считаю первостепенным: после подписания русского заявления и создания этой группы я мог бы спокойно умереть. [...] Так что я рассчитываю, что Вы все же не откажетесь от этой поездки — хотя и отдаю себе отчет в том, насколько это для Вас неудобно. Я понимаю, что украинцы Вам скучны: скажу честно — мне они не только скучны, я их просто не выношу. Но следует разыграть эту карту, чтобы в будущем иметь на востоке какую-то альтернативу» (6 сентября 1975 года).

Для финансирования ставки польского исследователя в будущем центре Гедройц планировал объявить сбор средств, чтобы не зависеть от фондов „даже самых доброжелательных украинцев”^[19]. К сожалению, вскоре, по не вполне ясным причинам, процесс организации исследовательской группы был прекращен, а также отменена поездка Скальмовского, которого такое положение дел, вероятно, устраивало. План Гедройца провалился, хотя письма показывают, что перспектива Редактора выходила за рамки польско-русско-украинских отношений:

«Возможно, в будущем — если проект вообще выгорит — удастся подключить Литву и Беларусь. Если удастся это реализовать, я смогу умереть более-менее спокойно»^[20].

Зачем?

„Я человек восточный” — эти ставшие знаменитыми слова Ежи Гедройца из письма к Юлиушу Меровскому являются чем-то большим, нежели только декларацией происхождения или свидетельством привязанности к определенной территории. Редактор декларировал чувство ответственности за судьбы близкой ему части света, на которую столь страшный отпечаток наложил XX век. С перспективы сегодняшнего дня невозможно переоценить значение деятельности Института в

сфере культурно-политических отношений Польши и России. Благодаря Гедройцу и команде «Культуры» на Запад попадала запрещенная русская литература, голос свободной России, с трудом уворачивавшейся от вала, которым очередные диктаторы прокатывались по культуре. Успехом можно назвать воздействие, которое публикации Института оказывали на общественное мнение по эту сторону железного занавеса: они сыграли большую роль в процессе обнародования правды о советском терроре, сталинских преступлениях, реальности ГУЛАГа. Коммунизм на страницах изданий Института развенчивали как его недавние сторонники, так и жертвы.

Издания «Культуры», вопреки сомнениям Гедройца, влияли также на русскую интеллигенцию — и влияли сильно — это проблема, по-прежнему ждущая своего исследователя. Редактор придавал большое значение свидетельствам, поступавшим из Польши и России. Он был русофилом, опасавшимся при этом русских. «Россия завораживает меня как культура, литература, поэзия и как опасность»^[21].

Неразрывно связанный с прошлым, он смело смотрел в будущее, умея объединять, а не разделять — об этом свидетельствует, как мы сегодня видим, все наследие Литературного института и прежде всего, быть может, издания русской литературы.

Собранные в данной статье цитаты могут быть интерпретированы как очередное доказательство политического призвания Редактора. И это правда, хоть и неполная. Деятельность и издательские решения Гедройца были порождены позицией, которую наиболее точно сформулировал он сам: «Я не только ценю роль литературы, но даже в определенной степени ее переоцениваю. Однако я не собираюсь ограничиваться лишь ею»^[22]. Эти слова, возможно, объясняют, почему антитоталитарная литература являлась важной составной частью деятельности Института, а в некоторые годы — даже первостепенной задачей. Поскольку мы говорим о политическом деятеле, стоит задуматься о том, каким образом Редактор отбирал материал, что ценил в литературе, как понимал роль свидетельства и произведения искусства, их взаимоотношения и интересы издательства. Безусловно не только финансовыми вопросами объясняется то, что в каталоге Библиотеки «Культуры» отсутствуют книги Лидии Чуковской, Георгия Владимова, Юрия Домбровского или Евгении Гинзбург, зато присутствуют многие другие. Стоит также задаться вопросом, на первый взгляд, наивным, о том, почему среди любимых книг Гедройца оказался Алексей, а не

Лев Толстой, чем могли привлечь Редактора русские православные философы и что очаровывало его в поэзии Блока и Мандельштама. Не на все вопросы, вероятно, мы сумеем найти ответы, но их поиск самоценен: таким образом мы ближе знакомимся с Ежи Гедройцем и его огромным, разнообразным утопическим проектом, который, не имея шансов быть реализованным, несмотря на отдельные фиаско, все же оказался успешным.

Перевод Ирины Адельгейм

1. Как это случается, когда сохранилась лишь копия письма, нельзя быть полностью уверенным, что оно было отправлено.
2. См.: t. 2, s. 18.
3. Речь идет о рассказе Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича».
4. Возможно, этот фрагмент, написанный на идентичном, но отдельном листке фирменной бумаги Института, является частью того же письма (что и текст, процитированный выше).
5. Речь, очевидно, идет об Ассоциации писателей в защиту культуры, важную роль в которой играли Давид Руссе, Манес Шпербер и Луи де Вильфос.
6. Иньяцио Силоне (1900–1978) — итальянский писатель, сначала коммунист, затем независимый социалист, деятель Конгресса за свободу культуры.
7. Конгресс за свободу культуры — международная антитоталитарная организация, созданная в июне 1950 года на съезде в Берлине. Целью ее, по утверждению создателей, являлась борьба за свободу мысли, интеллектуальных исследований и независимость художественного творчества. В учредительном съезде Конгресса приняли участие Гедройц и Чапский, который в своем выступлении на открытии подчеркнул право народов, поработанных Советским Союзом, на свободу, а также необходимость участия в этом вопросе Запада. Главными инициаторами Конгресса стали: американский философ Сидни Хук, английский писатель Артур Кёстлер, немецкий журналист Мелвин Ласки, а также американский политолог Джеймс Бернхем, которого Гедройц на протяжении многих лет называл своим единственным американским другом. Он также добился приглашения на учредительный съезд делегации «Культуры». На съезде Гедройц познакомился, в частности, с Б.Осадчуком, Б.Левицким, Б.Николаевским,

В.Бронской-Пампук. В рамках своей деятельности Конгресс издавал политико-культурные журналы, в частности „Энкаунтер” (Англия), „Дер Монат” (Германия), „Прёв” (Франция), „Темпо Презенте” (Италия), „Куадернос” (Испания). Связующим звеном между Конгрессом и «Культурой» был Константин Еленьский, в 1952–1967 гг. член секретариата. Организация была распущена в 1966 г., после того, как раскрылось, что она финансируется ЦРУ. Более подробно об истории Конгресса см.: P. Grémion, *Konspiracja Wolności Kultury. Kongres Wolności Kultury w Paryżu (1950–1975)*, tłum. J.M. Kłoczowski, Warszawa 2004.

8. Письмо Герлинга-Грудзинского позволяет датировать письма Гедройца к Чапскому первой половиной 1963 года.
9. В письме Гедройца к Чапскому от 21 августа 1968 года говорится: „Бернхем [...] как ты помнишь, несколько лет назад устроил нам грант Лилли Эндаумент в размере 20 000 долларов, что дало мне возможность начать серию «Архив революции»”.
10. Ян Гоцлицкий (1937–2006) — филолог, переводчик, эрудит и полиглот, автор многих писательских и редакторских идей.
11. Этот вариант проекта включал также тексты: Блока, Шкловского, Тынянова, Эйхенбаума, Евреинова, Ахматовой, Мандельштама, Пастернака, Голосовкера, Виноградова, Синявского, Троцкого (последний с пометкой: «Это — свидетельство убеждения, что без коммунистов как-то глупо. Так что уж лучше Троцкий», письмо от 30 апреля 1969 года). Сборник должен был завершаться приложением — работой Станислава Бжозовского «Кризис русской литературы» (из его книги «Голоса среди ночи») как „свидетельство серьезного интереса к России в Польше, словом, нечто »символическое«”.
12. Они должны были быть распределены по категориям: «Философия и социология», «Литературоведение», «Литературная критика».
13. Giedroyc, *Emigracja ukraińska, Listy 1950–1982*, opracowała B. Berdychowska, tłumaczenie O. Hnatiuk, Warszawa 2004, s. 228; письмо от 4 июня 1960 года. Почти идентичный пассаж можно обнаружить в переписке с Ежи Стемповским в письме, датированном тем же днем, см. J. Giedroyc, J. Stempowski, *Listy 1946–1969, cz. 2*, opracował A.S. Kowalczyk, Warszawa 1998, s. 121.
14. Giedroyc, C. Miłosz, *Listy 1964–1972*, opracował M. Kornat, Warszawa 2011, s. 29–30; письмо от 25 февраля 1964 года.

15. Целое издательство Гедройцу создать, правда, не удалось, но по его инициативе в Варшаве с 1999 года по сей день выходит на русском языке, под редакцией Ежи Помяновского, журнал «Новая Польша». Впервые идея издания подобного журнала встречается в письме Редактора к Герлингу-Грудзинскому от 14 января 1994 года: «Собираюсь в начале марта послать Помяновского в Москву, чтобы установить контакты с рядом людей. Я бы хотел, чтобы он предложил издать несколько книг, например, „Утопию у власти“, „Машину и шестеренки“ Кручека, а прежде всего, чтобы он сориентировался, насколько возможно и сколько будет стоить издание нами журнала на русском языке. Этот журнал я себе представляю так: в духе „Культуры“, максимально острое освещение наиболее острых проблем, разных, не только польских. Звучит утопически, таким журналом я бы охотно руководил собственноручно, но мой переезд в Москву совершенно исключен. Во всяком случае, я хочу подготовить техническую базу, а потом искать редактора. Помяновский для этого подходит очень хорошо, но сомневаюсь, что он на это решится. Я, впрочем, с ним на эту тему не разговаривал. Политикой журнала занимался бы [Кароль] Модзелевский, а я пока что — на всякий случай — уже собираю материалы, которые могли бы нам пригодиться».
16. Гедройц также рассчитывал на подпись Андрея Сахарова, которой в результате под заявлением все же не оказалось. Его брошюру «Моя страна и мир» (1975), изданную Институтом, Редактор считал „блестящей“ (письмо Гедройца к Скальмовскому от 2 ноября 1975 года).
17. Юзеф Левандовский (1923–2007) — историк, в Польше — сотрудник Военной политической академии и Института истории ПАН, с 1968 года в эмиграции, сотрудник «Культуры».
18. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1973–2000, opracował M. Kornat, Warszawa 2012, s. 123; письмо от 2 марта 1975 года.
19. Ibidem, s. 134; письмо от 10 августа 1975.
20. Ibidem, s. 130; письмо от 1 июля 1975 года.
21. Berberyusz, Książę z Maisons-Laffitte, Gdańsk 1995, s.159.
22. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1964–1972..., s. 36; письмо от 13 марта 1964 года.

Механизм диктатуры

Ежи Стемповский, Берн 1954 г.

Продолжительность правления современных диктаторов и легкость, с которой они, в одиночку против всех, удерживаются у власти до глубокой старости, поражает. Судя по опыту, сократить этот срок могут лишь кардинальные военные поражения. Но и в этом случае диктатор погибает последним, отправив на смерть тысячи и миллионы своих подданных, которые, непостижимым образом, вместо того, чтобы воспользоваться оказавшимся в их руках оружием для свержения тирана, сражаются под его эгидой до последнего, даже после того, как окончательно развеются все надежды на победу.

Похоже, что профессия диктатора — едва ли не самая безопасная из всех. Вероятно, главную заслугу здесь приписывает себе начальник полиции, однако не исключено, что он переоценивает свою роль. Продолжительность и стабильность правления диктатора можно объяснить разве что феноменом социальной инерции. Сила структур и традиций заключается в том, что они продолжают существовать даже тогда, когда их существование утрачивает всякий смысл.

Самые большие усилия реформаторов тщетны, если им не повезет с благоприятными обстоятельствами.

Диктатура, будучи объявлена, немедленно переходит в разряд данностей, которые поддерживает вся мощь инерции. Вокруг диктатуры автоматически возникает своего рода игра сил, защищающая ее от падения.

Отправная точка диктатуры — ситуация, в которой предшествующее правительство не сумело предотвратить опасности, грозящие республике и общественному порядку. В момент прихода к власти диктатор пользуется активной или пассивной поддержкой граждан, опасаящихся внутренних конфликтов и хаоса. В подобных случаях римский сенат назначал диктатора, на которого возлагались ограниченные полномочия. Однако эта легальная диктатура, за исключением названия, не имела ничего общего с диктаторами XX века, поскольку не задействовала механизм, обеспечивающий стабильность нелегальной власти.

Как действует этот механизм? Диктатор приходит к власти, воспользовавшись поддержкой или пассивностью граждан, которые предпочли диктатуру революции и хаосу. Чтобы удержаться у власти, он должен сохранить эту альтернативу: или я, или хаос и революция. То есть должен позаботиться о том, чтобы угроза революции и хаоса постоянно присутствовала в сознании подданных. Начальник полиции станет из секретных фондов финансировать революционное движение, сквозь пальцы смотреть на деятельность террористических организаций и т.д. А если воцарение диктатора сопровождалось жестокими актами насилия и кровопролитием, начальнику полиции и вовсе не о чем беспокоиться. Провокацию заменит автоматически срабатывающий механизм. Поскольку ясно, что в случае падения диктатуры разъяренная толпа растерзает чиновников, а также наиболее известных участников репродукции режима, вспомнит всех, кто в дни переворота активно или пассивно поддержал диктатора, опознает по фото и бросит в тюрьму всех, кто кричал «ура» его речам, присутствовал на парадах и инаугурациях, сидел в соседней ложе и т.д. Альтернатива (или диктатура, или кровавая расправа) будет крепко сидеть в умах граждан.

Диктаторы не препятствуют произволу полиции, не запрещают насилие и пытки. Злоупотребление властью компрометирует легальную власть, но не вредит диктатуре. Даже наоборот, поскольку полицейский террор вселяет страх и в тех, кто боится полиции, и в тех, кто бледнеет при мысли о

кровавом терроре, который начнется после смерти или падения тирана.

Так что диктатор может беззаботно одаривать друзей пребендами и бенефициями. Первым импульсом благодетельствованных должна быть, казалось бы, мысль о том, что следует подстраховаться, имея в виду противников и наследников тирана. Однако наследников у диктатора нет, а что касается противников, даже мудрейшие из них не способны контролировать ход событий после падения тирана. Наверняка можно утверждать лишь одно: чем более жестоким было правление, чем больше с ним было связано злоупотреблений, тем безжалостнее окажется последующая расправа. Даже самые ловкие, сумевшие извлечь личную выгоду, не сумеют дистанцироваться от диктатора, отбежать от подножия трона.

Сталин, вероятно, безгранично верил в эффективность этого механизма, когда пошел на опасный шаг — увеличение скорости его оборотов. Еще тираны прошлых веков имели обыкновение внезапно казнить своих фаворитов. Система чисток распространила эту процедуру на весь аппарат исполнительной власти. Сталин не сомневался, что чиновник полиции, арестовавший своего начальника, и судья, зачитавший обвинительный акт своему скомпрометированному коллеге, будут послушны ему так же, как их предшественники. Таким образом, исполнительный аппарат, защищенный автоматизмом срабатывания системы, мог постоянно обновляться, не утрачивая своей продуктивности.

Тирания, правление одного против всех, всегда представляли собой весьма привлекательную для литературы тему. Писали о болезненной подозрительности, о бессоннице тиранов. Все это, вероятно, не более, чем художественный вымысел. Подозреваю, что диктаторы спят крепче своих подданных. Удержаться даже на небольшой должности в администрации или на производстве, уберечь скромные накопления от девальвации и замораживания — все это требует постоянной бдительности и множества ухищрений. В то время как власть диктатора защищена от недовольства миллионов тем, что автоматически парализует их действия и помыслы.

Диктаторы и поэты

Наиболее известные тираны прошлого окружали заботой художников и обзаводились придворными поэтами. Поэтические дифирамбы служили своего рода дополнительной легитимацией их власти. Подобное меценатство имело вековые традиции и слыло одним из атрибутов абсолютной власти. Поэтому от диктаторов нового времени ждали, что они пойдут тем же путем. Надежды не оправдались — как мы видели, сегодняшние диктаторы обходятся без всякой легитимации. Однако в нашем распоряжении есть некоторое количество написанных в их честь од и дифирамбов. Как правило, подобная продукция трактовалась как попытки авторов добиться благоволения власти и застраховать себя от ее произвола. Однако представляется, что этот феномен имеет более сложную природу.

Диктатор переходит границы, казалось бы, определенные человеку. Его безумства, за которые других помещают в дом умалишенных, тревожно комментируются растерянными подданными. Злоупотребления и преступления, которые другого бы погубили, лишь укрепляют его власть и придают ей некий инфернальный блеск, наполняя граждан парализующим страхом. В его безнаказанности заключена некая нечеловеческая тайна, *misterium tremendum*^[1]. Когда машина власти, сносящая головы и отнимающая разум, разгоняется до чудовищной скорости, фигура диктатора приобретает масштабы грозной сверхъестественной силы. Издалека подобный черной туче, вблизи — искусственному механизму, он оказывается вне парадигмы человеческого поведения, аргументами его не проймешь, спрогнозировать его действия невозможно.

Перед обличьем грозных сил люди всегда обращались к магии, к словесным формулам, способным изменить порядок вещей. Под пятой диктатора о будущем можно лишь ворожить. В атмосфере этого пронизывающего, витающего в воздухе страха ворожба, пускай даже туманная и приблизительная, видится чем-то определенным, обретает очертания надежды. Наименование сверхъестественных сил, заключение их в словесные формулы — есть попытка их освоения, локализации, встраивание в заклęcia и молитвы. Одетое в строфы и ритмы, чудовище уподобляется прочим чудовищам, драконам, сфинксам и химерам, утрачивает долю своей сверхъестественности.

Единственной формой магии, доставшейся нам от предшествующих цивилизаций, является поэзия. Под властью диктатора перед поэтами стояла особая, лишь им доступная

задача. У меня ощущение, что они ее не выполнили. Быть может, не их в том вина. Поэзия сегодня слишком далеко отошла от области магии, диктаторы же чересчур уподобились искусственным механизмам.

Воспоминания 1944–1945

Во время войны я несколько раз навещал в Женеве пару русских эмигрантов — Е.Д. Кускову и ее мужа, профессора Прокоповича. Кускова, некогда политический соратник Керенского, была арестована в начале революции. Когда во времена голода Запад медлил с оказанием помощи, опасаясь, что переданное продовольствие поглотят склады Красной Армии, Ленин обратился к репрессированной интеллигенции: скажите свое слово, вам поверят. Благодаря всем этим обстоятельствам, Кусковой удалось уехать. Муж ее издавал в Праге статистический журнал и считался крупнейшим специалистом в области советской статистики. В Женеве он был одним из экспертов-«советологов». Беседы с ними делились на две части, короткую и длинную. Первую составляла профессорская лекция Прокоповича, затем слово брала Кускова, женщина острого и обаятельного ума. Она произносила, как правило, всего несколько фраз, которые зачастую давали материал для размышлений на несколько недель.

В последний раз я видел их зимой 1944–1945 гг., вскоре после Нового года. Профессор, как и многие русские эмигранты в то время, с энтузиазмом говорил о советских победах и, оглядываясь назад, сожалел, что поляки никогда не имели связи с живыми силами России.

Кускова мгновение помолчала. Потом коротко сказала, что Польшу и западную часть Венгрии ждет очень печальная судьба, потому что именно там Россия, наученная опытом последних войн, создаст пояс безопасности — полосу, очищенную от промышленности, дорог и людей.

Пояс безопасности вдоль западной границы не был для России явлением новым. В эпоху царской России такой пояс на сотни километров протянулся по Правобережной Украине. Без единого фрагмента шоссейных дорог, без мостов — небольшие реки пересекали вброд, через крупные переправлялись на паромках, за исключением сахарозаводов — ни одного промышленного объекта. Население, правда, осталось на месте, но массовые переселения в те времена еще не были приняты. Нетрудно догадаться, что инициатива проекта создания пояса

безопасности исходила от военных. Не исключено, что в Кремле эту идею продвигал Молотов — тут можно строить разные предположения.

Не только Кускова высказывала подобные прогнозы. Услышав ее слова, я вспомнил и другие смутные предостережения. Швейцария в то время не поддерживала дипломатических отношений с Москвой. Однако там, в эмиграции, остался бывший дипломат при Лиге наций, Владимир Соколин, впавший, по его собственным словам, в немилость. Согласно предписанию швейцарской полиции, он проживал в Монтане, где в 1944 году его начали посещать дипломаты, промышленники и т.д. Перед его скромным жилищем стояла вереница автомобилей. Соколин имел связь с Кремлем и стал своего рода неофициальным агентом советского правительства. Он мог говорить, не обременяя это правительство ответственностью, чем пользовался широко и умело. Так вот, еще летом Соколин сказал одному румынскому эмигранту, что румынам в Швейцарии не стоит солидаризироваться с поляками, ибо их страну ждет иная судьба, нежели Польшу. В Румынии у России нет никаких существенных интересов, поэтому она, вероятно, не будет оккупирована. Польша же является для нее ключевой позицией, и судьба ее зависит от отношений с Германией.

Обеспокоенный этими предположениями, я прямо от Кусковой пошел к другим экспертам и советологам. Все что-то слышали о поясе безопасности, а один даже показал мне этот пояс на карте. Красными кнопками на нем были обозначены места, где уже начато осуществление плана. Продвигающаяся вперед советская армия попутно демонтировала фабрики, переправляя оборудование в Россию. В некоторых местах это походило на ликвидацию промышленных объектов, что эксперты сочли явными признаками создания пояса безопасности.

Складывалось впечатление, что все это не есть лишь плод воображения советологов. Осенью 1945 года, во время первой поездки в Германию, я видел спасенные из горевших учреждений документы, свидетельствовавшие о том, что немцы также располагали информацией о создании пояса безопасности на территориях, покинутых отступавшей армией. Наконец эти слухи подтверждались рассказами украинских беженцев из Галиции.

Точности ради добавлю, что в Польше этот проект остался неизвестным. Я расспрашивал приезжавших, однако никто ничего не слышал. Советских солдат — говорили они —

приветствовали с облегчением, поскольку их появление означало конец чудовищной немецкой оккупации. Лишь от одного человека я услышал, что кое-кто смутно ощущал некую нависшую над страной опасность. Последние опасения рассеялись, когда началось — с помощью СССР — строительство Новой Гуты.

Как известно, проект пояса безопасности, если и вышел из стадии разработки в генштабе, реализован не был. Подобные проекты находились в ведении одного человека — Сталина, а он остановился на другом варианте: создании Народной Польши.

Каковы были мотивы его решения? По меньшей мере один из них представляется очевидным. Пояс безопасности был вариантом на случай выхода русских из Европы; политика, предполагающая долговременное пребывание советских войск в Эрфурте, считавшемся центральной точкой континента, требовала иного рода освоения промежуточной зоны.

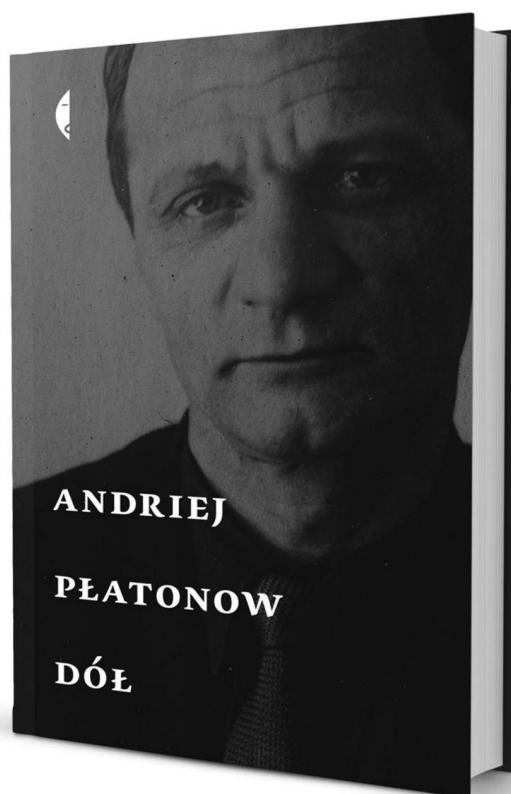
Культура, 1963, №3

Перевод Ирины Адельгейм

1. Ужасающая тайна (лат.)

Адам Поморский

Слово от переводчика

Весной 2017 года в Польше вышел новый — второй по счету — перевод «Котлована» Андрея Платонова. Автор перевода — председатель польского Пен-клуба Адам Поморский, социолог, поэт, эссеист, литературовед, критик, переводчик с русского, немецкого, английского, белорусского, украинского языков. Перечисление его переводов заняло бы место, соизмеримое с размерами нашей публикации, поэтому ограничимся несколькими: стихи Гумилева, Ахматовой и Мандельштама, Рильке и Элиота, белорусских и украинских поэтов, «Братья Карамазовы» и «Бесы» Достоевского, «Фауст» Гете... В новое издание, кроме перевода «Котлована», включено предисловие замечательного польского писателя Анджея Стасюка и послесловие Адама Поморского, в котором он, рассуждая об особенностях платоновской повести, объясняет, в частности, почему предпочел назвать свой перевод не традиционно «Котлованом», а «Ямой».

*

Россия как отдельная культура — явление молодое, сформировавшееся лишь в петербургскую эпоху своей истории, начало которой совпадает с началом XVIII века.

Большая часть выходящих за рамки местной традиции шедевров, каковыми русская литература обогатила мировую литературу, были написаны на протяжении одного столетия: между сороковыми годами XIX и сороковыми годами XX века. (Первым великим русским писателем в европейской литературе был, пожалуй, Гоголь — прозаик и драматург, а не Пушкин — неперево́димый поэт.) Для других областей искусства хронология несколько сдвинута, но ни в одном случае международное признание величия русского художественного творчества не произошло раньше сороковых годов XIX века — скорее, даже позже, ближе к модернистскому перелому на рубеже XIX и XX веков.

Андрей Платонов (настоящая фамилия Климентов; 1899–1951) — один из величайших писателей, рожденных Россией в то время. При жизни вытесняемый на обочину советской литературы и советской действительности, сейчас он признан на родине классиком и переведен на многие языки.

О своеобразии платоновских произведений свидетельствует не только их стилистическая оригинальность, но также их идеологический характер. Родившийся в Воронеже в семье железнодорожника писатель дебютировал в 1918 году в анархо-коммунистическом «Пролеткульте», еще не усмиренном тоталитарным большевистским режимом; пролеткультовской, одновременно космической, трансгуманистической и анархической утопии он, по сути, сохранил верность до конца дней, не обманываясь, впрочем, относительно ее реальности. Реальной — и исторически проигранной — была борьба за человека как индивида, в том числе человека, вышедшего из низов общества (как и сам Платонов), ставшая продолжением начатой в России сотней лет раньше борьбы за признание тогда еще подневольного русского мужика личностью в гуманистическом и историческом смысле. Это также была борьба за нравственную ценность труда, способного преодолеть — как писал в своей публицистике автор «Котлована» — катастрофическое противоречие цивилизации и культуры. Борьба эта не могла завершиться победой, в условиях тоталитаризма поражение было неотвратимо. Платонов это сознавал — он принадлежал к числу тех трезвых наблюдателей,

которые уже в 30-е годы XX века разглядели сходство тоталитарных сущностей сталинского коммунизма и нацизма.

Он не был сатириком (с равным успехом сатириком можно было бы назвать Гомбровича), не поучал, избегал даже сатирического морализаторства. В своем творчестве Платонов был антиутопистом. Антиутопия, как особый жанр с его прекрасными традициями хотя бы во французской, немецкой и англосаксонской словесности (от Свифта до Хаксли, Оруэлла, Брэдбери), представленная в современной русской литературе такими значительными произведениями как «Мы» Замятина или «Улитка на склоне» братьев Стругацких, буйно расцвела в конце XX века и начале нового тысячелетия. В этой цепочке проза и драматургия Платонова — неотъемлемое звено и признанный непревзойденный образец.

Антиутопия — не только как литературный жанр, но и как тип мышления, противопоставляемый мышлению утопическому, — складывается из пяти составляющих. Это: антисатира, в которой место нравоучительности занимает *reductio ad absurdum*^[1]; ироническое и самоироническое антидоктринерство, обусловленное ощущением абсурда; предвидение вырождения утопии в антиутопию (в продолжение платоновского мифа об Атлантиде); противоречивость общественных и политических идеалов (противоречивость принципов равенства и свободы); антиутопический контекст идеала человечества.

Что существенно, идеал человечества противопоставляется общественным и политическим идеалам — иначе говоря, утопии, выродившейся в идею «цивилизации смерти». Это созвучно апокалиптическим пророчествам Николая Федорова^[2], оказавшего на Платонова (и не только на него) немалое влияние. Пророчествам, произносимым специально ради того, чтобы не исполниться. Отзвук такого подхода сохранился в авторском комментарии — заключительных строках «Котлована», притчи *par excellence*^[3] апокалиптической:

«В полдень Чиклин начал копать для Насти специальную могилу. Он рыл ее пятнадцать часов подряд, чтоб она была глубока и в нее не сумел бы проникнуть ни червь, ни корень растения, ни тепло, ни холод и чтоб ребенка никогда не побеспокоил шум жизни с поверхности земли. Гробовое ложе Чиклин выдолбил в вечном камне и приготовил еще особую, в виде, крышки, гранитную плиту, дабы на девочку не лег громадный вес могильного праха».

Подобный характер, впрочем, носили воистину прозорливая критика и отрицание современной цивилизации, двигателем которой Федоров в период идейного кризиса 70-х годов XIX века счел индустрию секса и смерти — растлевающий человечество сплав потребительства с милитаризмом. Секс при такой трактовке служит, говоря сегодняшним языком, производству пушечного мяса, то есть повышению смертности. В этом, безусловно, крылось предчувствие войн и тоталитарных режимов, которым предстояло определить ход истории грядущего века.

Для Платонова это была уже современная история. В новых условиях обрела своеобразный смысл антисексуальность, унаследованная не только от Федорова, но и от мощного течения европейского модернизма, и от российских идеологических противоречий, что нашло выражение во многих программных произведениях писателя, а не в одном лишь рассказе «Антисексус». Отсюда и своеобразие «Котлована», где могильная яма ассоциируется с телесным низом. Этим объясняется наш выбор заглавия: не напрямую 'wykop' (что значит 'котлован, выемка'), а 'dół' — 'яма', поскольку у польского слова 'dół' есть и второе значение: 'низ, испод'. (Преимущество такого перевода русского понятия 'котлован' для этой повести давно обосновала Данута Улицкая, переводчик и исследователь творчества Михаила Бахтина; кроме того, к этому варианту названия склонилась возможность нежелательных ассоциаций с польским интернет-сайтом wykop.pl^[4].)

Так понимаемая яма в мифологическом и религиозном контексте антиутопии еще и по-другому связана с *котлованом*. В повести Платонова, которую считают едва ли не лучшим его произведением, искажается сама идея строительства общепролетарского дома высотой до небес: котлован все больше и больше разрастается, и образ дома сменяется образом Вавилонской башни — обращенного *вниз* вавилонского зиккурата. *Вниз*, то есть в адскую яму; ассоциация с картинами Иеронима Босха тут абсолютно уместна. Инфернальные ассоциации в ту пору, во тьме тоталитарной ночи, рождались у многих выдающихся русских писателей, мыслителей и художников.

Воплощение таких ассоциаций в «Котловане» — девочка Настя. Ребенка в этом антисексуальном мире не должно было быть; в платоновском тексте он есть, однако, заметим, Настя — дитя смерти. Имя «Настя» — уменьшительное от Анастасии. В отличие от большинства имен христианского календаря,

связанных с конкретным святым покровителем, Анастасия — персонификация абстрактного греческого понятия *Anastasis*, в православии обозначающего канун Воскресения Христова — Великую Субботу, когда Христос спустился в преисподнюю. «Уменьшенная» пером Платонова Анастасия олицетворяет собой не только эсхатологическое воскресение, но и заимствованную у Федорова идею цивилизационного воскрешения мертвых — вот почему в «Яме» такое значение приобретают останки и «вещественные остатки»: кости покойной Настиной матери или собираемые Вощевым артефакты, пережившие давно скончавшихся людей. Смерть Насти перечеркивает апокалиптические надежды. Это не сентиментальный мотив — это провозвестие ада, преисподней, в которую погружается человечество.

Ад этот удивительно конкретен и очень точно размещен во времени. Пометка «Декабрь 1929 — апрель 1930» на одной из трех авторских редакций повести — не даты создания «Котлована», а рамки исторического периода. Этот период — в границах, обозначенных речами и статьями Сталина, а также совещаниями и резолюциями пленарных партийных конвентиклов^[5], — стал адом людоедской коллективизации и раскулачивания советской деревни. У персонажей Платонова есть прототипы. У фантазмагорий — начиная с буффонадно-сатирической сцены поисков петуха, без которого колхозные куры не желают нестись, и кончая душераздирающей картиной уплывающих на плоту «по снежной текущей реке /.../ в свою отдаленную пропасть» кулаков, массово обреченных на гибель, — есть реальные прецеденты в череде событий тогдашнего времени. Впрочем, складывается впечатление, что масштабность этих событий вытесняет их за пределы реальности, и это позволяет понять, какое место в ткани произведения занимают мифологические и фольклорные элементы (к примеру, образы людей, которые, погружаясь в смерть, при жизни обрастают звериной шерстью).

Платонов со своими inferнальными предвидениями, как уже говорилось, был среди русских писателей не одинок. Оставим в стороне широко эксплуатировавшийся мотив дьяволиады, который реализовался в таком шедевре, как «Мастер и Маргарита» — стилистическом антипode «Ямы». Вспомним о навязчивом мотиве схождения в ад и посмертного превращения реальной жизни в духовное прозябание в творчестве таких великих поэтов, как Ахматова, Мандельштам или Николай Клюев, а также, на рубеже 20-х и 30-х годов прошлого века, у ленинградских обэриутов (Вагинов, Олейников, Заболоцкий, Введенский, Хармс), чья традиция

столь важна для сегодняшней русской литературы. Обэриуты, подобно их современнику Платонову, сочетали гротескность экспрессионистского образа, вмещающего в себя совокупность реальных и мифологических ассоциаций, с глубокими языковыми деформациями. Это не только и не столько ироническое передразнивание новоречи, сколько абсурдное бормотание — адский лексикон цивилизации смерти. Образ и язык в равной степени обезличивали человека — по мере того, как он осваивал повседневную экзистенцию в условиях ужасающих исторических обстоятельств. Деперсонализация перечеркивала возможность диалога в философском значении этого понятия. Уже после Второй мировой войны об этом упоминал Витольд Гомбрович в переписке с Мартином Бубером^[6], одним из создателей так называемой философии диалога. То же самое констатировали вышеупомянутые русские творцы.

Галиматья бесконечных тавтологий, фразеологическая, синтаксическая, грамматическая невнятица и даже насилие над орфографией, естественно, вызывали и продолжают вызывать бунт здравого рассудка. Об оскорблении, нанесенном здравомыслию, напоминает прекращенная на полпути попытка внести поправки в другую рукопись Платонова, предпринятая в начале 30-х годов мэтром советской литературы Максимом Горьким. Как справедливо отметил один из литературоведов, Горький поставил перед собой амбициозную задачу перенести платоновскую прозу из апокалиптического пространства в повседневную реальность, однако, видимо, понял, что, устраняя большую часть стилистических курьезов, он уничтожает литературную ткань всего произведения. Это должно послужить уроком и для современного переводчика.

Потребность в новом переводе «Котлована» через двадцать семь лет после публикации первопроектного перевода Анджея Дравича^[7] (под названием «Wykor») возникла по двум причинам. Во-первых, по соображениям текстологическим. Повесть, как и многие другие неопубликованные при жизни Платонова произведения, была известна по издательским компиляциям, не соответствующим ни одной из трех сохранившихся редакций текста с авторской правкой. Между тем, в 2000 году коллектив российских исследователей опубликовал научное издание «Котлована», снабженное скрупулезным анализом всех вариантов; соответственно, сегодня основой польского перевода должно быть именно это каноническое издание. Текст эмигрантского издания, которым пользовался Дравич, от канона довольно сильно отличается:

там содержатся обширные фрагменты, по художественным соображениям вычеркнутые самим Платоновым, зато отсутствуют довольно длинные куски, выкинутые из-за неизбежности политической цензуры, а также немало изменений в отдельных фразах. (Повесть, разумеется, так и не была напечатана в СССР до Горбачевской перестройки.)

Вторая причина — стилистическая. За несколько последних десятилетий критерии литературного перевода стали более либеральными. Дравич же, хотя подчеркивал в предисловии своеобразие стиля Платонова, в переводе сохранял чрезмерную «правильность», особенно по отношению к синтаксису и орфографии. А вот при передаче фразеологизмов он преимущественно имитировал новояз (аналогично своим современникам — поэтам польской «новой волны» и близким к ним прозаикам). Это подход рискованный, который ведет, в частности, к перенесению «Котлована» «из апокалиптического пространства в повседневную реальность», правда, с идейной установкой, противоположной горьковской.

Такие соображения и определили решение взяться за новый перевод повести Платонова. Удался ли эксперимент — судить читателю.

Перевод Ксении Старосельской

1. Доведение до абсурда (лат.)
2. Николай Федорович Федоров (1829–1903) — российский религиозный мыслитель, философ-футуролог, один из родоначальников русского космизма.
3. По преимуществу; главным образом (франц.)
4. Создатели сайта определяют его как «место, где мы собираем самую интересную информацию из Сети: ньюсы, статьи, ссылки». Информацию на этом сайте размещают сами пользователи.
5. Конвентикл — внецерковное собрание членов церкви для общей молитвы.
6. Мартин Бубер (1878–1965) — еврейский экзистенциальный философ.
7. Анджей Дравич (1932–1997) — польский критик, эссеист, знаток и переводчик русской литературы.

Экстаз и ремесло

(о парадоксе связи с традицией)

1.

— Один любопытствующий как-то спросил меня: — Но что это такое — курсы поэтического мастерства? Можно научиться писать стихи? То есть я тоже могу попробовать? — Много на этом свете следует попробовать, даже ад, куда спустился Орфей. Кто желает стать волынщиком, тот обязан туда спуститься — написал Шандор Марай — иначе обречен в лучшем случае на стилизаторство. Поэт должен познать самые мрачные закоулки нашего земного бытия, в противном случае ему грозит стать версификатором, а поэзия — это не ремесло, это занятие экзистенциальное, выходящее далеко за пределы профессии или невинного хобби.

2.

Чему нельзя научиться на курсах поэтического мастерства? Тому, что не вполне принадлежит человеку и что, вероятно, можно назвать упоением, порывом «ветра Орфея», который возникает, где хочет и когда хочет, который подхватит тебя, но он же и отшвырнет, чтобы умчаться неведомо куда, перенестись в иные центры, чужие края. Этот порыв подчиняется непостижимым законам, находится за гранью человеческих устремлений и воли, являясь в определенном смысле частью недоступного целого и высших сил, неподвластных весам и мерам рационального разума. И когда этот порыв стихает, поэт чувствует себя так, словно у него «душа убывает» (Герцен), словно она сворачивается и засыхает, будто струйка крови. Экстатическое упоение, порыв, то есть нечто среднее между сном и явью, смертью и жизнью, нечто пробуждающее ко сну и баюкающее реальностью, нечто оживляющее смерть в акте мести жизни. Словом, состояние, углубляющее наше ощущение бытия и одновременно укрепляющее само бытие. Такая среда — можете мне верить или нет — наиболее благоприятна для поэзии, источающей в ней свое темное свечение.

Упоения — носители смысла, но поскольку они, как правило, слепы, то нуждаются в проводнике. Это его знания и интеллект подвергают несомый упоением смысл мгновенной формообразующей огранке, позволяют проторить путь в языке. Этот проводник — познавший алгебру и алхимию слова ремесленник, который подает ведомому упоением и «подслушивающему тайны» руку, дабы тот не заблудился и не забрел неведомо куда, который подставляет под щедро изливающуюся материю поэтического смысла густое сито слов, который ловит лучи этой материи при помощи тщательно отрегулированной системы словесных линз.

3.

Следовательно, языковое ремесло лежит в области достижимого при условии, что участники поэтических курсов проработают мощную традицию поэтического языка, это огромное дерево с его глубокими корнями ереси и бесчисленными ответвлениями условностей, при условии, что они приложат ухо к его стволу, неохватному и необъятному, вслушаются в пульс животворных соков, позволяющих дереву продолжать расти, в то время как одни ветви засыхают, а другие расцветают. Трудная любовь, она дает пропуск, позволяющий занять место на этом дереве и участвовать в разговоре, что начался на заре поэзии и постоянно возобновляется, неустанно обновляется, пропуск, позволяющий «встретить» на этом беззаботном пиру величайших жертвователей языка, включая Гомера, Шекспира и Рембо. Конечно, получению такого пропуска должно сопутствовать огромное «страстное желание преодолеть время (...) и осуществить частичное, выборочное воскресение актом любви, преданности, восхищения», — написала Надежда Мандельштам.

Мы можем познать тайны ремесла различных поэтических цехов, но это знание не породит произведения, хотя, с другой стороны, ни одному автору без этого знания не обойтись.

Известно, что поэтическую традицию нам никто не преподнесет на блюдечке с голубой каемочкой, это невозможно, поскольку не существует универсальной, объективной модели ее познания, но по-своему — свободно и интуитивно — мы можем пытаться ее поймать, заполучить. Лишь то, что добыто своими руками, отобрано у неуловимого прошлого, способно подарить нам чувство добросовестно выполненной задачи, имя которой: трудолюбие и

любопытность. Сперва следует продемонстрировать трудолюбие по отношению к поэтической традиции, умение искусно скользить по всевозможным переходам в густой кроне ее дерева, нередко заросшим, а следовательно, нуждающимся в том, чтобы их открыли заново, и лишь потом рассчитывать на награду. Какую награду? Я имею в виду чудо со-вершения поэзии, которому предшествует «предпесенная тоска» (Ахматова), или «пробужденное отчаяние» (Гете).

4.

Дар экстатического упоения и поэтическое ремесло — трудное, требующее сосредоточенности и трудолюбия, терпения и тяжкого труда — являются двумя сторонами единого творческого процесса. Это не два разных метода созидания; чтобы родилось произведение, экстатик обречен на ремесленника, они должны слиться в мощном и неразделимом объятии и вычеканить общую монету. В противном случае экстатический момент, подобный танцу невыразимого восторга, благодарности и молитвы, будет растрочен впустую, а ремесленник, несмотря на владение языковым мастерством и искусное оперирование всевозможными техниками художественного выражения, останется рабом существующих форм и приемов стихосложения.

5.

Я ищу аналогию или образ для описания мощного импульса, каким является упоение, этот Орфеев вихрь, который медиум ловит в свою трубу, какую-нибудь из свирелей или вспомогательных колокольчиков. Ибо импульс этот — не очередная едва теплая запись стихотворения, относящаяся к области дневной или ночной повседневной деятельности, как правило, чересчур причудливая и вымученная, порожденная не столько любовным объятием с логосом, сколько несчастливой и агрессивной силой над его духовной телесностью; о нет, сей языковой импульс обладает мощью стихии, вырывающей из земли слабо укорененную и незрелую поэтическую флору, не познавшую своих возможностей — темных и бездонных глубин корневой системы, которую следовало сперва переварить и освоить, проработать и охватить.

Здесь, как всегда, руку мне протягивает неизменный в своей откровенности Шандор Марай, который в «Дневнике» сравнил сей священный импульс с актом творения, уподобив творческий процесс землетрясению, образованию гор, озер или каньонов, а готовое произведение — результату тектонических сдвигов.

Столь далекое сравнение? Поэт подобен родящей и сотрясаемой актом рождения земле? Земле творящей, а тем самым преобразующей, обновляющей облик своей коры и месторождений? А стихи — тектоника лингвистической материи, указывающая языку новые семантические поля, меняющая его картографические расчеты? Языку, чьи знаки сравнимы с геологическими шрамами, поствулканическими бороздами, а их музыка — с водотоками и водными артериями?

Мир поэта сродни геологии (непредвидимые и непредсказуемые иррациональные акты), а мир версификатор — сродни геодезии (меры и весы, нормы и границы).

Подведем итог: может ли поэзия служить лингвистической мерой новой земли? Острова счастья? (звучит чересчур сентиментально). Способен ли поэт преобразить внутреннего человека, существующего в каждом из нас? Заставить его подняться с уровня эгоистических инстинктов к позиции, где совершение добра является высшей формой свободы? Настолько я бы ее не переоценивал. «Спасти» род людской, равно как и отдельных людей, невозможно, но цель поэзии и всей литературы, цель духа, который подобно лучу преломляется и проявляется в человеке, — поддерживать в человеческой душе очаг живого осознания такой задачи.

Кшиштоф Рутковский в сказке «Что такое поэзия» написал — на полях размышлений о судьбе Артюра Рембо — следующую фразу: «Следует признать: поэзия есть любовь». Если ты не усвоишь сердцем эту заповедь — ты, взявший в руки перо, чтобы набросать саркастическую строчку, а затем вторую — полную ненависти, и третью, отдающую серой, и четвертую, нигилистическую, и пятую, ласкающую твое — ах, до чего же несчастное, но при этом до чего же уродливое — эго, и, наконец, шестую, с гнильцой — так вот, если ты не запомнишь эту фразу, то пропадешь, погрязнув в похмелье болезненных амбиций, униженный собственной горечью, с черной желчью на губах.

Стихотворные строки подобны суденышкам. К чему спускать на воду суденышки, которые моментально идут ко дну?

6.

Тот, кого коснулся или поднял в воздух вихрь, источник которого остается непостижимым, оказывается «вовне» (Мицкевич в письме к Ходзько 1848 года: «Я моментально оказался вовне»), то есть в некоем времени, метафизическом уголке, соскользнувшем с магистрального пути и осязаемой платформы пространства; в шульцевском «тринадцатом месяце». Деформация нашего бытия «вовне» происходит одновременно с изменением перспективы, глаз, смотревший обычным образом, начинает видеть иначе. Вслед за Ярославом М. Рымкевичем следовало бы назвать это «не-здешним взглядом». Вместе со сдвигом «вовне» и преобразованием, вызванным этой новой перспективой, проявляется и нечто третье, та особая — на пике напряжения и чувств — перспектива постижения ткани бытия, его основы, одновременно экзистенциальной и эфемерной.

7.

Помимо рождения и смерти к числу наиболее эйдетических экзистенциальных ситуаций в человеческой жизни относится любовь. Из этих трех явлений она, пожалуй, сложнее всего, требует самоотверженности и мужества, в отличие от конформизма и трусости, представляющих собой весьма живые атрибуты нашего существования. В своем дневнике Марина Цветаева написала такие слова — обращенные к больному туберкулезом Петру Эфрону, брату мужа: «Слушайте, моя любовь легка. Вам не будет ни больно, ни скучно. Я вся целиком во всем, что люблю. Люблю одной любовью — всей собой — и березку, и вечер, и музыку, и Сережу, и Вас. Я любовь узнаю по безысходной грусти (...)». Анна Пивковская в биографической книге «Проклятая. Поэзия и любовь Марины Цветаевой» называет любовь автора «Поэмы горы» и «Поэмы конца» высокотермичной — „(...) лабораторная аппаратура выдерживает температуру 400, 500 или даже 600 градусов по Цельсию (...) И Марина эту температуру выдерживала — удерживала, чтобы выплавлять в этом пламени стихи».

8.

Возвращаясь к волынщику из первого абзаца данного текста: важно, каковы диапазон и возможности инструмента. Осип Мандельштам в статье 1921 года «Слово и культура» написал: «В священном исступлении поэты говорят на языке всех времен, всех культур. (...) Слово стало не семиствольной, а тысячествольной цевницей, оживляемой сразу дыханьем всех веков». Не обрисовав себе горизонт этой гениальной метафоры как точки, до которой нужно дойти в собственных занятиях поэзией, не стоит вообще браться за перо. Не представляя себе, что в некой отдаленной перспективе способен в священном упоении именно так сыграть на слове, ты не имеешь права перенести на бумагу даже одну строку. Две мандельштамовские фразы, посвященные поэзии, бросают серьезный вызов, поскольку обозначают недостижимый горизонт. Поэзия — это стремление к невозможному, поэтому только такие — на первый взгляд, немыслимо далекие горизонты — могут к ней приблизить.

9.

Экстатическое упоение — дар из числа редчайших, кто знает, возможно, в каталоге даров и милостей оно обозначено как явление уникальное, случающееся в жизни поэта, с различной степенью напряжения, раз, максимум — три. Кто знает, не является ли творчество, совершающееся между этими состояниями — которые подобны верстовым столбам поэтической судьбы — разве что более или менее удачным подражанием тому единственному в своем роде, неповторимому духовному упоению, живо связанному с «подслушиванием тайн». Эти имитационные процедуры можно сравнить с образом ночной бабочки, которую «таинственная рука» бросила в ядро света, чтобы затем оттуда извлечь. С этого мгновения вся ее судьба подчинена неудержимому стремлению, попыткам, беспомощно трепеща крылышками, испытать глубину жизни в эпифании. С тайнами шутить не стоит (они опасны и ужасающи), их «подслушивание» не зависит от воли и направления усилий поэта, который является — по словам Чеслава Милоша — лишь смиренным секретарем высших сил. Более того, как написала Надежда Мандельштам: «К тайнослышанью привыкнуть нельзя — к чуду не привыкают, ему можно только удивляться. Поэт всегда полон удивления».

Он никогда не уверен в своей языковой профессии и не чванится способностями, которыми обладает, зато полон удивления.

10.

«Творческое чудо», воплощающееся в стихотворении, поэме или другом произведении искусства, совершается однажды за всю историю мироздания, оно уникально. Не стоит ждать повторения чуда, его дальнейшего умножения. Тем не менее, оно очерчивает горизонты, как духовные, так и языковые, достающиеся в наследство другим, которые, увы, тривиализуют и формализуют феномен волшебства. Поэт — первопроходец, а к этим, идущим вслед за его фразой, порожденной «подслушиванием тайн», невольно относишься уже с подозрением, они неосознанно, вольно или невольно, принимают правила цеха, в котором, правда, приобретают высокий статус, но на их «поэтические творения» ложится тень вторичности и ремесленничества. Да, ремесло связано с прошлым. Им нужно заниматься и преобразовывать.

Не стоит множить подражание.

Осип Мандельштам написал: «живущий несравним». Так что нужно быть живым до последнего знака. До точки.

11.

Кто-то однажды воскликнул истерично: «Не хочу жить, как жили до меня». Представим себе его изумление, когда эхо, вместо того, чтобы ответить ему той же фразой, ибо такова природа эха, отвечает: «Не хочу писать, как писали другие». Мало кто на самом деле жил собственной жизнью и мало кто писал, словно был первым в этой профессии. Мало кто строил свою жизнь в соответствии с языковой необходимостью, которая то и дело потрясает основы его экзистенциальности. Мало кто обладал видящим оком и слышащим ухом, переводя увиденное и услышанное в букву реального слова, не являющегося ни искусственным, ни выморочным (мы это чувствуем) и становясь, тем самым, владельцами и депозиторами поэтической материи. А та подобна морской волне, сотканной из частичек золотого песка, которые она постоянно отбирает у берега неведомой суши, непроглядным мраком отделенной от возможностей человеческого познания, а следовательно, и целостного охвата онтологического статуса человека «брошенного во время и пространство».

12.

Великая поэтическая традиция, являющаяся короной языка в целом, языка, в котором до недавних пор отражались идеи, сны, образы, пророчества нашей цивилизации являет собой притягательный, но неохватный лабиринт. Я пишу «до недавних пор», потому что цивилизация, похоже, утратила интерес к языку, пытаюсь найти опору и выражение в технических средствах коммуникации, невзирая на то, что эта опора высохла, как щепка, а это выражение вульгарно, мутно и порождено примитивными инстинктами. Что же это за лабиринт? Сплетение трактов, дорог, просек, тропок, аллей (а начиная с XX века — также мостовых, шоссе, автострад, эстакад, окружных дорог, серпантинных), отражающих ни что иное как процесс озарения бытия посредством языка, который, увы, обладает двойственной природой, поскольку используется в качестве инструмента как порабощения, так и освобождения нашей души, затемнения ее ландшафта или же его освещения, для разрушения стен, воздвигнутых словом и для воздвижения стен, разрушенных словом, для разъединения давно утраченного образа целостности жизни и мира и для объединения тех элементов, которые еще можно объединить, для соблазнения при помощи одной из благополучно властвующих над нами идеологий или исключения личности из стаи и т.д.

13.

Однако если ты захочешь подарить миру хотя бы одно стихотворение, близкое к совершенству, хотя бы одну строку, но такую, о которой поздний внук скажет, что она сплетена из духа красоты и духа смысла, из духа эстетики и этики, следует, облачившись в шапку-невидимку, войти в этот лабиринт и присоединиться к неисчислимым хорам голосов и бесконечным партитурам знаков, познать прошлое языкового ремесла, его технический спектр, а также овладеть началами гармонии, перспективы, вкуса и т.д., получить знания о школах и канонах, ортодоксиях и ересьях, жрецах и совратителях, богохульниках и святых, алгебрах и алхимиях, рецептурах и формулах, поскольку все это запечатлено в языке; следует помнить, что круты и опасны склоны поэзии и воспринять в этом удивительнейшем странствии причитающуюся тебе порцию мудрости.

Рышард Капуцинский во время одной из наших встреч на чердаке дома на Прокураторской, где был устроен его кабинет,

признался, что для того, чтобы написать одну страницу, он должен прочитать сотни других. Причем, хочу подчеркнуть, эти страницы вовсе не принадлежали перу поэтов или философов — они, с не меньшим мастерством, были созданы путешественниками, мемуаристами, репортерами, учеными и т.д.

Я никого не призываю становиться книжным червем, но убежден: буквы языка позволяют нам прочитывать буквы нашей жизни, которая также является книгой, хоть смыслы ее закрыты, а предназначения туманны, и позволяют немного разобраться в хаосе — углубляющемся и одновременно разрастающемся, в частности, из-за того, что мы перестали дарить мир доверием, а позволили обмануться иллюзорными развлечениями и небытием.

14.

Книга некогда — летопись движений души (Бродский).

Книга ныне — собрание текстов, печать.

Чтение некогда — священнодействие (Мараи).

Чтение ныне — развлечение, убивание времени.

15.

Райнер Мария Рильке в «Письмах к молодому поэту»: «Нужна большая зрелая сила, чтобы создать свое там, где во множестве есть хорошие, и нередко замечательные, образцы». Спустя полвека Константы И. Галчинский написал в подобном духе письмо Александру Малишевскому, там есть такая фраза: «Это парадокс: связь с поэтической традицией и одновременно разрыв с ней. Какую же страшную и опасную любовь нужно питать во имя этого». Если верить поэтам, необходимы огромная сила и зрелость, опасная и ужасающая любовь — чтобы решиться подойти к порогу великого лабиринта поэтической традиции и прыгнуть. Поэт не покидает раз и навсегда этот лабиринт, он постоянно возвращается в него, ибо присутствие в нем тех, кто присоединился разговору давным-давно, укрепляет его сердце и поддерживает усталую голову. Они говорят ему: иди и будь живым до самого конца!

Лабиринт темен и бездонен, но — вот парадокс — поэт ощущает, что в нем он отыщет больше животворных сквозняков, нежели находясь среди своих современников, и зачастую предпочитает блуждать в нем, а не по все менее реальной земле, где все чаще встречаешь проводников хоть и красноречивых, но мертвых. Они не хотят или, утратив вкус к участию, уже не могут существовать ради самого бытия — бесхитростно и мощно, естественно и отважно — поскольку слишком уверовали в то, что призвано служить не более, чем средством, не более чем орудием существования. Средство и орудие они вознесли на «алтарь», навсегда превратив в фетиш.

16.

В стихотворении «Ошибка» итальянского поэта Эудженио Монтале, уроженца Генуи, есть такие строки:

Нет жизней кратких или долгих

Есть только жизни подлинные или жизни мертвые и им подобные.

Когда Монтале переносил на бумагу этот образ, он был уже пожилым поэтом. Такой поэт в большей степени достоин доверия, чем молодой, пускай даже тот ослепляет нас виртуозностью стихосложения или поражает причудливостью метафор. Я говорю — «образ», а не мысль, поскольку это прежде всего образ, который стоит подарить нашему воображению, дабы оно привело в действие его изобразительное и символическое измерение. Старый поэт противопоставляет количественным, я бы сказал, «геодезическим» меркам жизни в первой строке — ценности качественные, «геологические» во второй. Быть может, так, быть может — нет. Наверняка можно сказать лишь одно: образ Монтале не дает мне покоя и вспыхивает внутри тревожным пульсом, словно это живая ткань, а не знак на бумаге. Однако наиболее зловеще звучит его конец, а именно слова «и им подобные». Попробуем транспонировать линию жизни, о которой идет речь в приведенной цитате, в букву стихотворения — не забывая во время этой процедуры о словах русского поэта, уничтоженного по приказу Сталина, о том, что живущий несравним — и что у нас выйдет? Сравнение и

подобие — два стилистических брата-близнеца; сравнивая, мы уподобляем.

По моему убеждению — не собираюсь никому его навязывать, хочу лишь поделиться — язык в руках версификатора стремится к правдоподобию подобий, а следовательно, к их легализации; в руках же поэта, упоенного порывом вихря, язык освобождает нас от этой тирании, выводя, в плане как экзистенциальном, так и лингвистическом, из этой бесплодной земли на землю плодородную, из положения мертвого в положение из мертвых восставшего, которое означает иной взгляд и иное ощущение нашего бытия — более независимое, более зрячее.

Ноябрь 2017

Перевод Ирины Адельгейм

TOPOS
Литературное издательство